

СЕВЕРЯНЕ, В ПУТЬ!

АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

У народного журнала «Северяне» начался новый творческий этап. Ольга Григорьевна Лобызова, основательница этого уникального издания, передала журналистскую эстафету новой команде. При этом она остаётся желанным гостем в стенах редакции и на страницах её любимого детища.

Тысячи наших постоянных читателей сейчас наверняка зададутся вопросом: изменится ли концепция журнала, уйдут ли в прошлое его традиции. Отвечаю: журнал в полной мере сохранит свою народную сущность, и это самое главное. Не профессиональные журналисты – простые северяне, люди разных профессий и взглядов по-прежнему наполняют своими статьями, рассказами, очерками значительную часть нашего редакционного портфеля. Надеемся, со временем их станет ещё больше, а произведения новых авторов придутся читательской аудитории по душе.

Традиция посвящать часть журнала тому или иному значимому историческому событию, явлению тоже никуда не денется. Один из разделов этого номера «Северян» приурочен к скорбной дате – 80-летию со дня начала Великой Отечественной войны. «Возраст» этого эпохального события превышает среднестатистическую продолжительность жизни в стране и это веский повод задуматься над тем, что ждёт нас, когда голоса ветеранов зазвучат только в записи.

Теперь о новых направлениях в работе редакции. В этом номере мы объявляем старт проектам, посвящённым художникам и литераторам Арктического региона. О них расскажут наши книжные обзоры и вернисажи. Пополнился и перечень рубрик – они расширили привычную тематику издания, а смелые дизайнерские решения освежили его облик.

Что ж, северяне, в путь!

Главный редактор «Народного журнала «Северяне»
Андрей Баландин

СОДЕРЖАНИЕ

ФОКУСЫ СМЫСЛА

1 **Андрей БАЛАНДИН**
Северяне, в путь!

СТРОГАНИНА

6 **Татьяна МУШТАЕВА**
Ямал в цветах итальянской пастели

7 **Татьяна ПОКАЛЬНЕТОВА**
Гузель Сибэгатуллина: «В детстве от меня прятали карандаши»

10 **Надежда ХАБАЗА**
Екатерина Алфёрова: «Сибирь держит меня в тонусе»

13 **Наталья ГЕРЦ**
Любовь Бутузова: «Лишь простой карандаш раскрывает красоту тундры»

16 **Геннадий СЫСОЛЯТИН**
Время собирать якоря

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

20 **Андрей ПАВЛОВ**
История одной фотографии

21 **Елена БАШКИРЦЕВА**
Глубокий тыл, тяжёлый труд

24 **Иван БЫЧКОВ**
Седина и слёзы 9 Мая

32 **Андрей БАЛАНДИН**
Мой дед из штрафбата

38 **Валентин ВАЛЬГАМОВ**
Брал Кёнигсберг, ранен под Берлином

40 **Елена КУЗНЕЦОВА**
Герой без звания героя

42 **Ирина СТЕЦИВ**
Ангел за плечом

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

46 **Нина ФАЛЬШУНОВА**
Чукотский документальный блокбастер покорила Ямал

50 **Геннадий ЗАЙЦЕВ**
О священной триаде и точках бифуркации

ИСТОРИЯ, ЛИЧНОСТИ, СУДЬБЫ

58 **Виталий ЛИВИТИН**
Город, который хотели затопить

63 **Татьяна МУШТАЕВА**
Как учёные отказались от моря на Оби

66 **Сергей ДЕНИСОВ**
Как салехардские бомжи в милиции деньги зарабатывали

74 **Вадим ГРИЦЕНКО**
Строил, пел и танцевал

80 **Алексей СНЕГИРЁВ**
Ольга Григорьевна, спасибо за «Северян»!

20

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 84 **Андрей ДРОБИНИН**
По следам нобелевского лауреата

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

- 92 **Алексей СНЕГИРЁВ**
Андрей БАЛАНДИН
Новые издания ищут массового читателя

Юрий КУКЕВИЧ

- 93 *Три книги, которые могли бы удивить мир*

Галина ШТУРН

- 102 *Тест на выживаемость*

Людмила ЕФРЕМОВА

- 104 *Я – твой сын, Павлушка*

ВОЗРОЖДЕНИЕ

- 112 **Андрей БАЛАНДИН**
Как вся Россия потеряла сознание

Обложка (стр. 1) – художественная работа Евгения Салиндера из коллекции Г. В. Сысолятина 1987 – 2002 годов

Обложка (стр. 4) – художественная работа Василия Моисеева

Название работы на 1-й стр. обложки – «Праздник». 1997. Масло, гуашь

Название работы на 4-й стр. обложки – «Древо». 2011. Бумага, карандаш

Народный журнал Северяне

№2 (87), 2021

Издаётся с 19 февраля 1999 года

Главный редактор **Андрей Вячеславович Баландин**

Редакционный совет:

Наталья Карьмова – председатель Общественной палаты муниципального образования Приуральский район, председатель Приуральского районного общественного движения «Возрождение»

Эльвира Гербель – родом из Салехарда, из семьи спецпереселенцев, представитель авторов-ямальцев, проживающих вне ЯНАО, и редакции журнала в г. Москве

Надежда Талигина – кандидат исторических наук, член Союза художников России

Дмитрий Фролов – директор ГКУ «Ямало-Ненецкий научный центр изучения Арктики», директор Благотворительного фонда «Ямине», кандидат технических наук, магистр искусствознания

Хабэча Юнгад – заслуженный работник культуры России, почётный гражданин Ямало-Ненецкого автономного округа

Вадим Гриценко – генеральный директор ООО «Центр археологических исследований» (г. Надым)

Над номером работали:

Татьяна Покальнетова

Алёна Садыкова

Жанна Ковязина

Наталья Шахова

заместитель главного редактора

ответственный секретарь

художественный редактор

корректор

Адрес редакции:

629007, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, а/я 134
Тел.: (34922) 3-27-27, 4-44-77. E-mail: severyane1999@yandex.ru

16+

Соучредители: Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Республики, д. 72). Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 701)

Издатель: Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 701)

Отпечатано в типографиях:

АНО «Ямал-Медиа»,

Юридический адрес: 629003, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, мкр. Богдана Кнунянца, 1, каб. 106

Фактический адрес: 629007, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Чубынина, 39А

Тираж 300 экз. Заказ № 0227

ООО «Форт Диалог-Исеть»,

620085, г. Екатеринбург,

ул. Монтёрская, д. 3, тел./факс
(343) 228-02-32.

Тираж 1260 экз. Заказ № 2120335

Дата выхода в свет: 26.03.2021 г. Распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ72-00566 от 20 апреля 2012 г. выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Редакция оставляет за собой право отбирать поступающий материал для публикаций, а также сокращать и редактировать. Рукописи и фотоснимки не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке материалов ссылка на «Северян» обязательна (Закон РФ «О средствах массовой информации», ст. 42).

Полные версии каждого номера «Северян» можно найти на интернет-сайте www.libraries-yanao.ru (корпоративный информационно-библиотечный портал ЯНАО), на сайте красныйсевер.рф (общественно-политическая газета «Красный Север»)

СТРОГАНИНА

ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА. «ЖИЗНЬ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА». 2020. СКЕТЧИНГ

ЯМАЛ В ЦВЕТАХ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПАСТЕЛИ

Татьяна МУШТАЕВА

г. Салехард

На флорентийской улочке скучал продавец красок. Подошла чета русских туристов. Они искали добротную сухую итальянскую пастель. Седой торговец поинтересовался: «Откуда вы?» Молодые люди ответили: «Мы из России. Сибирь. Полярный Урал».

У дедушки заблестели глаза: «О-о-о, я знаю, у вас там жуткий холод». Он шутливо поёжился, потер плечи и картинно воздел палец: «Для ваших северных пленэров у меня найдутся отличные синие и серые тона».

Туристы с улыбкой переглянулись и принялись выбирать мелки красных, жёлтых, зелёных, сиреневых оттенков.

Дедушка какое-то время в задумчивости наблюдал за покупателями, потом поинтересовался: «Не пойму, что в такой богатой гамме вы собираетесь у себя рисовать?»

«Ямал!» – ответили туристы..

Творец был щедр, не пожалел для арктических широт своих природных красок. Они радуют простых северян и манят живописцев со всех концов России.

Наш журнал начинает серию публикаций о талантливых, амбициозных, ярких художниках ямальской земли. В каждом номере будут представлены работы мастеров одного из муниципалитетов. Они украсят обложку журнала «Северян», рубрики и статьи.

Новый журнальный проект открывают живописцы газовой столицы. Местных художников часто объединяет Новоуренгойский городской музей изобразительных искусств. По словам его директора, Алексея Матвеева, учреждение позиционирует себя как площадку для встреч творческих людей. Для них и с их участием регулярно организуются мастер-классы, лекции, акции. Есть и постоянная выставка – «Молодые художники Нового Уренгоя». Она уже два года проходит в здании городской администрации.

– Здесь мы знакомим жителей с творчеством наших многочисленных мастеров, – поясняет Алексей Викторович. – Делаем всё, чтобы привлечь молодёжь и опытных художников, создать крепкое сообщество профессионалов и любителей, делиться опытом, развиваться. Нечто подобное уже было в нашем городе – в начале 80-х годов прошлого века. Новый Уренгой тогда только родился как город. Для работы на местных предприятиях съехались художники-оформители. Помимо стенгазет и транспарантов, они создавали талантливые картины. Благодаря им в 1984 году появился наш музей. С тех пор многое изменилось. Первое поколение мастеров в силу возраста покинуло город или эту землю. Сейчас мы вновь создаём городское сообщество художников. Нас ждут новые проекты, вернисажи и имена... 🌍

ГУЗЕЛЬ СИБАГАТУЛЛИНА: «В ДЕТСТВЕ ОТ МЕНЯ ПРЯТАЛИ КАРАНДАШИ»

Татьяна ПОКАЛЬНЕТОВА

г. Салехард

Она полюбила искусство вопреки родительской воле. Писать по-настоящему начала только в восемнадцать и добилась международного признания, как художник-акварелист.

Основная масса её коллег по творческому цеху предпочитает масло или карандаши – не всем по душе трудоёмкий процесс чистки акварельного рисунка. Но Гузель обожает сложности и не променяет свои краски на податливую пастель или гуашь.

– Акварель сразу очаровала меня своими возможностями. Это удивительно пластичная и женская краска. Она не должна чувствовать, что вы ею управляете. Тогда она раскроет себя в полной красе. То, как расплываются пигменты на сырой бумаге при нанесении акварели, завораживает. Поэтому я очень люблю писать «по-сырому».

Рисовать нашей героине нравилось с раннего детства. Да так, что родители прятали от неё бумагу и карандаши.

– Я их всё равно находила, поэтому урокам уделяла мало внимания. Это расстраивало маму и папу. Они очень хотели, чтобы я получила хорошее образование. Пришлось рисовать урывками в толстой тетради, которую я постоянно склеивала из обрывков оставшихся листов. Хранила её на верхней полке шкафа. И так до 18 лет. А потом меня было уже не остановить...

Гузель постоянно экспериментирует. Её технику по работе с акварелью так и можно назвать – экспериментальная графика. А наблюдения и поиск чего-то нового ей никогда не надоедают.

– Но иногда я могу выждать – чувствую, когда именно необходимо выплеснуть эмоции на бумагу. Несмотря на то, что моя манера письма выглядит импульсивно и стихийно, для меня умение выждать

ИЗ АРХИВА ГУЗЕЛИ СИБАГАТУЛЛИНОЙ

Гузель Сибагатуллина родилась 17 июля 1991 года в Новом Уренгое. До 18 лет не писала и не рисовала. Самоучка.

Впервые её работа на суд зрителей была представлена на V Всероссийской выставке акварели в 2018 году в Кургане. Тогда среди художников Ямала Гузель стала единственной, кто прошёл строгий отбор.

– важный момент. Бывают, конечно, творческие кризисы, но я воспринимаю их спокойно. Как паузу перед новым этапом.

Излюбленная тема в творчестве художницы – подсознание.

– Люблю писать и говорить о внутренней свободе женщины. В моих работах много птиц и рук. Это взаимосвязано, – поясняет она. – Часто выражаю эмоции любимыми цветами – индиго и холодным серым.

– Птицы и руки... Вспомнилась врубелевская «Царевна-лебедь».

– Да, это мой любимый художник. Его техника, манера письма, символы, которые он использовал, очень близки мне. Если бы была возможность попасть в прошлое, именно с ним хотелось бы поговорить. Ещё нравятся работы Софонисбы Ангиссолы. Это первая известная итальянская художница эпохи Ренессанса.

Гузель старается больше путешествовать, бывать на пленэрах, хотя на Севере это далеко не всегда возможно. Самые продуктивные вылазки с мольбертом случаются в августе-сентябре, когда тундра на пике своей яркости. Однажды ей посчастливилось побывать на пленэрах в Португалии – участвовала в международном фестивале акварели. Все восемь дней их вывозили на природу. Стояла жара, северянке было плохо из-за аллергии на солнце, но она всё равно радовалась такой возможности. Признаётся: если бы не пандемия, то побывала бы прошлым летом в шести странах. Мечтает посетить Норвегию.

На природе, в мастерской, в одиночку, на публике – нашей героине всё равно, где творить.

– Спокойно работаю в любых условиях. Когда пишу, полностью погружаюсь в себя, мне никто не мешает. Чаще всего творю на работе – в школе искусств. Ученики всегда видят меня за мольбертом. Думаю, для них это отличный пример того, что учитель может не только словами, но и делом показать свою любовь и преданность искус-

ству. Они тоже многому меня учат. Рядом с ребяташками мне всегда хорошо, спокойно, – признаётся собеседница. – У меня и дома дети, две дочки – Аврора и Вирсавия. Я мама-одиночка, хотя слово «одиночка» не очень мне подходит. Дома всегда много народу и царит творческая атмосфера – рядом с пианино стоит мольберт, есть даже музыкальный инструмент фимбо. Мечтаю выделить уголок для скульптуры и резьбы – ещё два моих увлечения после рисования. Когда от кости или дерева отсекаешь лишнее и придаёшь форму, это завораживает. Хочется, чтобы и дочки прониклись этим. Ни в каких порывах их не ограничиваю. Хочу, чтобы они были творчески свободными.

Чувство свободы не покидает и саму Гузель. Она не боится участвовать в конкурсах и быть непонятой другими. Этого страха нет уже давно.

– Мной движет интерес. Это же профессиональный опыт. Художник должен показывать себя, своё творчество, смотреть на других, общаться с публикой, знакомиться с людьми. Например, на международной выставке «Мир высокой акварели», которая проходила в Москве в 2019 году, я нашла много друзей. С Юрием Ломковым, Николасом Лопезом, Лю Му Лином и другими поддерживаю связь до сих пор. Благо, неплохо владею английским, учу испанский. Даже помогала организаторам в общении с иностранными мастерами.

Огромное желание рассказать о красоте этого мира, своих внутренних переживаниях – не словами, а картинами – вот что заставляет художницу развиваться, не останавливаться на достигнутом. 🌍

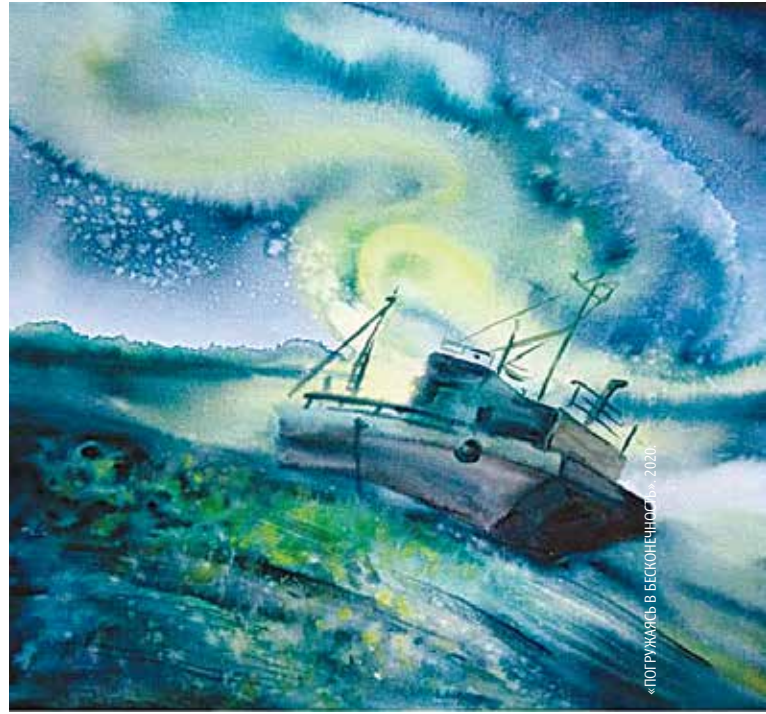
Гузель – профессиональный художник-акварелист, художник-график, преподаватель в Детской школе искусств № 2. Победитель и призёр многочисленных всероссийских и международных выставок-конкурсов и фестивалей (Израиль, Франция, Дания, Китай, Япония, Португалия и так далее).

В 2020 году представляла Россию на 6-й Международной биеннале акварельного искусства в Белграде, участвовала в международном марафоне художников-акварелистов «10 paintings-10 days-10 moods» по приглашению французской коллеги Марии-Клауди Канет и стала обладателем звания «Деятель искусств 2020» (Новый Уренгой).

«БУШЕ СЕВЕРНЫХ ТРАВ», 2020.

«ПОГРУЖАЯСЬ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ», 2020.

«УНЕСЕННАЯ», 2020.

«ЛИХМА И ЖЕЛТЫЕ ЯБЛОКИ», 2020.

Главное направление в творчестве Гузель – экспериментальная акварель по-сырому, авангард. Плавные переходящие переливы или же резко врезающиеся разводы – любимые приёмы автора

ЕКАТЕРИНА АЛФЁРОВА: «СИБИРЬ ДЕРЖИТ МЕНЯ В ТОНУСЕ»

Надежда ХАБАЗА

г. Новый Уренгой

Два года назад Екатерина приехала в Новый Уренгой из Луганска. Северный край принял тепло, но погодные аномалии стали для южанки настоящим испытанием. Впрочем именно они научили художницу творческой дисциплине и добавили красок её любимым совам.

Рисованием этих удивительных птиц она увлеклась ещё в университете. Образ мудрой хранительницы ночных тайн получался особенно хорошо, когда хотелось порадовать кого-нибудь авторским подарком.

– У меня был начальник, очень образованный, тактичный, деликатный человек. Решила отразить все его выдающиеся качества в образе очередной совы, – улыбаясь, вспоминает Екатерина. – Признаться, в каждом человеке я пытаюсь найти черты, присущие тому или иному тотемному животному или птице.

У Екатерины особенное восприятие мира. Она видит и подмечает едва заметные детали, принимает их близко к сердцу и изливает душу на полотно.

По мнению художницы, люди так привыкли к информационному шуму, что незаметно для самих себя утратили любознательность, а значит, и чуткость.

– Наш взгляд уже не цепляют простые вещи, а вместе с ними мимо нас проходит целый мир – краски, эмоции, – отмечает собеседница. – Несмотря ни на что, Север держит меня в тонусе, не даёт киснуть в самую лютую стужу. Здесь некогда раздумывать – мороз заставляет действовать осмысленно. Именно в таком состоянии в память чётко врезаются холодно-хрустальные арктические пейзажи. Это и есть искусство, и его здесь много – в городском ландшафте, в тундре. Нужно лишь захотеть, и вы увидите его, и восхититесь!

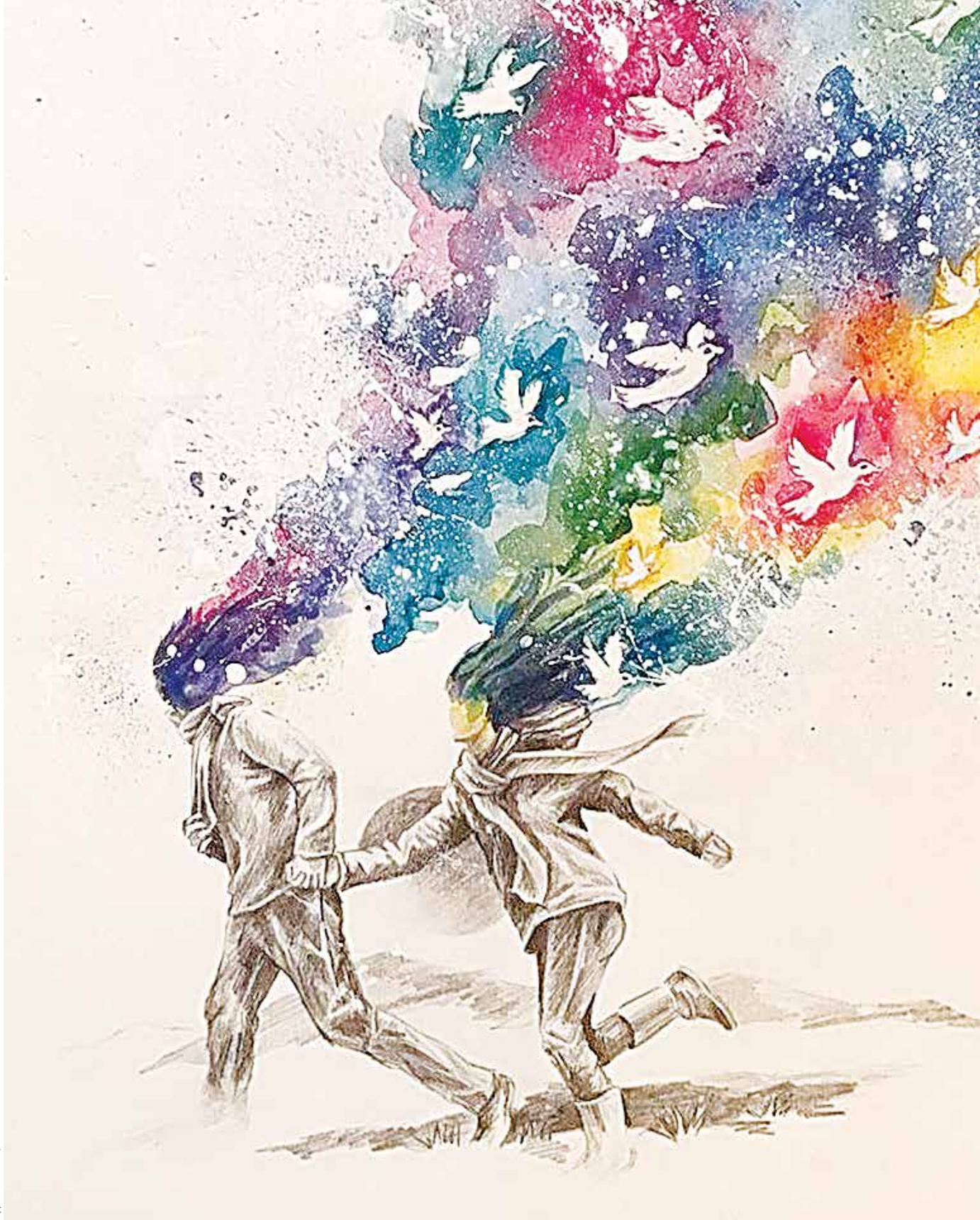
Свой Север Екатерина видит чистым листом бумаги, с которого начинается её личная история принятия или отрицания, обозначенная цветной красочной палитрой. И тёмных цветов она не боится, ведь иногда за чёрным тоном кроется любовь.

из архива ЕКАТЕРИНЫ АЛФЕРОВОЙ

Екатерина Алфёрова родилась 25 сентября 1988 года.

Окончила Луганский национальный университет имени Т. Г. Шевченко в 2011 году. Два года работала в Детской художественной школе в Луганске. С 2019 года трудится в Доме детского творчества в Новом Уренгое, педагог дополнительного образования, руководитель детского объединения «Вдохновение».

Может быть, поэтому её совы на фоне ночного неба так притягательны и таинственны, красивы и величавы, а пейзажи трогательны, словно детский рисунок.

Екатерина любит, прогуливаясь по заснеженным городским улицам, всматриваться в молочную морозную дымку. Она мыслен-

но разбавляет и смешивает с ней фееричное разнообразие красок.

– Присмотритесь, как щедро заливает природа белоснежное городское покрывало яркими цветными закатами. Они здесь особенные, других таких нет нигде в мире, – говорит художница. – А ещё здесь

«ОЗЕРО НАМНОГО», 2020

«ВОЛК», 2013

«ПОЛЯРНАЯ СОВА», 2012

своя радуга, и северное сияние – живописец от природы. Всё это вдохновляет, подстёгивает к творчеству...

Для Екатерины Алфёровой нет ничего некрасивого, она видит эстетику во всём и верит, что красота и творчество сильнее депрессии.

– Впустите в свою жизнь эстетические переживания, и вы увидите искры света на снегу, мимолётные улыбки прохожих, морозное кружево на окне, россыпь ягод в изумрудных листьях. И это всё есть жизнь, её удивительный процесс сотворения, – отмечает художница. 🌐

ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА: «ЛИШЬ ПРОСТОЙ КАРАНДАШ РАСКРЫВАЕТ КРАСОТУ ТУНДРЫ»

Наталья Герц
г. Новый Уренгой

С малых лет Любовь рисует. Она до сих пор помнит запах первых акварельных красок – самый значимый подарок в её жизни. Родители не успевали покупать альбомы, всё было моментально изрисовано.

– Меня с трудом приняли в школу живописи, ведь мне ещё и пяти не было, но мама уговорила преподавателей, – вспоминает Любовь. – С тех пор рисую всегда и везде. Радуюсь, что действую по зову сердца, перекладывая на бумагу прожитые эмоции.

Полгода назад Любовь приехала в Новый Уренгой из Томска, поддержала желание супруга сменить регион. Собирались недолго. Как только определились с работой, сразу уехали.

– Признаюсь, о Севере мечтала давно, много читала, слышала, но то, что увидела в реальности, превзошло все мои ожидания, – делится впечатлениями собеседница. – Необычный цветовой колорит и небо с облаками – такие низкие, что кажется, руку протянешь и утонешь в их пушистости. Всю эту сиюминутную бутафорию чувств тут же лёгкими штрихами набрасываю на бумагу...

Скетчингом Любовь заинтересовалась давно, ещё будучи студенткой Томского педагогического университета.

– Знаете, именно здесь, в Новом Уренгое, скетчинг спасает меня от невозможности творить в природе, – признаётся она. – А я очень люблю, взяв мольберт и краски, отправиться куда-нибудь на пленэр. Да только куда тут разбежишься с такими морозами!

Ей удаётся в белом снежном городе разглядеть многообразие красок, которые, вероятно, заметны натурам тонким, чувственным и творческим.

ИЗ АРХИВА ЛЮБОВИ БУТУЗОВОЙ

Любовь Бутузова родилась 2 августа 1986 года.

С отличием окончила детскую художественную школу в Зеленогорске Красноярского края. В 2008 году стала дипломированным специалистом по станковой живописи после окончания Томского областного колледжа культуры и искусства. Высшее образование получила в 2013 году в Томском государственном педуниверситете, по специальности «учитель иностранных языков». Преподаёт в Новоуренгойском Доме детского творчества.

Север Любви – цвета сирени, причём с палитрой оттенков, плавно переходящих из тёмных в светлые тона. Но только простой карандаш может просто и полновесно передать глубину национального колорита ямальской тундры, движение быстрого оленя и тепло чума. Образ города видится художнице в чёрно-белой гамме, начертанный штрихами – зигзагами.

А ещё наша собеседница поражается причудам ямальской природы.

– Уму непостижимо – здесь осень без задержек уступила место зиме. Это не объяснить словами, это надо видеть! Вчера на улице было плюс два, а утром все окрестности завалены снегом и столбик термометра упал до минус пятнадцати, – смеётся художница. – Я тут же хватаюсь за карандаш и отражаю картинку свободной графической линией, прописываю на листе тончайшие ажурные узоры падающих снежинок и настроение начинающегося дня.

В скетчинге, признаётся художница, она может делиться не только впечатлениями, но и проводить некий анализ увиденного.

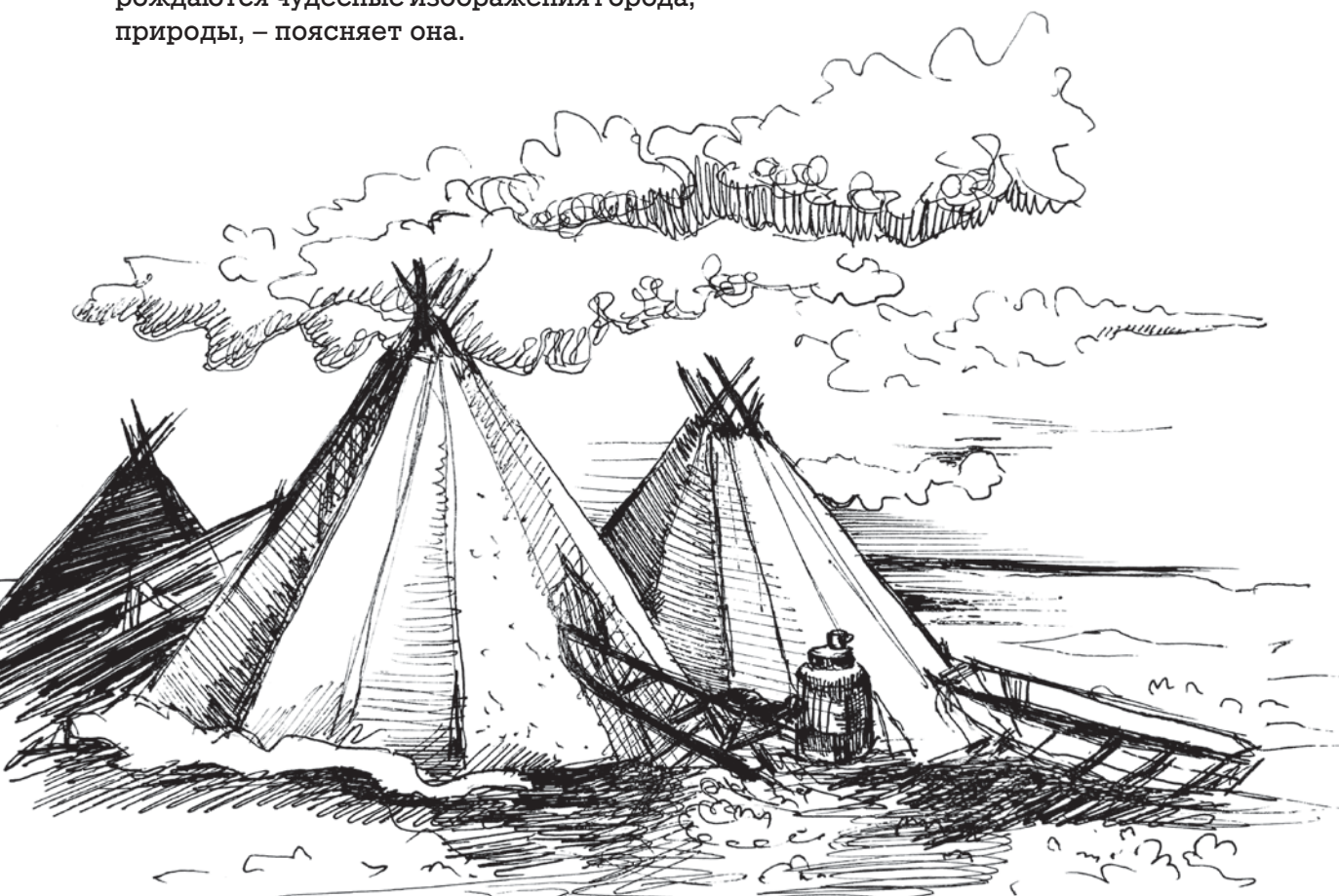
– Сначала проживаешь удивительное состояние графического наброска, а затем приходят инсайты, и элемент за элементом рождаются чудесные изображения города, природы, – поясняет она.

Любовь Бутузова очень любит краски, особенно процесс их смешивания. По её словам, это волшебство, которым можно заниматься бесконечно.

– Цвет для любого художника имеет большое значение, ведь каждый оттенок наделён определённой интонацией, звуком, – рассуждает собеседница, – Может быть, поэтому я не люблю грязных или чрезмерно насыщенных цветов, отдаю предпочтение сложным, интересным...

Одно огорчает Любовь – недостаток дневного света, без него цветная картина «гаснет». Пытаясь адаптироваться, она скрупулёзнее стала относиться к тонам и полутонам, постоянно находясь в поиске своего фирменного цвета.

– Зимний Север подчинён холодным тонам, но от этого он не теряет своей новизны, открытости и воздушности, – рассуждает наша героиня. – Пока же я его ощущаю через людей, свою деятельность и любовь к своим воспитанникам, радостным и искренним. 🌍

«МИКРОРАЙОН ОПТИМИСТОВ. НОВЫЙ УРЕГЮЙ», 2021

«СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ», 2020

Салехардскому старожилу Геннадию Сысолятину везёт на старинные якоря. Иной человек жизнь проживёт и не увидит ни одного дореволюционного четырёхлапного 20-пудовика, а в виртуальной коллекции Геннадия Владимировича их уже два. Оба обнаружены им на берегу Полуя. Предлагаем вашему вниманию его рассказ об этих удивительных находках.

Редакция «Народного журнала «Северяне»

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ЯКОРЯ

Геннадий СЫСОЛЯТИН

г. Салехард

Первый якорь – кошку середины 19-го века я нашел возле салехардской лодочной станции в октябре 1991 года. Думаю, до меня его там и другие люди видели. Вот если бы там лежала пушка крымской войны, её, конечно, сразу бы прибрали. А якоря людям не так интересны, хотя не менее редки. Понадобилось 22 года, чтобы поднять его и передать в окружной музей.

Севастополь. Русские якоря во всей красе

Второй раз удача улыбнулась мне 14 января этого года. Шёл к рыбакам, сидящим у лунок, рядом с речным вокзалом. Снег на льду почти полностью выдуло, было скользко. Яркое солнце светило в глаза. Впереди ничего не видно. Ориентировался на два бревна, вмёрзшие в лёд. В ста метрах от них чуть на зацепился сапогом за ржавую лапу на роге якоря, торчащего из-под снега. Вот так мы с ним и встретились.

Якоря, конечно, не грибы, но я знаю, где они прячутся. Знаю, где ещё три редких экземпляра лежит. Даст Бог, в ближайшие годы поднимут и их – для музеев, для памяти, для потомков...

***

Согласно морскому и речному Уставу, при постановке судна на рейд, у берега,

ИЗ АРХИВА ГЕННАДИЯ СЫСОЛЯТИНА

Говорят, якоря снятся к добру. Находятся, надо полагать, тоже

швартовке к пирсу, дебаркадеру или к другому судну, с капитанского мостика звучала команда капитана: «Отдать якорь!» Когда якорь на цепи, канате из пеньки или стальном тросе достигал дна, звучала другая команда: «Гюйс поднять, флаг перенести!»

ИЗ ФОТОАРХИВА МВК ИМ. И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Рабочие с помощью перфоратора, лома и лопат восемь часов извлекали якорь из заледевшей грязи. Сейчас он находится в распоряжении МВК им. И. С. Шемановского, ждёт реставрации и установки на постамент

или «На флаг. Флаг спустить!» или «Ходовые огни включить!»

На Тоболе, Иртыше, Оби, в Обской губе и в Карском море в 19-20 веках сибирские рыбопромышленники ходили на север Обдорского края за рыбой, моржовым клыком, пушниной и другим товаром. Туда везли продукты и торговали с местным населением. С парусного моторного судна и с баржи спускали якорь в воду, соблюдая традиции моряков. При ураганах и штормах дубовые суда и баржи из бруса разрушались. Их уносило по ветру и течению и выбрасывало на берег. Якорь оставался на месте. Со временем вода при отливе отступала, большие волны перекачивали его по дну к берегу.

Множество старинных бесхозных якорей пошло на переплавку. И лишь немногим из них повезло – они попали в руки равнодушных людей, и теперь украшают исторические галереи морских и речных портов.

***

Откуда же якорь? С Урала вестимо! Его произвели на Серебрянском или Краснотурьинском заводе не позднее 1850 года. К этому моменту рынок якорей насытился, и мастерам перестали поступать заказы для нужд Тобольского и Иртышского пароходства. Тому якорю, что я нашёл на Полуе, – более 170 лет. Круглое кольцо – рым – свидетельствует о том, что якорь изготовили по государственному заказу для владельца пароходства. Если бы была скоба – это частный заказ купца кузнецу. Стальной трос тройной свивки на якорю на 30 лет моложе якоря. Изначально якорь крепился на канате, поскольку цепь стоит немалых денег.

По поводу того, как якорь оказался на Ямале, есть несколько версий.

Версия первая. Летом 1930 года на полуйский берег высадили раскулаченных крестьян. Пятьсот обездоленных семейств из Тобольской губернии прибыли под конвоем в Обдорск на старых баржах.

Трюмы в барже вмещали до тысячи человек. Многие по дороге сгнули. Бывшие «кулаки» построили добротные бараки из круглой лиственницы в посёлке спецпоселения ГУЛАГа. В них и сегодня живут люди. Причалы пирса, котельную, несколько цехов и двухэтажную контору Обдорского рыбоконсервного комбината на ул. Маяковского тоже возвели они. Репрессированные взрослые и дети остались здесь жить и работать навсегда.

Старым баржам Тобольского и Иртышского пароходства в то время было уже восемьдесят лет, а к 1950 году и все сто. Возможно, одна из них развалилась во время шторма и затонула. Осенью баржу разобрали на строения или пустили на дрова. Якорь остался на дне Полуя.

Версия вторая. В августе 1942 года над территорией Ямала пронёсся ураган. Об этом рассказывали репрессированные спецпереселенцы второй волны из Молдавии, прибывшие под конвоем на рыбозавод в посёлок Новый Порт. Караван из восемнадцати барж разбросало по берегу. Много грузов

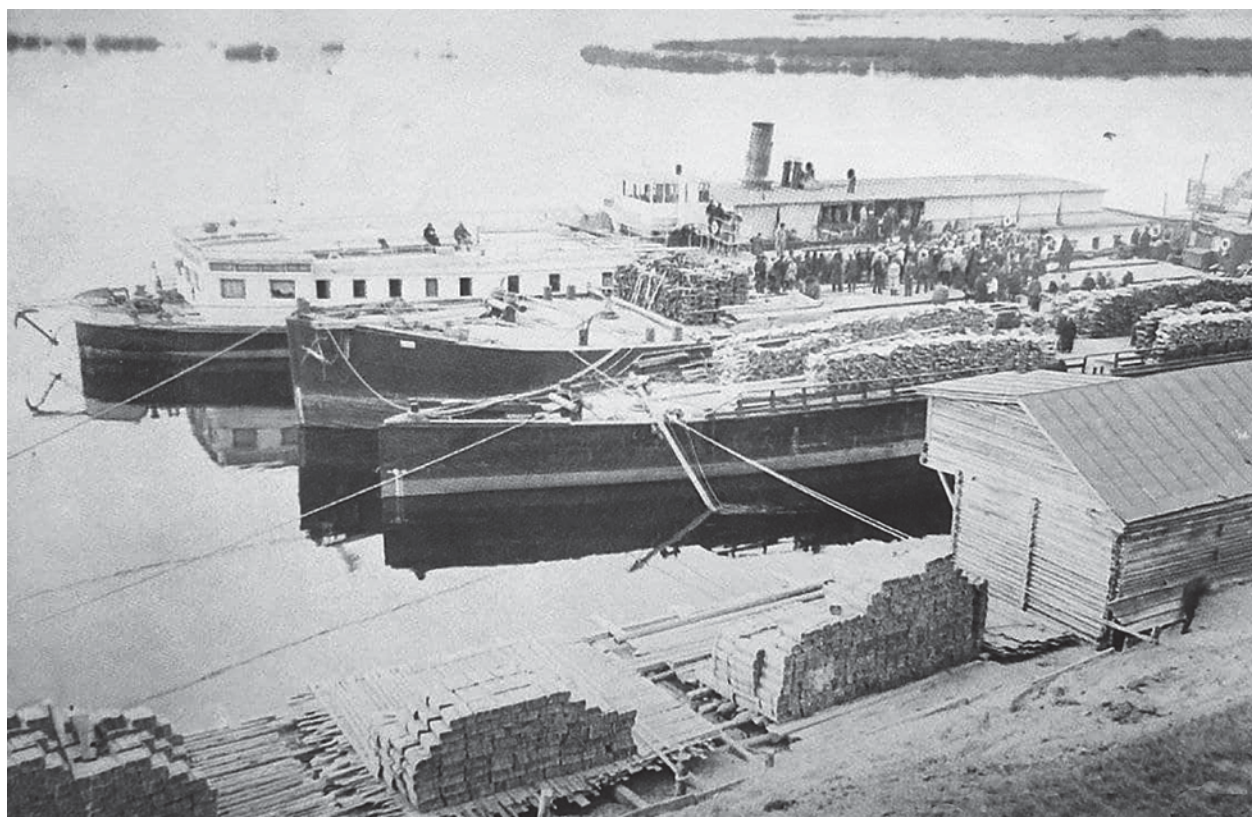
с продовольствием и строительными материалами унесло в Обскую губу. Часть груза выбросило на берег. Люди всё подобрали. Пароход «Микоян» бросил караван, развернулся и ушёл в Омск. Моя мать, родом из Омской области, с апреля 1942 трудилась вольнонаемной на рыбоучастке в посёлке Шуга Надымского района. Она тоже рассказывала об этом урагане.

Вот так и выходит, что сей старинный якорь так или иначе связан с судьбами тысяч спецпереселенцев. Он символизирует их трудный путь на Север и обретение новой родины. Не зря о тех, кто навсегда обосновался на новом месте, говорят: «Он здесь бросил якорь». Здесь я его и нашёл. 🌐

Ещё один якорь, найденный в Надымском районе, тоже находится в главном музее Ямала.

ИЗ КНИГИ «УРАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА ОБДОРСКОМ СЕВЕРЕ. ПРИПОЛЯРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1926–1927 ГГ.»

Обдорск, июнь 1926 года. Якоря ещё не легли на речное дно. Будущие спецпереселенцы ещё верили в светлое будущее

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ГУСЕВ С. Б. «ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ», 2021. СМЕШАННАЯ ТЕХНИКА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Андрей ПАВЛОВ

г. Салехард

У войны огромная тень. 80 лет назад она накрыла всю страну, наложив особый отпечаток на лица людей – даже тех, кто ещё не знал о её начале. Это хорошо видно по фотографиям того рокового дня. Есть такой кадр и в нашем архиве.

На снимке в верхнем ряду – зоотехник Надежда Большакова, приехавшая в село Горки с дочерью Натальей 22 июня 1941 года. Спускаясь на берег, пассажиры и команда «Тачанки» ещё не знали о разразившейся катастрофе. Судя по теням, фото сделано часов в одиннадцать утра. До начала трансляции с выступлением Молотова остаётся больше трёх часов. В этот момент вокруг Брестской крепости неумолимо смыкается кольцо окружения. Московские гастрономы принимают первых посетителей. 20 тысяч школьников, прибывших ранним утром в столицу из городов и районов области, готовятся к детскому празднику в парке «Сокольники». Граница СССР от Балтийского до Чёрного моря сотрясается под танковыми ударами «Барбароссы»...

Надежда Большакова, сфотографировавшись на память, спокойно идёт с дочуркой по селу. Многие из тех, кто ей приветливо кивает на улице, не доживут до мая 1945-го. Всё самое страшное ещё впереди...

Да, этот снимок особенный. Вроде солнечный, по-домашнему добрый. И люди на нём улыбаются. Но стоит увеличить лица мужчин и настроение меняется. Эти люди будто знают уже, что их ждёт. И даже паренёк в центре кадра выглядит решительным и немного уставшим. Впереди четыре года войны. Призовут ли его, вернётся ли он домой?

Этот раздел «Северян» посвящён скорбной дате – 80-летию начала Великой Отечественной войны. Он о тех, кто пронзил искрой своей жизни полки, флотилии и эскадрильи. Он для тех, кто живёт сейчас. 🌐

ГЛУБОКИЙ ТЫЛ, ТЯЖЁЛЫЙ ТРУД

Елена БАШКИРЦЕВА,
с. Мужи, Шурышкарский район

В многотонной массе документов военной поры затерялся альбом, собранный за тысячи километров от арены великих сражений. Он начат с первыми выстрелами Великой Отечественной – летом 1941 года, окончен – осенью 1942-го, когда в Сталинграде шли тяжёлые бои.

На редких кадрах тылового фотографа нет места смерти. Здесь только жизнь и мирный труд жителей села Горки – работников колхоза «Заря». Вот они косят траву под водой, отстраивают звероферму, придумывают и собирают соломорезку. Живые. Энергичные. Сосредоточенные. Их оружие – ударный труд. Их победы – богатый урожай арктической капусты, новенький телятник, спасённый молодняк. Всё то, без чего невозможно выживание воюющей страны.

Сейчас этот альбом хранится в Шурышкарском районном музейном комплексе имени Г. С. Пузырёва. В нём всего двадцать три фотографии, но как много они могут рассказать о том тревожном времени.

До победы ещё далеко, война только началась. Ещё не всех мужчин отправили на фронт.

Автор альбома – Надежда Большакова, приехала в Горки 22 июня 1941 года. Ступив на ямальскую землю, молодой зоотехник ещё не знала, что началась война. Позже, холодными зимними вечерами, в свете керосиновой лампы она клеила фотографии в альбом и подписывала их чернильной ручкой...

Ровно через семьдесят лет, в 2011 году, её младшая дочь Татьяна передала альбом музею. Вот что она написала в своих воспоминаниях: «Мама всю жизнь увлекалась театром, драмкружком и во время войны начала

Зоотехник
Большакова
на строительстве
зверофермы колхоза
«Заря»

Бригадир-животновод Егармин на сенокосе в 1941 году. Косить приходилось с лодок на глубине 2–2.5 метра

писать пьесы. Нужна была пьеса о войне, вот режиссёр (тогда наши жили в Горках) и попросил, зная, что она пишет в газету, попробовать. И они ставили эту пьесу. А уже, когда мы жили в Подмоскowie, две мамины пьесы опубликовали в издательстве «Советская Россия» в серии «Библиотечка. «В помощь художественной самодеятельности» в сборниках одноактовых пьес. В 1965 году – пьесу «Один день», а в 1966 году – «Над широкой Обью». Обе о Севере, о наших местах...»

Стихотворение Татьяны Павловны Большаковой отражает суть пьесы о войне:

*А девочка пластинку слушает
И не поймёт, откуда грусть.
Ведь голос, тихий и простуженный,
Ей обещает: «Я вернусь...»
И будет снято затемнение,
И будут танцы под гармонь.
И будет, будет возвращение
Для всех, разбросанных войной.*

Звено Шестаковой убирает картофель со своего участка

В Горках впервые вырастили капусту. Один вилок весил 3,5 кг!

Первый колхоз-миллионер

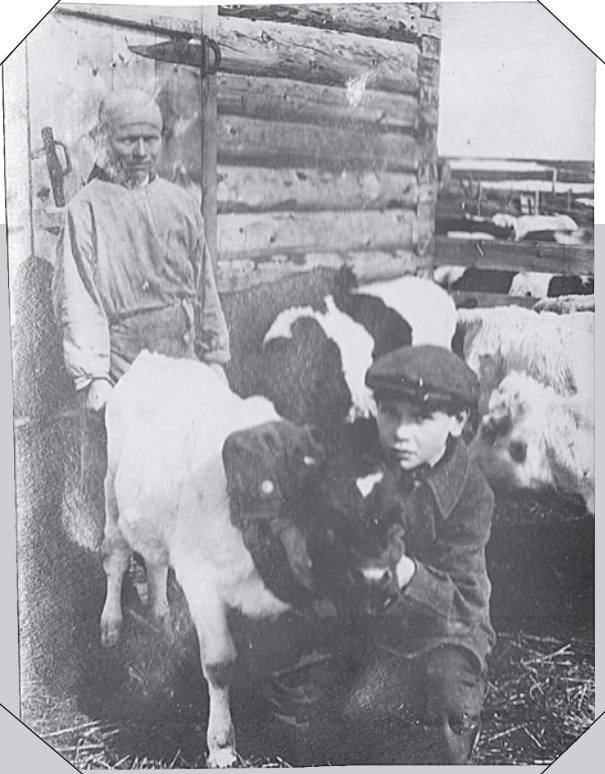
Что мы знаем о Горках той поры? Кто тогда жил в селе? Районная газета в апреле 1988 года писала: «Село возникло в 1931 году в сложное для страны время. Первые жители были спецпереселенцы – самостоятельные, хозяйственные, с трудовой жилкой. И несмотря на всякие экономические и политические поветрия, не слишком изменили своей натуре...»

Село росло стремительно. Каждую неделю под ключ сдавался новый дом. Всего за лето 1931 года было построено 46 домов. Одновременно возвели школу на 120 учеников. Ханты назвали это место «Елап вып» – Новое село, но местная администрация уточнила – это Красные Горки. Постепенно слово «красные» отошло на задний план, осталось весёлое – Горки. Кстати, единственное русское название среди населённых пунктов района.

Новые дома делились на четвертинки, в каждую вселялось несколько семей. На Кушеватский рыбозавод местные работники ходили за четыре километра пешком. В 1933 году в Горках зародилась неуставная сельскохозяйственная артель, которую через шесть лет преобразовали в многоотраслевой колхоз «Заря». И здесь эти униженные и обобранные советской властью люди показали чудеса умелой работы. К началу 40-х годов хозяйство стало первым в районе колхозом-миллионером. Сельскохозяйственные культуры занимали 100 гектаров пахотной земли. В двухстах километрах к югу от полярного круга получали богатые урожаи картофеля, репы, турнепса, капусты, свёклы. Также сеяли ячмень и овёс, в парниках и теплицах выращивали огурцы и помидоры. Разводили лошадей, коров, свиней, овец, кур. Занимались ремеслом. Вот какие люди смотрят на нас с фотографий. 📷

Окружной агроном Патрикеев и председатель колхоза «Заря» Засорин вернулись с удачной охоты

Пионер Борис Втюрин и телятница Макарова с телятами, рождёнными в 1941–1942 годах. Несмотря на тяжёлые условия, весь молодняк сохранили и выпустили на выпас в хорошей упитанности

СЕДИНА И СЛЁЗЫ 9 МАЯ

Иван БЫЧКОВ

г. Салехард

В прошлом году я впервые не участвовал в праздничных мероприятиях, посвящённых Дню Победы. Не шёл в колонне демонстрантов, не стоял перед Вечным огнём. И не смотрел парад по телевизору. Впервые с тех пор, как себя помню.

Интересно, но я не помню свой первый в жизни Новый год. Не помню первый День рождения. Тем более – 7 ноября или 8 Марта. А первый День Победы помню отчётливо...

С раннего детства 9 Мая был моим любимым праздником. Совсем не из-за патриотизма – я тогда и слова такого не знал. Просто весна, тепло, выходной.

Весело. Нет того нудного официоза, как на первомайские, когда долго стоишь с шариками в колонне транспарантов и ждёшь, когда же тронемся.

В этот день знакомые фронтовики рассказывали столько военных историй, что и за год не услышишь – в другое время они как-то неохотно вспоминали войну. Ну, не было такого, чтобы мой дед, просто так усевшись у стола, вдруг начал вещать о своих подвигах на фронте. Мой сосед – орденоседец, вернувшийся с несколькими ранениями, после вопроса о войне надолго замолчал, а потом отвечал несвязно. А выпив, только матерился. Я так и не понял, где и в каких войсках он воевал.

Конечно, мы – мальчишки – страшно завидовали дедам. Кто из пацанов не мечтал быть героем! У нас и игры были – футбол и войнушка. И самые любимые фильмы – тоже про войну.

Деды щадили наши детские умишки от ужасов войны, наверное, потому война и представлялась нам романтикой. Может, по той же причине, чуть позже, 18-летние пацаны писали заявления в Афганистан.

***

Впервые я оказался на войне 1 апреля 1995 года. И был ошеломлён той разницей между представлявшейся романтизированной картиной и серой реальностью. Оказалось, война – грязь и неразбериха. Это было видно сразу на фоне разбитого здания аэропорта «Северный». Повсюду на взлётной полосе, маленькими островками вокруг костров, сидели и спали прямо на грязной бетонке солдаты.

Везде суэта, кто куда бежит и едет, кто кого потерял и ищет – непонятно. И непонятно вообще, что здесь происходит – толкотня и мешанина. Совсем не похоже, что здесь прошла война. И только ряды носилок, укрытых сине-серыми солдатскими одеялами и перевязанных верёвками, отрезвляли и возвращали к реальности. Что под ними – гадать не приходилось.

А потом были уставшие глаза местных женщин в центре города. Они спокойно и неестественно дружелюбно торговали всякой мелочью на деревянных стульчиках, что стоят за школьными партами. А в это время на параллельной улице нарастала автоматная дробь – там шёл бой. Грозный

еще зачищали – второй, третий или какой там ещё раз...

Почему-то тяжелее всего на войне было смотреть на мирных жителей. Они не стреляли, не взрывали. Они ни за кого – просто хотели жить. Особенно дети. Дед про это не рассказывал. Наверное, не успел.

***

Один мой дед с войны не вернулся и на городскую площадь к памятнику 9 мая меня водил неродной – Маколкин Пётр Сергеевич. Медалей на его пиджачке было немного, но тогда у всех небогато блестело – фронтовик с одним орденом и двумя медалями уже считался героем...

Я очень хорошо помню свой первый День Победы. Было тепло и солнечно. Как говорится, природа радовалась с нами. Городская площадь заполнена фронтовиками – они были везде, с орденами и медалями или просто с орденскими планками. Здоровые, весёлые, хмельные.

Так много фронтовиков на городской площади я после никогда не видел. Много лет спустя понял, почему было так многолюдно – это была тридцатилетняя годовщина Победы и пришли даже те, кто никогда на такие мероприятия не ходил. И деревенские фронтовики в райцентр съехались.

Потом они шли в городской сад – на каждой лавочке, под соснами расстилались на газетах полевые застолья. Это были еще сравнительно молодые фронтовики, почти все работали, воспитывали детей. Ещё свежи были воспоминания.

Деда Петя каждый год 9 мая располагался с соседом, прошедшим всю войну, на лавочке у нашего дома. Иногда к ним присоединялись другие знакомцы в медалях. Я выносил стаканы, хлеб, огурцы, что еще мама выдавала. А потом они под хороший стаканчик на спор подтягивались на турнике.

Запомнилось, как уважительно пришедшие фронтовики общались с дедом.

Об этом я задумался позже, когда в школе проходили историю. Прочитал нужные книги, просмотрел правильные фильмы. В советские времена отношение к бывшим

военнопленным было неоднозначное. А Пётр Маколкин, вступивший в свой первый бой с немцами 22 июня 1941 года, до Берлина и Вены не дошёл и Кёнигсберг не штурмовал. С лета 1942 года сержант Маколкин топтал фашистские концлагеря, побывал в угольных шахтах во Франции, а из плена освобождился американцами уже на территории Баварии.

По возвращении из плена репрессиям не подвергнулся, а в тот юбилейный 1975 год работал на заводе вооружённым охранником (ходил с пистолетом). На заводе, между прочим, выпускали в том числе военную продукцию, поэтому к отбору рабочих, а тем более охраны, относились строго.

Значит, было что-то в обстоятельствах его плена, что не дало повода сомневаться в преданности. Особенно фронтовикам, которых байками не проведёшь.

Я слышал об обстоятельствах его пленения – оказавшись в окружении, остатки штаба полка заняли оборону в домике лесника. Сержант Маколкин отстреливался от окружавших фашистов с чердака из пулемёта. Последнее, что запомнил – вышедший на опушку леса немецкий танк...

Очнулся уже раненым на телеге. Рядом шли незнакомые бойцы, уже под автоматами немцев. Почему его не добились, он так и не понял.

О плене дед рассказывал мало, а я не лез с расспросами. Всё думал, что ещё успею.

***

В ноябре 1995 года под Грозным меняли мальчишку на боевика. Если честно, федералы к этому отношению имели половинчатое – боевики сами вышли на мать солдата и сказали, на кого из своих хотят его поменять. Мать приехала в Чечню из российской глухомани, встретила с посредниками, обо всём договорилась. С нашей стороны оставалось только вывезти задержанного боевика в условленное место. Обмен прошёл удачно.

Парня взяли во время боя, поэтому в плену ему пришлось несладко. Напоследок пригрозили, чтобы больше не попадался – в следующий раз отрежут голову.

У него были выбиты несколько зубов, но не было страха в глазах. О плене рассказывал

спокойно, без надрыва и истерики. Не плакал и домой не просился.

***

30 декабря 1995-го, два дня до Нового года. Вместе с омским ОМОНОм заняли здание бывшего ДОСААФ на окраине только-что разблокированного Гудермеса. Крыша разбита, стёкол в окнах нет. Когда развели внутри здания печку-буржуйку, от тепла стены и потолок потекли, на голову закапала вода. Спать невозможно. Всю ночь сижу рядом с ракетой.

– Семисотый! Семисотый! – зашипело.

– Слушаю тебя...

– Начался обстрел поста.

– Так отражай.

– Дембеля отказываются брать оружие. Требуют на дембель.

– Решай что-нибудь. Утром разберемся.

В эфир вклинивается напев из «Бриллиантовой руки»: «А нам всё равно, а нам всё равно...» Рация затихает.

Минут через двадцать:

– Ну, что там у тебя с дембелями?

– Все нормально, вышли...

Во время обстрела не до шуток.

Запомнилась БМП, что за несколько дней до этого появилась на «Горке» – высоте над Гудермесом, где располагалось командование группировки по разблокированию города. Бревно на её корме украшала большая размашистая надпись: «ХОЧУ ДОМОЙ!».

***

Не пришёл с войны домой мой дед Титченко Ефим Афанасьевич. Весной 1941 года вся его деревня выехала из Витебской области в Сибирь. Переселенцы застали войну в железнодорожном эшелоне. Сразу по прибытии на новое место жительства в Казанский район тогда ещё Омской области, дед получил из военкомата повестку. Моя мама родилась позже. Друг друга на этом свете они так и не увидели.

Дед погиб в марте 1942 года у деревни Карпово Калининской области. Сведений о его фронтовой биографии практически не осталось. Известно, что воевать начал в Крыму, а в январе 1942 года после переброски

КОРМАЖАННЫКОВЭЯНОМ
ФОТОГОРИЯ ТУОВА И С.САТА «ВОЕННЫИ ЛИБОМ»

А на войне как на войне: суета, неразбериха, усталость, страх. И привычка. Привыкаешь к недосыпу, к пулям, к смерти. А ещё отчаянно хочешь домой

на материк, его часть наступала в сторону Ржева.

Дивизия, в которой воевал красноармеец Ефим Титченко, дошла до Берлина. А он остался лежать в братской могиле посреди бескрайних просторов России.

Сиротами остались сын и три дочери.

***

Проведя всего девять дней в заснеженных арыках под Первомайским, где боевики Радуева удерживали заложников, я задумался о силе духа, которая позволяла дедам-фронтовикам месяцами и годами жить в окопах. Ведь даже если не воевать, не рисковать ежесекундно своей жизнью, не голодать и не страдать от болезней, а просто сидеть в траншее – в холод, зной, под дождём и снегом, для этого понадобится нечто большее, чем обычное чувство долга. Каким же неизбывным мужеством, силой воли, любовью к Родине и ненавистью к врагу обладали наши деды, что перенесли всё это. Разве способны особы и штрафбаты удержать в заледенелой землянке под обстрелом голодного человека, если он не желает там быть?

В постперестроечные годы написали и наснимали много всякой ерунды про то, как на передовой советских солдат удерживали под страхом трибунала и пистолетом замполита.

Сколько в этом правды, судить не могу. Но ни разу ни от одного фронтовика не слышал, что ему чем-то грозил или куда-то гнал замполит. От своих дедов про замполитов вообще ничего не слышал, ни плохого, ни хорошего. У одноклассника дед был замполитом, но он с войны не пришёл.

***

А мой дед – Бычков Иван Евдокимович – в Великую Отечественную не воевал, имел такую бронь, что на очередной (не первый по счёту) рапорт с просьбой об отправке на фронт, военком наложил резолюцию с угрозой привлечь к наказанию по партийной линии – чтобы не отвлекал рапортами.

В семейном архиве сохранился приказ учреждения об очередном отпуске Быčkова

И. Е. с 23 июня 1941 года, а сверху его подпись карандашом: «Отпуск отменяю по вине Адольфа Гитлера».

Воевал старшина Бычков на Халхин-Голе. Практически с первых дней. Хватил, как говорится, по полной. Будучи артиллеристом, отбивал танковые атаки японцев, ходил в рукопашную на самурайские мечи. Говорил, что это очень страшное зрелище.

Несколько дней пролежал без сознания после тяжёлого ранения.

Был награждён орденом Красного знамени. Позже, в 60-е годы, получил монгольский орден Полярной звезды.

Дед рано ушёл из жизни, поэтому воспоминаний почти не оставил.

Я был еще в детсадовском возрасте, когда к деду на 9 Мая пришли пионеры и принесли в подарок сувенир – маленькую пластмассовую стелу с надписью: «Волгоград». Она ещё долго стояла на старом комоде после смерти деда.

И помню, когда пионеры прибили красную звездочку к калитке дома второго деда. Впервые. Тогда красные звезды были на каждом втором дворе, а то и чаще.

***

9 января 1996-го в Кизляре два БТР спецназа внутренних войск по договоренности с боевиками выдвинулись к площади напротив городской больницы. Им предстояло подобрать тела убитых. Первый выехавший на площадь «бэтэр» обстреляли из гранатометов и стрелкового оружия. Все, кто был на броне и за ней, получили ранения. Из-под огня их вытаскивал экипаж второй машин.

На аэродроме вертолётной части, где в тот момент базировались отряды спецназа, раненых перевязали и отправили в медсанчасть.

Уже после оказания помощи раненым, один из старших офицеров заметил, что из короткой прически – «ёжика» мальчишки-спецназовца торчит металлический осколок. Его так и вытащили рукой – выдернули из головы. Рану обработали, и подполковник приказал бойцу бежать в вертолёт – на эвакуацию. Ответ был краткий:

– Я пацанов не оставляю.

***

Для меня олицетворением фронтовика, эталонным, классическим героем Великой Отечественной войны остается Добрынин Михаил Дмитриевич. Гвардеец, кавалер орденов Славы 2-й и 3-й степеней, двух орденов Красной Звезды, медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и «За освобождение Варшавы». Его фронтовой путь начался в 1942 году. Он, как в песне, пол-Европы прошагал. И также пешком вернулся домой.

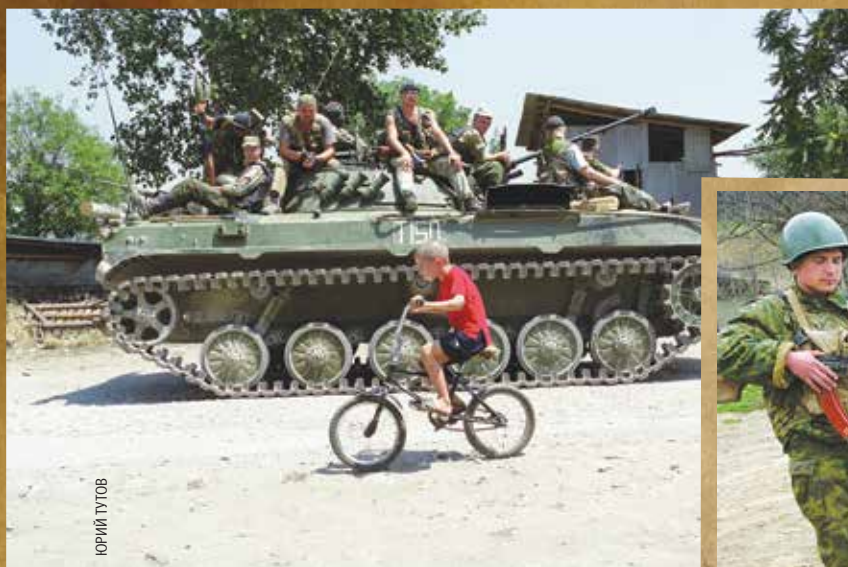
Я познакомился с Михаилом Дмитриевичем накануне 60-летия Победы, когда ему было уже 93 года. С лёгким волнением он рассказал о тяжелейших боях под Сталинградом, под Орлом, о том, как при форсировании Днепра несколько раз в качестве связного переплыл эту широченную реку – а ведь сотням наших бойцов это не удалось ни разу. Рассказал он и о том, как уже в Германии, ночью, подорвал фашистский бронепоезд, костью в горле ставший наступающим частям Красной Армии. Вспомнил, как единственный раз

за всю войну – всего на минутку – случайно встретил земляка. Договорились встретиться после войны, но земляк тот с войны не вернулся.

С особой гордостью фронтовик поведал:

– Не знаю, как рассудят мои слова другие фронтовики, но я из войны сделал один вывод: немцы от границы до Москвы шли шесть месяцев. Мы от Москвы до Берлина – три года. Но после нас «подметать» было нечего. Ни одного недобитого врага за нашей спиной не оставалось. А немец за собой оставил много...

Поэтому и били врага в глубоком тылу партизаны, которых сапёр Добрынин очень уважал. Ему доводилось с ними встречаться на фронте, даже проводить совместные диверсионные операции во время знаменитой «Рельсовой войны». В общем, гвардии рядовой Добрынин Родину защищал на все сто, и даже двести. Хотя по нынешним либерально-демократическим меркам ему это делать было вроде как не с руки. Не по-матерински обошлась Родина с его семьей – в посёлок Аксарка, откуда Михаил

ЮРИЙ ТУЛОВ

ЮРИЙ ТУЛОВ

Почему-то тяжелее всего на войне было смотреть на мирных жителей. Они не стреляли, не взрывали. Они ни за кого – просто хотели жить. Особенно дети

«Как-то пропустил, не заметил тот момент, когда с улиц пропали дедушки с медалями. Вот только что были – стояли в очередях, ехали в автобусах, сидели на лавочках, и вдруг не стало их»

Дмитриевич уходил на фронт, его семья прибыла из Челябинской области в вагоне для скота. В кулаки Добрынины попали по банальной причине – имели в крестьянском хозяйстве лошадь. Этого для раскулачивания хватило с лихвой, хотя старший Добрынин сам всю жизнь проходил в батраках.

А еще Михаил Дмитриевич хорошо отзывался о молодёжи, верил в патриотизм молодого поколения и его готовность защитить Родину. И Иван Евдокимович верил. И Пётр Сергеевич тоже. Они были молодыми, когда Отчизна позвала в бой.

***

Спустя полвека отряд Радуева ворвался в Кизляр. Поскакав по городу, боевики по привычке заперлись в больнице. Загнали их туда местные милиционеры и подоспевшие спецназовцы внутренних войск. Поняв, что нарвались не на мирно спящий городок, а на таких же горцев, причем, очень злых, боевики ретировались на утро следующего дня, поспешно побросав на улицах убитых товарищей. Следующей их остановкой стало село Первомайское. Именно туда вслед за колонной автобусов с боевиками и заложниками устремились омоновцы из Махачкалы.

Дорога на Чечню делит это довольно крупное село почти пополам. Два дня с дагестанской стороны в поле и у блокпоста на перекрестке концентрировались отряды ОМОН, СОБР и спецназа. С другой стороны – поврежденный мост и дорога, уходящая в воюющую республику.

Только на третий день часть «спецов» колонной перебросили «на ту сторону». Ехали долго, почти всю ночь, через глухие, замершие в ожидании села без единого огонька, углубились в территорию Чечни.

К Первомайскому вышли под утро, с разгона подкатив почти к посёлку.

Первое, что я увидел, выскочив из «буханки» – три молодых солдата у костра на обочине. Чумазы, помятые, с осоловевшими глазами. И вопрос:

– Есть покурить? А пожарать?

Конечно, наверняка здесь были ещё какие-то наши немногочисленные

войска – справа или слева, где-то в камышах или далеко в поле.

Но именно здесь, на дороге у повреждённого моста, весь путь в горы Ичкерии стерегли три пацана. Голодные и замёрзшие. И никакого страха в глазах – только наивная детская улыбка.

Чуть позже на это место подкатили и поперёк дороги поставили БМП. Из-за его брони можно было в прямой видимости наблюдать, как окапываются боевики и заложники..

К условиям боевых действий адаптируешься за считанные дни. Уже на третьи-четвёртые сутки тебе не мешает спать крупнокалиберный пулемёт; не вздрагиваешь, когда рядом раздаётся автоматная очередь, не пригибаешься, когда вдалеке ухнет взрыв. А отходишь долго. Некоторым знакомым злые сны снятся до сих пор, спустя 25 лет.

Иногда вспомню какой-нибудь момент из кавказской эпопеи – и мурашки по спине пробегают. Страшно. А раньше не задумывался.

С возрастом всё труднее осознать, представить, охватить умом тот беспримерный подвиг, выдержку и силу духа, готовность перенести непереносимые тяготы, которые выпали на долю наших святых дедов – участников Великой Отечественной войны.

Как нужно любить Родину, верить в свою правоту, чтобы подняться из окопа с мыслью – пусть сейчас умру, но всё равно мы победим!

***

Как-то пропустил, не заметил тот момент, когда с улиц пропали дедушки с медалями. Вот только что были – стояли в очередях, ехали в автобусах, сидели на лавочках и вдруг – не стало их. Разве что изредка покажут по ТВ какого-нибудь старенького ветерана в новенькой военной форме. Вот только сносить ему её уже не суждено, да и негде.

А у меня перед глазами мой дед на турнике после стаканчика «за победу» на пару с соседом...

За Победу! 🇷🇺

МОЙ ДЕД ИЗ ШТРАФБАТА

Андрей БАЛАНДИН

г. Салехард

В архивах военной поры нет одного очень важного для меня документа – координат могилы Седова Михаила Владимировича, 1917 года рождения, моего двоюродного деда. Он, как и великое множество его ровесников, ушёл на фронт добровольцем и погиб, не оставив после себя ничего, кроме пары довоенных фотографий..

Бабушка Зоя очень любила своего брата. Он был сталинским стипендиатом и, имея бронь, мог спокойно продолжить учёбу в вузе. Но он, несмотря на рождение первенца, рвался на фронт. Последним аргументом в споре с матерью стало: «Все мои друзья давно воюют. Выходит, пока я тут прохлаждаюсь, они мою жену с ребёнком защищают!»

Дед Миша окончил учебку, получил лейтенантские погоны и вскоре погиб. Всё, что было известно семье об обстоятельствах его кончины, уместилось в пару строк по-

хоронки: «Пал смертью храбрых. Деревня Пупово, Смоленской области».

Моя бабушка рано умерла, и со временем забылась даже дата смерти деда Миши. По крайней мере, я её уже не знал. Иногда, просматривая в Сети наградные листы других моих дедов, я пытался разыскать хоть какое-нибудь упоминание о боях в районе этой деревни. Я находил полных тёзок двоюродного деда, но все они были призваны из других областей и воевали на других фронтах. Осложняло поиск и то, что уже никто не помнил даже даты рождения

ИЗ АРХИВА АНДРЕЯ БАЛАНДИНА

В сталинские времена воспитание было строгим. Родители укоряли Михаила Седова за то, что во время фотосъёмки он взгромоздил ноги на стол

Братская могила в Пупово после реконструкции и архивный план захоронения, составленный летом 1943-го

Михаила Владимировича.

Оставалось только вечное: «Был молод, весели всеми любим. Ушёл и не вернулся»...

Нет, так не должно быть, думал я. Вот же он, на довоенной фотографии дурачится перед объективом. Он же не без вести пропал, должны быть хоть какие-то следы! И они нашлись, благо, сетевые ресурсы наполняются всё новыми и новыми документами военной поры...

***

Как ни странно, имя деда всплыло на одном зарубежном сайте. Там опубликовали алфавитный список безвозвратных потерь 11 ОШБ – отдельного штрафного батальона 10-й армии Западного фронта. Я проверил

имена

этих офицеров

по наградным листам портала «Подвиг народа». Всё совпало – и время, и место действия, и воинское подразделение.

Так я узнал, что дед Миша погиб 15 августа 1943 года близ той самой деревни, чьё название сидело в моей памяти не один десяток лет. Погиб он там не один – в братской могиле вместе с ним захоронено 52 человека переменного состава штрафбата.

Здесь нужно сделать небольшое отступление и пояснить терминологию. К переменному составу относились военнослужащие, попавшие в ОШБ за какой-либо проступок. Постоянный состав – их командиры.

ФРАГМЕНТ КАРТЫ С САЙТА МО РФ «ПАМЯТЬ НАРОДА»

СССР
НКО
ГОРЬКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
Военный комиссариат
ФИНАНСОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
№ списка 30. 8 194 г.
г. Горький

Н-ку Учетно-статистического Управления ГУК НКО СССР.
Сообщаются сведения по форме 2, объявленной в приказе НКО 1941 г. за № 138, на предмет исключения из списков Красной Армии на:

1. Фамилия Седов
2. Имя Михаил
3. Отчество Владимирович

4. Военное звание лейт-и
5. Должность ком. взвода
6. Место и год рождения горьк. обл. г. Сорново
7. Каким РВКтом и какой области призван сорновским Р.В.К
8. Когда и по какой причине выбыл 15 августа 1942 года
на фронт в качестве командира взвода

ИЧ 18031 Заказ 5731

Боевые порядки 10-й Армии перед прорывом немецкой обороны. В верхней левой трети карты – деревни Пуново и Тягаево

Да, я очень удивился тому, что Михаил Владимирович оказался в числе полутора процентов участников войны, прошедших через штрафные подразделения. Тем более, что по официальным документам НКО СССР к моменту гибели он числился командиром миномётного взвода 30 минометного полка 1-й учебной стрелковой бригады, 612 сп., 144 сд. По идее, учебная бригада, тем более в 1943 году, не должна была участвовать в боевых действиях. Её задача – готовить пополнение.

Конечно, дед Миша мог совершить какой-нибудь проступок и в тылу. Список прегрешений, за которые офицер мог

угодить в штрафбат, достаточно велик. В их числе и небрежное отношение к вверенной боевой технике, и «критиканство», и не тяжкое преступление: съездил начальнику по морде – угодил на передовую. Глядя на «хулиганскую» фотографию дяди Миши, ничуть не сомневаюсь в том, что его боевой характер (именно так мне его описывали родственники) мог сыграть в этой истории роковую роль. А могло быть и так, что его, сталинского стипендиата, решили попридержать в качестве инструктора. Но он же кандидат в члены ВКП(б), он же на фронт рвался добровольцем, вот и нашёл выход..

Как бы там ни было, в документах 11 ОШБ значится, что все убитые в одном километре севернее Пупово пали смертью храбрых. Это значит одно – они полностью искупили свою вину, с возвращением воинских званий и наград. Это значит, что их семьи получали после смерти кормильцев положенные выплаты и могли смело смотреть людям в глаза.

***

Я до сих пор силюсь представить себе эту деревню. В Сети нашел сведения – к середине 60-х годов на её месте остались одни руины. Да там и прежде было малоллюдно. По данным краеведов, до революции в Пупово числилось всего 10 дворов и 53 жителя. Вряд ли после Гражданской войны, коллективизации и периода немецкой оккупации их стало больше. Но даже если бы их численность не изменилась, вдумайтесь: в деревне было 53 человека и 52 погибло при её освобождении!

Нашел, кстати, в Сети любопытные письмо о довоенной жизни в этой местности. В «Крестьянскую газету», по случаю очередной годовщины советской власти, пишет простой смоленский пахарь:

«До революционного времени в нашей деревни было 15 плугов деревянных и 3 железных, 8 борон деревянных, 7 борон с железными зубьями. А в настоящее время наша деревня чувствует себя, что она пришла к жизни и имеет 9 железных плугов и 14 железных зубьев борон...»

Товарищи! Я чувствую себя свободным и сознаю, что Советская власть никогда нас не покинет, потому что она любит рабочих, крестьян, которые стремятся к жизни. А посему, товарищи, прошу, как я ваш работник-селькор, помогите в жизни моей и войдите в мое положение, что я сам человек плохого здоровья, инвалид Гражданской войны, несправедное действие правой ноги, семью имею 5 душ, и все живем на средства жены: она пашет, сеет и жнет, а бывает что иногда и меня бьет, а именно за что?» РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 4. Л. 636-638.

***

В книге Сергея Михеенкова «Тайна Безымянной высоты. 10-я Армия в Московской

и Курской битвах. От Серебряных Прудов до Рославля», помимо прочих эпизодов Кировской операции 10 Армии, описываются действия штрафников. Упоминается там и деревня Пупово, освобождённая после жаркого боя 13 августа 1943 года. Из чего следует, что мой дед погиб здесь не при штурме деревни, а при дальнейшем продвижении штрафбата. Погиб всего в одном километре от пункта, освобождённого двумя днями ранее. Странного в этом ничего нет. Как пишет автор:

«13 августа корпус (5-й механизированный, только что переданный 10 Армии. – прим. редакции) был брошен в бой без подготовки и предварительной разведки местности. Механизированные бригады и танковые полки вводились в бой прямо с марша. ... в первые же дни танкисты завязли в немецкой обороне в районе Тягаева. Бригады понесли огромные потери. Ленд-лизовские танки, броня которых слабо защищала от огня немецких 75-мм и 88-мм противотанковых орудий и самоходок, становились легкой добычей немецкой артиллерии» ...»

От северной окраины Тягаево до Пупово менее двух километров. Если добавить ко всему вышесказанному налеты десятков немецких бомбардировщиков и работу «Катюш», получится картинка ада, в который угодили все участники этих боёв.

Однако вернёмся к книжному описанию самой деревни: *«В деревне Пупово фашисты сожгли 12 домов, забрали у крестьян 13 коров, 32 овцы, всех кур, свиней, много обуви и одежды. 5 юношей и девушек гитлеровцы угнали на каторгу в Германию. Фашистские изверги расстреляли ни в чем не повинных жителей деревни... также двоих пленных красноармейцев».*

Вот такая картина была перед глазами моего деда в последние дни его фронтовой эпопеи. Окрестные селения представляли собой точно такую же картину. И без того бедных людей фашисты разорили дотла, кого не убили – угнали в рабство.

***

В 70-е годы родственники воентехника I ранга Спиридонова В. М., погибшего

при освобождении Пупово, поставили на братской могиле памятную плиту. Возможно, они не догадывались о том, что человек с таким же именем погиб в составе штрафбата, а не за штурвалом боевого самолёта. Возможно, отсюда и пошла история о воздушном бое, в ходе которого 15 августа 1943 года над деревней был сбит советский самолёт...

На этом можно было бы и завершить эти поиски, благо, я уже знал дату гибели деда, мог его день в день помянуть, и даже нашел на сайте «Память народа» соответствующую похоронку. Точно такую, написанную под копирку, поздней осенью 1943 года получила Вера Седова, вдова моего предка.

Нет, это было не концом, а началом нового этапа поисков. Во-первых, в братской могиле на территории в Пупово, согласно официальным документам, покоится лишь десять человек, и деда там нет. Где похоронены остальные штрафники – мне неизвестно. Во-вторых, разыскав дедову похоронку, я нашел о нём новое упоминание, на этот раз в документах другого штрафбата – шестнадцатого. Что ж, там он тоже числился погибшим, и тоже 15 августа 1943-го года. Вот только 16 ОШБ, насколько я понимаю, не штурмовал Пупово. Дальше – больше: нахожу упоминание о гибели мл. лейтенанта Седова Михаила Владимировича в документах его родного 612-го стрелкового полка, в котором он,

напомню, начинал службу. Вот только дата смерти там другая.. 16 июля 1941 года – разгар боев на Смоленщине. За три дня до этого, 144-я стрелковая дивизия, в состав которой входил 612 сп, встала на пути гитлеровских полчищ, на три дня задержав их наступление на Смоленск.

Но, правда, не мог же дед Миша трижды погибнуть на этой войне – первый раз в грозном 1941-м, и дважды в 1943-м? Я несколько раз перепроверил все документы. Ну нет там описки! Тем более Седов М. В. везде фигурирует в групповом списке павших.

В конечном итоге я разобрался лишь с двумя последними датами. Нашёл ссылку на акт передачи пополнения штрафников из 16 ОШБ, которым командовал майор Мирошниченко, в 11 ОШБ, которым командовал подполковник Дорошенко. В общем, никакой мистики.

Что же касается полного тезки и однополчанина моего деда, погибшего двумя годами ранее – остаётся только плечами пожать. У них ведь даже даты рождения совпадают. Такие совпадения на войне не редкость. К примеру, в числе штрафников 11 ОШБ погибших, как и дед Миша 15 августа 1943 года, есть капитан Абрамов А. Л. Офицер с такими же данными (год и место рождения) числится без вести пропавшим в апреле того же года. Пытливый читатель, наверное, предположит, что это одно и то же лицо.

Дескать, сначала без вести пропал, а потом нашёлся, но проверку не прошёл. Вот и угодил в штрафбат, где и погиб. Но что он скажет, когда узнает, что человек с таким же именем и прочими данными после тяжелого ранения с ампутацией в 1944 году был награждён орденом?

***

О том, как воевали штрафники, снято немало фильмов – правдивых и надуманных, избобилующих преувеличениями. В кино они штурмуют и удерживают высоты, отражают танковые атаки, но нигде не показано, как они освобождают города! В упомянутой книге Сергея Михеенкова этому посвящена целая глава: «Штрафники атакуют и врываются в Рославль». А в ЦАМО хранится наградной лист на подполковника Ивана Дорошенко, командира 11 ОШБ Западного Фронта. Вот что там написано:

«За время боев на подступах к городу Рославль, особенно за овладение городом подполковник тов. Дорошенко проявил себя способным командиром... Во главе батальона с группой бойцов на плечах противника форсировал реку Остер, овладел окраиной маслозавода... тем самым обеспечил успешное продвижение всего батальона в город и последующее его очищение. Первое знамя в г. Рославль было вывешено по его приказу бойцами батальона. Очистив город от противника,

с боями форсировав р. Сож, батальон всё время шёл в авангарде 139 стрелковой дивизии».

Вот так да! Дедушкин штрафбат и на шею немцам садился, и флаг над освобождённым райцентром поднимал. Как это не вяжется с привычной киношной картинкой! Жаль, только деда там уже не было...

Завершая рассказ об этом неоконченном исследовании, отмечу, что помимо тех 53 штрафников, погибших 15 августа 1943 года у Пупово, 11 ОШБ потерял ранеными 243 бойца. Для одного дня боёв это очень много.

В детстве я думал, что офицерские роты, батальоны и полки формировались только в Гражданскую войну – из «золотопогонников». Позже я узнал, насколько это было распространено и в Великую Отечественную. Среди тех, кто покоится с дедом Мишей в одной могиле, офицеры всех родов войск в звании от младшего лейтенанта до капитана. Там же три политработника – самый старший в звании батальонного комиссара. Есть среди них и потомок древнего дворянского рода, Неверовский А. А., комроты школы снайперов. В общем, очень разные люди там лежат, с одинаково трагической судьбой. Наспех выспавшись перед воскресной атакой, они ушли в вечность. И теперь у них, как в песне, – все судьбы в единую слиты. 🌐

БРАЛ КЁНИГСБЕРГ, РАНЕН ПОД БЕРЛИНОМ

Валентин ВАЛЬГАМОВ

г. Салехард

Хочу добрым словом вспомнить своего земляка, ветерана Великой Отечественной войны Семёна Андреевича Хунзи. Он родился 10 сентября 1920 года в семье оленевода Андрея Гавриловича Хунзи. Семья кочевала, глава семьи работал пастухом в оленеводческой бригаде на реке Сыне. Семён Андреевич в молодости тоже работал в стадах, затем был рыбаком, охотником.

ИЗ АРХИВА ШУРЫШКАРСКОГО РАЙОННОГО МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ИМ. Г.С. ПУЗЫРЕВА

Семён Хунзи на берегу Балтийского моря,
2 мая 1945 года

В Книге памяти Шурышкарского района есть информация о Семёне Андреевиче Хунзи: «Уроженец юрт Мат-ор, Сынского сельского совета. Ханты, член ВЛКСМ, военной подготовки не имел. Призван в ряды Красной Армии 14 июня 1942 года Шурышкарским районным военкоматом в звании рядового».

Сначала Семён Андреевич отправился на пароходе в Омск. Там несколько месяцев находился в военно-пересыльном пункте в войсковой части 20029. Начал Семён Андреевич свой боевой путь старшим телефонистом 838-го артиллерийского

полка 291-й стрелковой Гатчинской дивизии, Ленинградского Фронта. 11 августа 1943 года в составе 38-го отдельного истребительно-противотанкового батальона награждён медалью «За оборону Ленинграда». 15 апреля 1944 года был награждён медалью «За отвагу». Имеется и описание подвига:

«Секретно. Приказ № 020/Н 838 Артиллерийскому полку, 291 Стрелковой, Гатчинской дивизии, Ленинградского фронта от 15 апреля 1944 года. От имени Президиума Верховного совета Союза ССР награждаю медалью «За отвагу» старшего телефониста – младшего сержанта Хунзи Семёна Андреевича за то, что он 5 апреля 1944 года во время боёв за деревни Подборовье и Стремутко, под сильным артиллерийско-миномётным огнём противника исправлял линию связи наблюдательного пункта с огневой позицией 8 раз. Затем 8 апреля 1944 года товарищ Хунзи, будучи связным между штабом полка и дивизионом, был послан со срочным боевым распоряжением на передовой наблюдательный пункт. Двигаясь по им самим выбранному, наиболее короткому пути, но просматриваемому и простреливаемому пулемётным огнём противника, товарищ Хунзи раньше срока доставил пакет. Ленинградский фронт, 4 декабря 1944 года, Вх. № 019143».

Позже он служил в полковой разведке в составе 38-й отдельной зенитной дивизии в звании младшего сержанта. Участвовал в боях за Варшаву, а также в боях на территории Румынии и Германии. Имел благодарности Верховного главнокомандующего за овладение городами Красное Село, Гатчина, Псков, Тарту,

НАГРАЖДЕН :

МЕДАЛЬЮ « ЗА ОТВАГУ »

1. Рядистом-радистом старшего-рядового ВОСНОВА Василий Федорович за то, что он 31 марта и 1 апреля 1944 года в боях за деревни: Бвоино, родки, дорсье Селе неся на себе радиостанцию, предвигаясь с наступательными действиями пехоты и по радио передавал корректировку огню батареи, чем способствовал занятию вышеуказанных населенных пунктов. 7 апреля 1944 года в артиллерийском огне дивизион корректировку стрельбы которого передавал товарищ ВОСНОВА было отряжено в контр-атаку противника в районе деревни Детско.

1922 года рождения, уроженец [redacted], русский
член ВЛКСМ. Призван в РККА Свердловским РКК
Свердловской области. Домашний адрес: [redacted]

2. Вместе с командиром орудия - навсачив, сержант КАРНАКОВА Семенов дивизион за то, что с 7 апреля 1944 года во время отбояния контратаки противника в районе деревни Детско воевал командир орудия и вел огонь под непосредственным руководством командира орудия уничтожил: два ручных пулемета, одно 87 мм орудие и 15 солдат противника,

1914 года рождения, уроженец [redacted], русский,
командир РКК 6/. Призван в РККА Сталинским
РКК Новосибирской области. Домашний адрес: [redacted]

3. Телефонист старшего - рядового сержант ХУНЗИ Семенов Андреевич за то, что он 5 апреля 1944 года во время боя за деревни Подборье и Стрелушки под сильным артиллерийско-минометным огнем противника исправлял ланно связи ввоздательного пункта с ственой позиции 3 раз.

8 апреля 1944 года товарищ ХУНЗИ, будучи связанным между собой полевой и дивизионной, послан со срочным боевым распоряжением на передовой наблюдательный пункт, двигаясь по им своим выверенному наиболее короткому пути, во преследуемому и протрениваемому пулеметным огнем противника ховриад ХУНЗИ рывко прова достарил пакет.

1922 года рождения, уроженец [redacted], русский,
УНЗИ, член ВЛКСМ. Призван в
РККА Омской области. Домашний адрес: [redacted]

Выдержка из приказа от 15 апреля 1944 года о награждении ямальца медалью «За отвагу»

Гинденбург. Также имел благодарность от командования за подбитый вражеский танк. Участвовал в битве за Кёнигсберг.

В апреле 1945-го войсковая часть, в которой служил Семён Андреевич Хунзи, дислоцировалась под Берлином. Фронтоник участвовал в форсировании реки Одер. В составе своего боевого соединения Семён Андреевич Хунзи участвовал в прорыве Одерско-Нейсенского рубежа. Также участвовал в окружении Франкфуртско-Губенской группировки во время Берлинской наступательной операции. На подступах к Берлину недалеко от селения Хальбе Семён Андреевич был ранен в правый глаз и в висок. Лечение проходил в армейском полевом госпитале № 3435. Победу встретил в Берлине. В 1945 году награждён медалями «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией». В декабре 1945 года его комиссовали по ранению.

Вернулся на родную Сыню в 1946-м. После войны жил в деревне Ямгорт, Сынского сельского совета. Работал в колхозе строителем, а затем рыбаком и охотником в совхозе «Мужевский». В апреле 1985 года Семён Андреевич приказом Верховного Президиума СССР

награждён «Орденом Отечественной войны II степени».

Из рассказов его старшего сына Егора и дочерей Эльвиры и Елены: «Папа у нас был добрым и отзывчивым человеком, он старался всем помогать в то тяжёлое время. Он часто проявлял инициативу. Он очень любил лошадей, рыбалку. Жили мы в деревне Ямгорт. В семье было девять детей. Мама у нас была из рода Пырысевых, Анной Ивановной звали. Отец умело работал топором, строил дома, изготавливал деревянные лодки калданки. На пенсии отец работал на почте, возил почту на лошади. Однажды, когда он вёз деньги, между посёлками Мужки и Ямгорт отца окружили несколько человек, которые хотели отнять деньги. Отец вытащил ружьё и два раза выстрелил в воздух. Нападавшие испугались и бросились бежать. Деньги отец сохранил, ведь он был ответственным человеком.

Умер фронтовик 30 апреля 1997 года. Похоронили его в деревне Ямгорт.

*Материал подготовлен с помощью «Книги памяти Шурышкарского района. Том 2. Победители: дорогами памяти 1945–2015 гг». Издатели: Шурышкарский районный музейный комплекс им. Г. С. Пузырёва; сайта МО РФ «Память народа».

ССЫЛКА МО РФ «ПАМЯТЬ НАРОДА»

ГЕРОЙ БЕЗ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ

Подготовила Елена КУЗНЕЦОВА
г. Салехард

Ямалец Мурт Пандо совершил невозможное – получив пять ранений, он вернулся с войны с пятью боевыми наградами. Он мог стать одиннадцатым Героем Советского Союза, чья судьба связана с автономным округом. Наградные документы на присвоение ему высшей степени отличия в СССР ушли к маршалу Рокоссовскому на подпись, а вернулись с орденом Боевого Красного Знамени...

Журнал «Северяне» ищет родных и близких героя, чтобы узнать о его судьбе. В прошлом году мы опубликовали статью Юрия Канева «Мурт Пандо. С ППШ наперевес» (№ 3, 2020). Автор по крупицам собирал информацию о ямальце, сетовал, что даже фотографии его найти не может. На помощь пришли сотрудники МВК имени И. С. Шемановского, предоставили Юрию Викторовичу фотографию героя его публикации.

На архивном снимке три человека. Указаны их имена: Мурт Пандо (слева), Я. Худи и А.Ф. Филиппов. Возможно, кто-то из читателей узнает одного из них и свяжется с редакцией. А пока нам известно, что Мурт Ховович (или Хавгович) Пандо родился в 1922 году в Приуралье. В армию его призвали в июне 1942-го, осенью он получил первое ранение. В 1943 году Мурт воевал в составе роты автоматчиком 1193-го стрелкового полка 360-й стрелковой дивизии. 5 июня в бою получил второе ранение, а третье уже в октябре – тогда у деревушки Савино он истребил девять вражеских солдат. Именно на Калининском фронте ямалец «заработал» свою первую награду – медаль «За отвагу».

После выздоровления попал в роту автоматчиков 275-го стрелкового полка 117-й стрелковой дивизии, в которой воевал до самой Победы. Здесь же он принял участие в победоносной операции «Багратион». Дивизия стремительно наступала сначала в Белоруссии, затем в Польше. В бою 14 июля 1944 года около городка Дольск автоматчик

Пандо, несмотря на ранение, стойко отражал контратаки противника. Командование отметило храброго солдата второй медалью «За отвагу».

А через две недели, 29–30 июля, ефрейтор Мурат Пандо – такое имя для восприятия было удобнее – совершил очередной подвиг. Тогда перед полком поставили задачу по форсированию Вислы в районе города Казимеж Дольный. Для захвата плацдарма было отобрано девять лучших солдат. С помощью подручных средств они тайно переправились и внезапно сбили с позиции роту (!) противника, обеспечив переправу 275-го стрелкового полка.

Мурт в этом бою уничтожил девять фрицев, и, несмотря на четвёртое по счёту ранение, вёл бой по удержанию плацдарма. Каждого из девяти бойцов представили к званию «Героя Советского Союза». На обороте наградного листа – размашистые генеральские подписи о согласовании. Бумагу подписали командир 117-й стрелковой дивизии генерал-майор Коберидзе, командир 91-го стрелкового корпуса генерал-майор Волков и командующий 69-й армией генерал-лейтенант Колпакчи. Оставалась только виза командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Рокоссовского. Но Военный совет фронта по каким-то причинам снизил уровень наград. И 10 октября 1944 года Мурата Пандо с товарищами наградили орденами Красного Знамени.

Пятое ранение наш герой получил 10 ноября того же года и попал в медсанбат. А уже в начале февраля он в составе

ИЗ ФОНДОВ МВК ИМ. И.С. ШЕМАНОВСКОГО

Мурт Пандо (слева) со своими товарищами. Вглядитесь в эти лица, возможно, кто-нибудь из них придется вам родственником

штурмовой группы двигался к крепости Познань. В дивизионном журнале боевых действий написано: «Штурмовым группам впервые пришлось столкнуться с такими мощными фортификационными сооружениями, как существующие форты и ДОТы. Блокировка фортов составляла исключительную трудность в силу большой огневой мощи и живучести последних». Но опытные солдаты упорно выкуривали сопротивляющихся немцев. В очередном наградном листе зафиксирован подвиг ефрейтора Пандо: «17.02.45 огнём своего автомата подавил огневую точку и уничтожил двух фрицев».

В день Красной Армии приказом по дивизии его наградили орденом Славы III степени. В этот же день остатки познанского гарнизона были истреблены или сдались в плен. Командир 275-го стрелкового полка майор Корчагин незамедлительно подписал

новый наградной лист на автоматчика Пандо, уничтожившего в бою пять гитлеровцев. Ещё один Орден Красного Знамени украсил грудь нашего героя.

До 20 апреля дивизия находилась во фронтовой резерве, затем её бросили в наступление на Германию. Через двадцать дней война закончилась. Но только в сентябре 1946-го младший сержант Мурт Пандо вернулся на Ямал. Здесь ему вручили медаль «За победу над Германией». Дальнейшая судьба ямальского героя нам неизвестна. 🌐

Редкий случай – пехотинец был награждён тремя орденами и двумя медалями «За отвагу».

АНГЕЛ ЗА ПЛЕЧОМ

Ирина СТЕЦИВ

г. Надым

Солдат уходил на войну ранним летним утром. Его дети сладко спали и не слышали, как хлопнула дверь, закрываясь за их отцом. Любимая женщина обняла его на крыльце и долго не могла найти сил, чтобы оторваться от мужа. Калитка тоскливо заскрипела, не желая выпускать хозяина из родного двора. Речка занавесила околицу туманом, а дорога извивалась, пытаясь сбить Солдата с пути, чтобы он не покинул отчий край. Берёза на краю села помахала защитнику на прощание полущалком поникших ветвей. Лучи рассветного солнца солёными слезами текли по солдатской спине... А маленький, небесного цвета, луговой мотылёк, всё кружился и кружился над ним, не отставая, словно умоляя остаться...

Но Солдат шёл вперёд, потому что знал: там, за горизонтом, ждёт его Война. Она сверкала безумными глазами и лязгала стальными зубами – так была яростна, жестока и ненасытна! Она залила кровью все реки на своём пути, изрыла танковыми гусеницами дороги, беспощадно расстреливала стариков и детей. Она сжигала дотла жилища, превращала в безжизненную пустыню луга и нивы, солнце занавесила чёрной гарью и небо испачкала сажей. Остановить её мог только он – Солдат.

Война нетерпеливо ждала его, чтобы люто расправиться. И когда Солдат стал приближаться, оглушила его оружейным грохотом, полыхнула огнемётами, обложила взрывами мин и обрушила сверху сотни бомб. Но Солдат не испугался, ведь он

пришёл, чтобы победить. Лишь беззащитный мотылёк, который до сих пор непрестанно следовал за ним, обожжённый, замертво упал в дорожную пыль, но вдруг... очнулся и превратился в маленького белого Ангела. Он взмахнул серебряными крыльями, приподнялся над землёй, нашёл

КОЛЛАЖ: ЖАНИНЫ КОРВЕНКО

глазами знакомую спину и вновь устремился за Солдатом..

Много страданий и ужаса видел Солдат, сражаясь с Войной – того, что никогда не должен видеть мирный человек. Он переправлялся через реки, алые от человеческой крови, проходил через разрушенные до основания города и опустошённые сёла, видел вывернутые с корнями деревья и выжженные поля. Он стискивал зубы, чтобы не заплакать, глядя на растерзанных детей и рыдающих над ними матерей, и украдкой вытирал слёзы, когда хоронил друзей-однополчан. Его сердце

столько раз сжималось от боли, что стало каменным. Его горло столько раз перехватывало от горя, что наполнилось ненавистью. И он без страха и усталости вскидывал оружие и стрелял, стрелял, стрелял в проклятую, ненавистную Войну..

Война целилась в Солдата тысячами орудий, но ни один осколок его не задел. Она заставляла его бросаться в самое пекло сражений, но Солдат выходил из огня живым. Она душила его гарью и дымом, но он был неуязвим. Это Ангел за плечом Солдата оберегал его и подсказывал, как победить Войну. Ведь ангелы не боятся смерти. И Солдат снова и снова шёл на врага..

Пока, наконец, не воцарилась Тишина..

Наступила Победная Весна. Солдат возвращался в отчий край вечером на закате. Ангел, не отставая, то летел следом, то нетерпеливо спешил вперёд, показывая путь в родные просторы. Солдат снял кирзовые сапоги и пошёл по просёлку босиком. Дорога ласкала его ноги мягкой пылью и шептала: «Спасибо тебе, Солдат...» Он присел отдохнуть под старой берёзой, та склонилась над ним и прошелестела молодой майской листвой: «Спасибо тебе, Солдат...» Он умылся в прозрачной реке на окраине родного села. Речка ласково прожурчала родниковой водой: «Спасибо тебе, Солдат...» С дальнего пригорка, приложив ладонь ко лбу, в лицо воина вглядывалась незнакомая старуха. Она низко поклонилась победителю в пояс: «Спасибо тебе, Солдат...» А солнце торопило Солдата домой, подталкивая тёплыми лучами в спину..

Покосившаяся калитка пропела Солдату гимн Великой Победы, радостно впуская во двор. Любимая женщина выбежала навстречу, прильнула

к мужу, и вряд ли нашлись бы в этот миг силы, способные разомкнуть её объятия. Его дети сначала не узнали постаревшего и поседевшего отца. Солдат приласкал жену и детей, огляделся вокруг и только сейчас понял, как сильно он устал. Он присел на обветшавшее крыльцо, а жена вынесла ему из дома кружку парного молока и краюху ржаного хлеба. И не было в целом мире еды вкуснее.

На горизонте догорал сиреневый закат. Сполей, звеня колокольчиками, в село возвращалось неторопливое стадо. Со стороны реки доносились звонкие детские голоса. На крыше дома клекотал аист... Никогда и нигде не слышал Солдат музыки прекраснее, чем симфония этих звуков. Он не думал сейчас о том, что если бы он испугался Войны, то всего этого сейчас не существовало на свете. Он просто радовался, что вернулся домой живым и невредимым.

Ангел за его плечом тоже улыбнулся и снова превратился... в бабочку. Она вспорхнула, взлетела ввысь и закружилась в угасающем вечернем небе, которое одну за другой зажигало над Солдатом свои самые яркие звёзды. Но эта бабочка уже не была небесно-голубой, её крылья стали чёрными, обрамлёнными оранжевой каймой, словно опалёнными огнём. Раньше подобные бабочки здесь не водились. Это Ангел хотел, чтобы люди, увидев такую бабочку, каждый раз вспоминали, сколько бед, горя и лишений приносит война.

Дети закричали: «Папа, папа! Смотри, какая необычная бабочка!» «И правда, странная, как будто траурная, это в память о тех, кто не вернулся с войны», – подумал Солдат. Он ел хлеб, пил молоко и долго провожал траурницу взглядом, пока она не растворилась в небесной дали. А бабочка, улетающая всё выше и дальше, кружилась над селом, речкой, лугами и любовалась своей милой сердцу родиной... 🦋

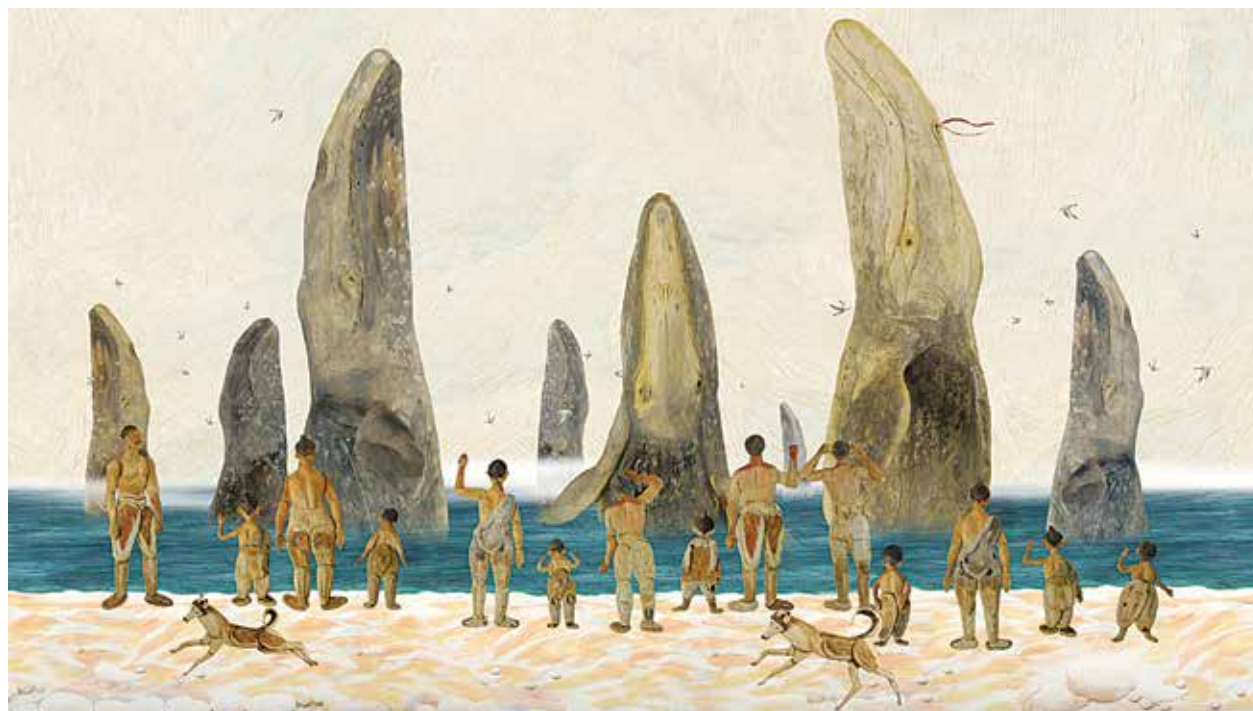

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

ЧУКОТСКИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ БЛОКБАСТЕР ПОКОРИЛ ЯМАЛ

Нина ФАЛЬШУНОВА

г. Салехард

«Что держит малые народы на задворках цивилизации? Почему они, пренебрегая уютom городов, остаются в рамках древних традиций? Почему тундровики с незапамятных времен каслают по тундре, а чукчи выходят в море и бьют китов? Мне было интересно понять это, ведь я и сам эскимос», – говорит Алексей Вахрушев, режиссёр уникального фильма о жизни китобоев.

«Книга моря» – книга жизни

В творческом багаже режиссёра – премии «Ника», «Лавровая ветвь», «Белый слон» и другие престижные награды. Его ценят не только на родине – каждый фильм Алексея Вахрушева с нетерпением ждут во всём этнографическом мире, ведь снимает он редко, но метко. В Салехарде картину «Книга моря» мастер презентовал в МВК имени И. С. Шемановского.

Зрителей заворожило изумительное по напряжению действие, в котором яркая, сильная документалистика смешана с искусной мультипликацией. В фильме звучит исчезающий язык наукаских эскимосов. В суровую реальность жизни морских охотников-китобоев вплетены древние мифы и эпосы. Алексей Вахрушев называет их наследниками древней цивилизации, канувшей в небытие, подобно Атлантиде.

В советское время крошечные поселения китобоев, раскинутые по всему побережью Чукотки, решили укрупнить, расселить. Оказавшись в посёлках, чукчи и эскимосы трудно привыкали к чуждой, непромысловой жизни, и ко всем связанным с ней пагубам. А вот китобойная охота, невзирая на причуды советского режима, выжила. И теперь китобоев можно назвать национальной элитой – не за уровень жизни, а за высокое самосознание, позволившее сохранить ремесло предков при продуктовом изобилии на магазинных полках.

Кормильцы всего села

– Среди коренных жителей Чукотки хватает людей с характером, настоящих пассионариев. Благодаря им и сохраняется традиция, продолжается жизнь, – рассказал Алексей Вахрушев на презентации фильма. – В этой картине вы увидите двух таких людей. Прежде всего, это Алексей Анатольевич Оттой, глава общины села Лори-

но. Его бригады обеспечивают пищей полторы тысячи жителей посёлка. Когда-то здесь стояло эскимосское поселение Нунак, теперь же в Лорино преобладают чукчи. Больше половины этих людей существует за счёт пенсий, дотаций, и не может позволить себе много магазинной еды. Лоринские китобойи восполняют её нехватку, бесплатно раздают свою добычу землякам.

Кстати, среди местных жителей не принято забивать холодильники дармовым мясом. Селяне берут по пять-десять килограммов мякоти, жира, хрящей, вкуснейшей китовой кожи. Кит разбирается за несколько часов с осознанием того, что завтра на берегу будет свежая порция мяса.

– Несколько бригад под руководством Алексея Оттоя выходят в море и добывают множество серых китов. Конечно, всё законно – в соответствии с регламентом Международной китобойной комиссии, распределяющей квоты раз в пять лет. Промысел не современный, а именно аборигенный – с гарпунами, как ходили их предки много столетий назад. Второй же мой герой – Александр Дмитриевич Емельянов, чукотский старейшина, человек энциклопедических познаний, прекрасно владеющий

Алексей Вахрушев: «Мы делали фильм в течение пяти лет. Были проведены четыре экспедиции на Чукотку»

ФОТО: АРХИВА КИНОФЕСТИВАЛЯ АРКТИС ОРЕН

как родным чукотским, так и литературным русским языком. Его жена – Нина Емельянова, методист, составитель учебников чукотского языка. Она – одна из сказительниц, объединивших документальную и мультипликационную части нашего кино.

В основе рисованной части фильма лежит фундаментальный миф охотников-китобоев о женщине, которая родила кита.

– И поскольку культура эта принадлежит в равной степени и чукчам, и береговым эскимосам, то и сказительницы, рассказывающие эту сказку – представительницы двух народов, – поясняет режиссёр. – Нина Емельянова говорит по-чукотски. Елизавета Добриева, науканская эскимоска. Она выжила и сохранила родной язык после того, как советская власть забрала у наукан их родину – поселение на мысе Дежнёва, основанное более 800 лет назад. После принудительного переселения в середине 50-х годов прошлого века, численность наукан сократилась в семь раз. В 1995 году их насчитывалось чуть более полусотни. Сегодня же на этом языке говорит не больше двадцати человек в мире.

Александр Емельянов погиб вскоре после окончания съёмок фильма – он ушёл на весеннюю охоту, как обычно, один, и не вернулся. Поиски ничего не дали. Через месяц сильный юго-восточный ветер выгнал за ночь из залива святого Лаврентия весь лёд, и утром же на берег вынесло его тело. Он был по пояс обнажён, нетронут морем, и стало ясно – провалился под лёд, срывал с себя одежду, чтобы выбраться, но не справился. Он ушёл как настоящий морской охотник. Ему было 75 лет.

«Я решил – это фильм о живом!»

Фильм «Книга моря» начинается с эпичной охоты на китов. С первых же кадров зрители

понимают, какое это невероятное зрелище. Такое же невероятное, как и сама возможность видеть в 21-м веке, как гарпунят кита с полуржавой лодки, отчаянно мчащейся через ледяные торосы, а затем по ледяным волнам залива в открытое море. Съёмка ведётся из-за плеча гарпунщика, так что зрители находятся в эпицентре действия – будто в каком-то блокбастере! Когда динамика морской охоты вдруг сменяется уникальной, архетипичной мультипликацией и неспешным изложением древнейшего мифа о женщине, родившей кита, зрители убеждаются, что это не просто «детский мультик», а такой же шедевр, как и операторская съёмка с бешено мчащейся лодки китобоев.

Фильм длится 85 минут, но для зрителей удивительным образом это одновременно и обидно мало, и приятно много – возникает ощущение, что прошли века, пронеслись перед глазами столетия и окончились в сегодняшнем дне.

– Морская охота, добывание кита, моржа, мчащиеся через лёд лодки, поход на нерпу – это всё непрестанно повторяющиеся сюжеты, которые происходят в жизни этих народов последние несколько тысяч лет, – поясняет Алексей Вахрушев. – Вместе с общинниками мы, съёмочная группа, бесконечно выходили на охоту на всех промысловых животных в течение года. Много снимали и жизнь на берегу. Казалось, что это тоже важно – жизнь в посёлке. В поиске источников финансирования фильма я нашёл заинтересованных людей в Норвегии, Израиле и Финляндии. Они хотели, чтобы обязательно был берег, присутствовала какая-то социальная проблематика – алкоголизм или что-нибудь в этом роде. Когда же мы приступили к монтажу, появилась ещё и мультипликация, и этот миф. И я полтора месяца как дурак пытался срастить берег, поселковые проблемы и китобоев, которые абсолютно раскрываются в море как носители уникальной культуры. Это вообще невозможно никак смешать! Я отказался от западных

С САЙТА KINGAMORYA.RU

Александр Дмитриевич Емельянов ушёл как настоящий охотник. По представлениям эскимосов, те, кто погибают в море, уходят хорошей смертью

денег, остался в своём российском бюджете. Решил, что это фильм о живом.

Миссия китобоев – преодолевать невозможное

Вахрушев искренне восхищается морскими охотниками, их цельностью, силой духа, простотой:

– В экстремальной ситуации китобой никогда не опускает руки, и даже волнения не испытывает, ведь он регулярно сталкивается с опасностью. То же самое происходило с поколениями его предков, научившихся воспринимать стресс как традицию. Невзирая на всевозможные препятствия, китобой в любую погоду привозят добычу домой. Даже если ветер гонит лёд к берегу, и невозможно его пройти – они проходят. Для них это главная мужская функция. Они – добытчики и кормильцы, от них зависят жизни тех, кто остался на берегу, и вообще жизнь народа. Не представляю, что этот процесс может когда-нибудь прекратиться.

Рассказывая о мультипликации, Алексей Вахрушев признаётся, что освоил всю техноло-

гию с нуля. Вместе с ним работал один из лучших мультипликаторов России – Эдвард Беляев, участник большого анимационного проекта «Гора самоцветов». Материалом же для анимации послужил скульптурный пластилин.

– Последние два с половиной месяца мы работали с Эдиком вдвоём, с 11 дня до часу ночи. Выходной у нас был один – 1 января. От такого напряжённого графика работы у Беляева начались проблемы с ногами. В фильме есть фрагмент, когда женщина, родившая китёнка и жертвующая собой ради своего племени, обернулась нерпой, а затем снова выползла на берег, лишившись возможности ходить. Так вот, когда мы закончили съёмку, Эдик сказал: «Свои ноги я отдал этой женщине».

Посыл фильма, его миссия – уникальны. На земле есть люди, для которых самоидентификация важнее всех земных благ. Что бы ни происходило с нашей цивилизацией, они остаются верны традициям предков. И именно это, а не достижения науки и техники, обеспечивает целому народу жизнь.

– Пока эти люди будут жить именно там, в Лорино, в родной среде, в родном пространстве – у них есть будущее, – резюмирует Алексей Вахрушев. – В том поселении собрались все береговые чукчи залива и остатки эскимосов, переселённых со своих родовых земель. Это национальное село, где поначалу, наверняка, были конфликты, но постепенно всё утряслось, и они стали одним целым. Кстати, известный фильм «Китобой» снят в этом же посёлке, но на Чукотке его не приняли, а в Лорино заклеили позором.

Показ «Книги моря» на Ямале – это тоже своего рода миссия. Малые народы действительно способны на многое. Главное, не терять свою самоидентификацию, традиции и землю предков. 🌐

О СВЯЩЕННОЙ ТРИАДЕ И ТОЧКАХ БИФУРКАЦИИ

Геннадий ЗАЙЦЕВ

г. Тюмень

Среди множества энергетических центров Земли, облагоустроенных храмами и вереницами богомольцев, есть обычный с виду музей. В стареньком двухэтажном здании хранятся экспонаты, чья историческая ценность на первый взгляд, не так уж и велика. Порознь они – ничто, но вместе, они образуют силу, которую фантасты именуют точкой бифуркации. В таких точках – порталах, время делится на несколько потоков, в каждом из которых происходят свои события. В нашем же случае наблюдается обратный процесс: многочисленные цепочки причинно-следственных связей сходятся в одном времени и в одном месте по адресу: село Яр-Сале, ул. Худи Сэроко, 18, Ямальский районный музей.

ИЗ АРХИВА ЯМАЛЬСКОГО РАЙОННОГО МУЗЕЯ.
КОллаж ЖАННЫ НОВЫИНОЙ

Шаман Яптик Яулы проводит обряд камлания. После ритуала он сказал, что духи Ямала благожелательны к музею

Нет, не для красного словца я завёл здесь разговор о точках бифуркации. Вот вам яркий пример: однажды в яросалинский музей забрёл шаман Япстик Яулы. Постояв какое-то время возле экспозиции с настоящим шаманским бубном, он решил, что проведёт здесь обряд камлания, освятит это место. Сказано – сделано, и стало муниципальное бюджетное учреждение ... священным местом! Для современной России это редчайший случай. И уж тем более уникальны последствия совершенного обряда. После визита шамана, в музей потянулись оленеводы. Каслая на «женскую» сторону, они взяли за правило проводить на этом месте свои обряды. Дальше – больше: несколько человек передали в дар музею изваяния семейных и родовых духов. Свой поступок они объяснили тем, что хозяева всех этих реликвий умерли, и теперь по традиции их вещи нужно отнести на одно из священных мест. А ближайшим из них является – правильно, музей!

За тридцать лет существования основной фонд Ямальского музея разросся до 15 тысяч экспонатов. Как думаете, какой из них самый главный? Может быть, тот самый бубен, а может быть, личная коллекция его основателя – вашего покорного слуги?

На самом деле, я считаю, что все собранные здесь экспонаты важны до последнего «винтика». Они – как механизм автомобиля, убери любую из деталей – и машина встанет. Откажись музей от какого-нибудь артефакта – и сложная цепочка причинно-следственных связей сложится неправильно, даст сбой. Да, само собрание при этом сохранится, да, оно по-прежнему будет интересно любителям истории, но движения, подобного тому, что запустил Япстик Яулы, – может уже не случиться.

Основная задача яросалинского музея – сохранение этнокультуры малочисленных народов Севера и народов, проживающих на Ямале. Богатство этой территории – люди, создавшие в экстремальных условиях уникальную цивилизацию, с потрясающими этнокультурными компонентами, основанными на трёх составляющих: человек – олень – тундра. Это священная триада и жизненная сила ненцев. И в ней важна каждая деталь.

Работа с экспонатами сродни камланию

Здесь стоит сделать небольшое отступление и пояснить, что любой музейный экспонат имеет научную, мемориальную, историческую и художественную ценность. Так было всегда. Но в нашем случае, говоря о точке бифуркации, уместно взглянуть на артефакт, ещё и как на некую историко-культурную цивилизационную матрицу, носитель (если хотите, выносной накопитель) исторического и культурно-этнического пространства, в котором он когда-то существовал. В музее экспонат-матрица становится не просто объектом изучения и экспонирования, но и эдаким лекалом, благодаря которому мы имеем четкое представление о форме того или иного явления.

Такой подход к восприятию экспонатов – сродни камланию. Он погружает нас в пространство причинно-следственных связей, позволяет прочувствовать колебание исторических темпоритмов. И в этой точке бифуркации перед нами вдруг открываются пересечения судеб, эпох, культур, верований и обычаев не только ненцев, но и всех народов, населяющих современный Ямал...

В числе уникальных, «центровых» экспонатов Ямальского музея – предмет, найденный в период археологических раскопок 80-х – 90-х годов командой А. В. Головнёва. Именно тогда в районе реки Юрибей учёные обнаружили стоянку легендарного народа «сихиртя или сиртя».

Среди множества собранных там артефактов – каменная пластинка с «портретом» древнего человека. Учёные полагают, что это единственное дошедшее до наших времен изображение «сихиртя». И здесь впору вспомнить слова почётного гражданина ЯНАО Хабэчи Яунгада, утверждающего, что он – один из потомков «сихиртя». Знаменитый советский этнограф и археолог, специалист по угорским народам Валерий Николаевич Чернецов, открывший в 1928 году стоянку легендарного народа, описывал встречи с ненцами, которые тоже возводили свой род к «сихиртя». Вот и получается, что незамысловатый портрет на камешке и есть

Пуговица немецкого моряка – свидетельство того, что в годы войны в акваторию Обской губы заходили фашистские подводные лодки. О контакте с немцами говорили и сами оленеводы

Учёные предполагают, что это единственное изображение древнего народа «сихиртя»

Многие предметы, которые находят местные жители и оленеводы, попадают в музей. Эти бронзовые украшения в 2008 году нашёл Геннадий Ялтик в районе посёлка Ялтик-Сале

та самая точка пересечения исторического, культурологического и цивилизационного пространства, заложенного в этот экспонат-матрицу.

Как царский кафтан попал на север полуострова

В основном фонде яр-салинского музея хранятся документы, связанные с историей Павла Павловича Крузенштерна, внука знаменитого мореплавателя Ивана Фёдоровича Крузенштерна. В 1862 году на шхуне «Ермак» его экспедиция отправилась на поиск Северного морского пути. Осенью того же года у берегов Ямала судно потерпело крушение. Команду Крузенштерна спас богатый оленевод Сейч Сэротэтто. Несколько месяцев он содержал и кормил отважных мореплавателей, а затем помог им выбраться в Обдорск. Эта история дошла до российского императора, самоотверженный тундровик был награждён, а подтверждающие этот факт документы легли на дно шкапулки, с которой потомки ямальского оленевода каслали более 130 лет! И лишь в наши дни, после передачи этого мини-архива в яр-салинский музей мы узнали, что Сейч Сэротэтто получил серебряную медаль «За усердие» для ношения в петлице на ленте ордена Святого Станислава и почётный кафтан из Кабинета Его Императорского Величества. Это единственный ненец эпохи Александра II, удостоившийся столь высокой государственной награды!

Отмечу, экспедиция П. П. Крузенштерна готовилась при материальной поддержке М. К. Сидорова – крупного мецената, который развернул широкую деятельность по исследованию Сибири и Русского Севера. Этот незаурядный человек был увлечён подъёмом сибирской промышленности и торговли, а на развитие мореходства по Северному Ледовитому океану и рекам, в него впадающим, он потратил астрономическую по тем временам сумму – 1,7 млн рублей!

И здесь мы видим интересное переплетение истории родов Крузенштерна, Сидорова и Сэротэтто. В этой точке бифуркации – отголоски эпохи Царя-Освободителя и реалии наших дней.

Кстати, в память о Михаиле Константиновиче Сидорове в 1863 году был основан посёлок Сидоровск, находившийся до недавнего времени в Красноселькупском районе ЯНАО. Ныне этот населённый пункт упразднён, но не забыт. По инициативе краеведов, на его месте установлен памятный знак.

В 2000-х годах ОРТ показало сюжет о шкатулке с документами Сейча Сэротэтто. Почти сразу в яр-салинский музей позвонил Вячеслав Крузенштерн – потомок известных мореплавателей. В последствии мы с ним встречались в Северной столице на конференции, а затем и на первом телемосте Салехард – Санкт-Петербург. Вот такие интересные пространственно-временные пересечения возникают при соприкосновении с некоторыми артефактами.

Как Тюменская область успела повоевать с Кригсмарине

Ещё один очень интересный экспонат передал в музей А. Няруй. Это пуговица немецкого моряка-подводника образца 1942 года, найденная на полуострове Ямал оленеводами. Она свидетельствует о заходе германских субмарин в акваторию Обской губы и контактах их экипажей с местными оленеводами. О том же гласят и воспоминания старожилов.

Почётный Гражданин Ямало-Ненецкого АО В. А. Вахнина записала со слов Вэсоко Яунгада такую историю:

– Как-то осенью увидели, что из воды появляется чудовище вроде большого корабля. Потом лодка. В неё сели три человека и направились к берегу. Мы все перепугались, побежали из чумов прятаться по оврагам. Убежали все, кроме ребёнка шести лет. Тот хромой был, бегать быстро не мог, залез в бочку, на дне которой лежала солёная рыба. Из оврага ненцы наблюдали за пришельцами. Видят, те вышли из лодки, аккуратно всё осмотрели, заглянули в чумы, бочки, обнаружили спрятавшегося мальчика, вытащили его оттуда, стали угощать конфетами. Гитлеровцы жестами объяснили, что нужны рыба и мясо.

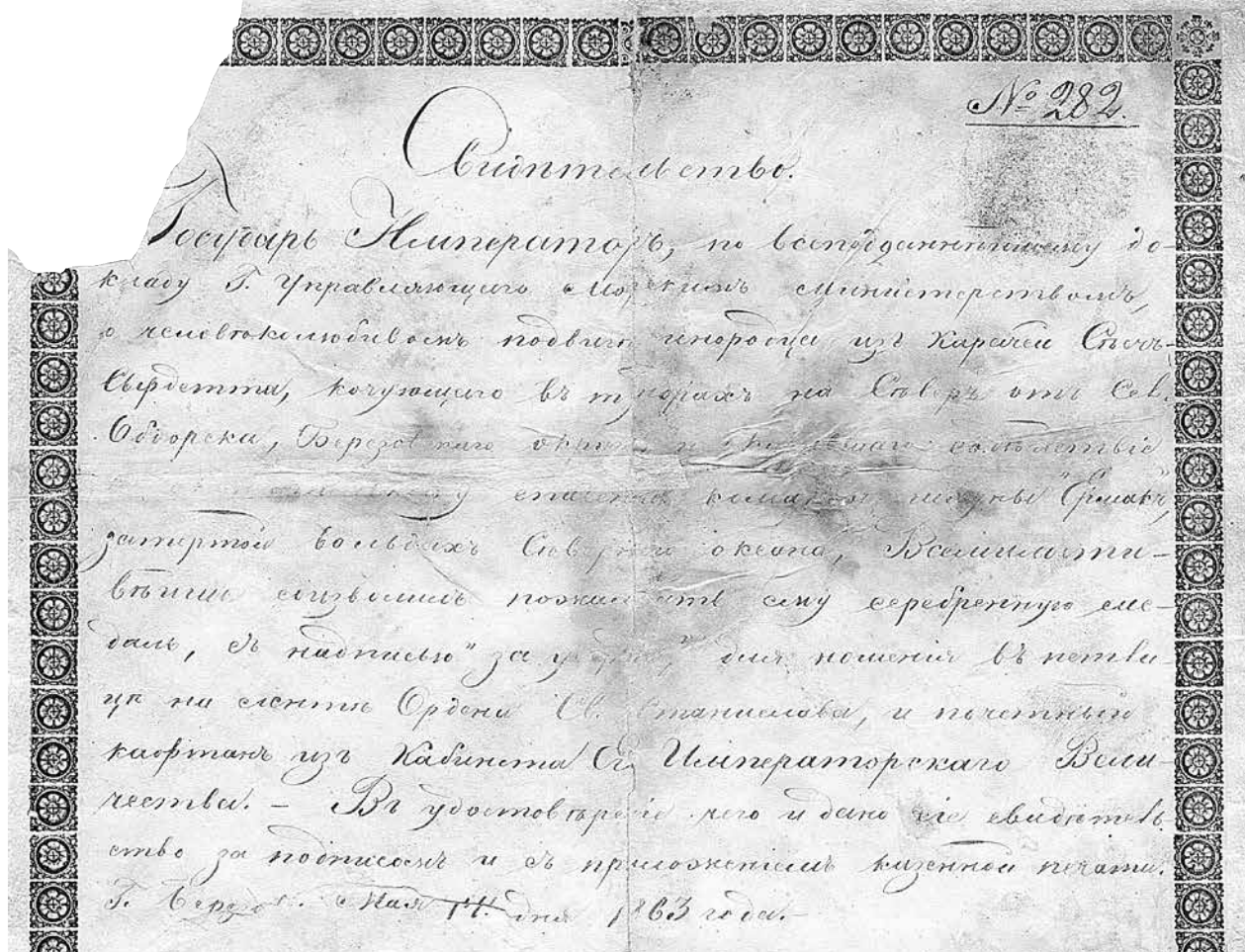
Ненцы, по словам рассказчика, были «малооленные»: лишнего мяса не имели, но рыбой поделились. Взамен немецкие моряки выдали им сахар, чай, а также «пахучий табак и твёрдое печенье» (сигары и галеты). Есть предположение, с оленеводами близ мыса Харасавэй контактировал экипаж подводной лодки U-365 VII С – той самой, что торпедировала теплоход «Марина Раскова».

В детстве я слышал рассказ о человеке, радировавшем о заходе немецкой субмарины в реку Дровяную у берегов Ямала. Позже, уже после открытия яр-салинского музея, я разыскал его в Тюмени, это был Василий Васильевич Белоусов. Мы с ним подружились и общались лет пятнадцать до его смерти в 2020 году. Он скончался на 99-м году жизни, сохранив при этом уникальную память. По моей просьбе, он оставил записки о жизни на Крайнем Севере, рассказал, как создавалась Тюменская область, как в 1944 году из Ямальского района выделили новую территориальную единицу – Тамбейский район. Но самое главное, Василий Васильевич вспомнил, что: «Текст радиogramмы с сообщением о заходе немецкой подлодки приносил секретарь райкома партии Сидоров Георгий. Адресовалась она в Салехард окружкому партии». Произошло это в августе 1944 г., когда создавалась Тюменская область, таким образом, успевшая повоевать.

Вот так и вышло, что вокруг одной пуговицы закрутилась целая история: образование Тюменской области и Тамбейского района, контакты оленеводов с немецкими моряками и, конечно же, гибель конвоя БД-5 у берегов острова Белого.

Как видите, даже самый крошечный экспонат может стать отправной точкой в путешествии по времени, может послужить делу патриотического воспитания, сформировать гражданскую позицию человека.

Думаю, Ямальский районный музей достиг на этом поприще удивительных результатов. Коренные жители Ямальского района перестали воспринимать его как бюджетное учреждение. Музей гармонично вписался в традиционный образ жизни тундровиков и стал частью их культурного

ИЗ АРХИВА ЯМАЛЬСКОГО РАЙОННОГО МУЗЕЯ

Более 130 лет свидетельство о награждении Сейча Сэротэтто серебряной медалью «За Усердие» и почётным кафтаном из кабинета Его Императорского Величества хранилось у его потомков

пространства. Поэтому и несут они сюда не только всевозможные редкости, но и предметы семейного духовного пантеона.

Весной 2008 года оленевод-частник Геннадий Яптик доставил в музей уникальные бронзовые украшения, найденные в районе Яптик-Сале. На вопрос, почему он хочет передать эти вещи именно в районный музей, а не в какое-нибудь другое более статусное учреждение, даритель ответил, что Ямал – его родина, и всё, что с ней связано, должно оставаться достоянием его потомков.

За несколько дней до этого события, житель Сюнай-Сале Тимофей Салиндер поймал рыбу, породу которой местные жители не смогли определить. Тогда он привёз её в музей, считая, что это очень важно для ямальской науки. Главный хранитель фондов, а ныне директор музея Зоя Прокопьевна Сафарбекова, выяснила, что в сети тундровика попал белый толстолобик, обитающий преимущественно в водоёмах Средней полосы и Дальнего Востока. Информацию об этом необычном случае передали коллегам в Тюмень.

Как учёные гнались за беглым мамонтёнком

И всё же, самым ярким примером трепетного отношения местных жителей к яр-салинскому музею можно считать почти детективную историю находки мамонта Любы. Она неразрывно связана с тундровыми верованиями, бегством от духов, и милицейской погоней.

Однако обо всём по порядку. Весной 2007 года в Ямальский районный музей стали поступать сведения о трупе мамонта, который оленеводы видели в районе реки Юрибей. Музей попытался найти первоисточник информации – некоего оленевода, но тот уехал в тундру. Через несколько дней мне позвонил мой бывший ученик Кирилл Сэротэтто – председатель национальной общины «Нгерм» – и сообщил, что человек, обнаруживший мамонта, приехал в село. В тот же день я познакомился с пенсионером-оленеводом Юрием Вэйвовичем Худи. Тундровик сообщил, что труп мамонтёнка без шерсти лежит в двух километрах от его

9 сентября 1862 года Павел Крузенштерн вместе с командой покинул шхуну «Ермак», застрявшую во льдах Карского моря. Капитан приказал каждому члену команды взять с собой сухарей на 20 дней, а повару – приготовить сытный обед и выдать людям по стакану рома. Экспедиция двинулась на восток

чума. Обнаружив его, старик тут же отправился в Новый Порт на «Буране», а затем вертолётным вылетел в Яр-Сале, чтобы сообщить об этой находке в музей.

Я тут же связался с Павлом Косинцевым, старшим научным сотрудником Екатеринбургского Института экологии растений и животных УрО РАН, сообщил о находке и в окружной музейно-выставочный комплекс им. Шемановского.

Вскоре к чуму Юрия Вэйвовича вертолёт доставил целую научную экспедицию. Но хозяйка огорчила учёных неожиданным известием: некий тундровик забрал мамонтёнка и увёз его в неизвестном направлении. Пришлось поднимать на его поиски милицию. Из Мыса Каменного вышли два вездехода со стражами правопорядка. При главе Ямальского района был создан штаб – вот как всем хотелось найти древние останки!

Ситуация разрешилась неожиданно: 22 мая из Нового Порта пришло сообщение,

что мамонтёнок находится у местного предпринимателя. Через три дня бесценный груз уже доставили в МВК им. Шемановского.

Разумеется, у многих тогда возникли вопросы к тундровику, который увёл останки из-под носа ученых. Тот объяснил свой поступок благими намерениями и верой предков. Мужчина заявил: духов мамонтов

тревожить нельзя! Ну, а раз уж это случилось, он решил отвести их от чума Юрия Вэйвовича. Для этого и увёз мамонтёнка куда подальше, ещё и следы запутал...

Как бы там ни было, ЮНЕСКО назвало эту находку событием века. Мамонтёнка-девочку нарекли именем жены Юрия Вэйвовича – Любой. Муляж доисторического животного сейчас хранится в яр-салинском музее, а сам мамонтёнок – в МВК им. Шемановского.

Сразу после этих событий Яр-Сале посетил известный мамонтовед, француз Бернар Бюиг. Позже он снял о Любе документальный фильм.

Вот так и вышло, что обычный сельский музей, освоив точки бифуркации, стал важной частью жизни ямальского народа. 🌐

На фото 1975 года Геннадий Зайцев держит в руках ребро гренландского кита, найденного на берегу Обской губы недалеко от посёлка Сеяха. Изначально и вплоть до 2007 года он и его коллеги думали, что это кости мамонта. Правда «открылась», когда в музей приехал французский исследователь Бернар Бюиг

ИЗ АРХИВА ГЕННАДИЯ ЗАЙЦЕВА

ИЗ АРХИВА ЯМАЛЬСКОГО РАЙОННОГО МУЗЕЯ

Находка Юрия Худи стала настоящей мировой сенсацией. Мамонтёнка назвали Любой в честь жены оленевода

ИСТОРИЯ, ЛИЧНОСТИ, СУДЬБЫ

Гузель Сибгатуллина. «Безмолвное прикосновение», 2019, акварель

ГОРОД, КОТОРЫЙ ХОТЕЛИ ЗАТОПИТЬ*

Виталий ЛИВИТИН

г. Салехард

Трудно поверить, но полвека назад огромную территорию Тюменской области вместе с уникальными залежами нефти и газа могли затопить ради мощнейшей гидроэлектростанции возле Салехарда. И не было бы города, в котором я сейчас живу.

Салехард. Конец октября 1969 года.

– Ну и что дальше делать будем? – это был первый вопрос, который мы задали после выхода из кассы «Аэрофлота» инициатору поездки на Север Николаю Осадчуку.

Мы – это шесть мужиков – «покорителей Севера», решивших рвануть сюда годика на три и обеспечить себе достойную жизнь в кооперативных киевских квартирах.

В поезде Москва – Лабытнанги по этому поводу только разговоров и было. Слушая наши рассуждения, сосед по купе усмехнулся:

– Мужики, если вы проживёте здесь три года, то никогда не уедете с Ямала.

Действительно, пятьдесят лет прошло с той поры, а мы, кто остался жив, до сих пор в Салехарде.

В то далёкое время авиакасса находилась в торце здания гостиницы с говорящим названием «Север». Туда мы и отправились, прибыв в город на последнем рейсе «Омика» (наименование теплохода. – *Прим. авт.*). Последнем – не потому, что он после этого утонул. Нет, ходил он ещё по реке долго. А потому, что это был завершающий рейс теплохода из Салехарда в Лабытнанги и обратно в навигацию 1969 года. Это мы узнали следующим утром, когда хотели сбежать из города. Спустились со Славкой Фёдоровым на дебаркадер по длиннющей, с дырявыми качающимися досками, скользкой лестнице и замерли перед объявлением об окончании навигации. Приплыли...

Решили срочно выбираться из этой «столицы» в конечный пункт нашего маршрута – посёлок Новый Порт или, в худшем случае, в строящийся город «под стеклом» – Надым. Был такой проект – возвести на Севере город, в котором люди будут жить под куполом. Мечты, мечты...

И вот стоим у входа в кассы «Аэрофлота» на деревянном тротуаре безлюдной улицы Республики. Билетов в Новый Порт на ближайшие дни нет, только по предварительной записи. До Надыма есть, но не про нашу честь – для их приобретения необходим милицейский пропуск или заверенный печатью вызов на бумаге из организации, находящейся там. У меня же в кармане только профсоюзный билет и билет до Москвы. Остальные документы и триста рублей стырили в Киеве недобрые люди из толпы болельщиков, спешащих на футбольный матч киевского «Динамо» с шотландским клубом «Селтик». Именно в тот день открылся отреставрированный стадион имени Никиты Хрущёва на сто тысяч посадочных мест.

Пришлось возвращаться в комнату отдыха речного вокзала, в унынии переговариваясь и пересчитывая наличность. Недели на две-три скромной жизни хватит. А дальше что? Мы со Славкой решили отправиться в Иркутск через Москву в Мегетскую геофизическую экспедицию. Сходили на телеграф, созвонились с Мегетом и

* Представленный материал – отрывок из книги Виталия Ливитина «Приехали в город, который должен утонуть», вышедшей в марте 2021 года.

получили согласие на трудоустройство без документов. С предоставлением жилья и прочими льготами. Только вот оставшихся средств явно не хватит, чтобы добраться туда. Надо срочно искать подработку. А пока отправились на первый этаж речного вокзала – в ресторан «Волна». Оттуда уже давно доносились призывные звуки оркестра. К тому же на сытый желудок лучше думается. Зал был на удивление полон. Все столики заняты. Но, увидев новые лица, люди моментально сгруппировались и освободили нам место. Высокая белокурая девушка, оказалось, директор заведения Алла Маевская, вынесла из подсобки несколько табуретов. Начались расспросы, ведь обычно нашествие бригад «заробитчан» в городе приходилось на весну с появлением на рейде первого теплохода с юга.

Позже, когда мы стали завсегдатаями этого уютного заведения – работали рядом, строили пирс в доке «Ямалрыба»

– познакомились со многими сидельцами 501-й стройки. Узнали много такого, о чём не писали в нашей прессе.

Салехард встретил нас уютным городским пейзажем и ощущением полной безнадёги. Центральная улица удивила конструкцией – по всей длине лежали плахи из брёвен, деревянный тротуар покрывала ледяная короста. Пока шли к гостинице, не видели ни людей, ни машин.

ИЗ ФОНДОВ МВК ИМ. И.С. ШЕМАНОВСКОГО

Улица Республики. Конец 60-х годов. Если бы проект реализовали, центральная улица, как и весь город, ушла бы под воду. Затопили бы и близлежащие посёлки, родовые угодья, оленьи пастбища, леса

Судьба Мологи, куда Левитан приезжал на пленэры

Тут же, в ресторане, зашёл разговор о Салехарде.

– Почему город с 300-летней историей так убого выглядит? – спросили мы.

– Так Салехард и не должен существовать. Исчезнуть он должен был, как мой родной город Молога, который утоп под водами Рыбинского водохранилища. Тридцать два года прошло с той поры.

Все повернулись к говорящему. Человек был похож на бомжа. На носу роговые очки. Одно стекло с трещинкой. Неухоженные, давно не знающие расчёски волосы и борода. Синяк с фиолетовым оттенком под левым глазом. Костюм, чувствовавший последний раз прикосновение утюга ещё в прошлой пятилетке, ботинки с металлическими заклёпками, непонятного цвета рубашка.

Нисколько не смутившись всеобщего внимания, мужчина продолжил:

– В 1936 году нам, жителям Мологи, сообщили, что город затопят и необходимо переселяться. За два года до этого правители наши решили Рыбинскую электростанцию

строить, да ошиблись проектанты – плотине с подпорой в девяносто восемь метров не хватило турбины крутить воду, решили до 102 метров её поднять. При старых же девяносто восьми ещё два метра оставалось для сохранения города. Потопили Мологу и ещё почти 800 деревень с плодородными полями, красивейшими лесами. А ведь к нам сам Левитан на пленэры приезжал.

С территории пришлось переселять почти 150 тысяч человек. Сносить дома и вырубать леса пригнали заключённых из Волжского исправительно-трудового лагеря.

– Дома-то снесли, а вот церкви не смогли порушить. Они на века строились, – пояснил рассказчик. – Четыре года людей выселяли. Некоторые отказывались уезжать, цепями себя к домам приковывали. Не должно было быть на карте нашего великого Союза и такого города, как Салехард. Институт «Гидропроект» занимался проектированием ГЭС у Ангальского мыса. Территорию планировали затопить, город на 20 000 жителей перенести на другое место. Шесть лет назад даже комиссия в Окрисполкоме заседала по этому вопросу, эскизный проект нового чудо-города ещё недавно висел на

стене исполкома. Михалыч (он кивнул на своего собеседника) присутствовал на этом совещании, может подтвердить.

По словам Михалыча, руководители округа пригласили специалистов проектного института «Печерпроект» и домостроительного комбината «Печершахтострой». На совещании главный инженер проектировщиков сообщил, что по их подсчётам за три-пять месяцев здесь можно построить 60-квартирный дом. В итоге решили срочно изготовить проект и приступить к строительству пятиэтажных домов. Даже несколько домов с 9–16 этажами запланировали – с горячей водой от котельной.

– Дешёвую электроэнергию планировали перебросить через Урал в Коми. Строящуюся железную дорогу должны были перевести на электротягу. Только недавно проект закрыли, как и известную 501-ю стройку, – подключился к разговору мужик с синяком.

– Откуда вам столько подробностей известно? – удивлялись присутствующие.

– Был участником этих проектов. На 501-й стройке трудился. Срок свой заслуженно заработал. Дал в морду одному высокопоставленному чину прямо на сцене на собрании художников Москвы. Дали десять лет. Полгода лопатой махал, потом работал в лагерном культурно-воспитательном отделе. На второй великой стройке уже вольняшкой был. Михалыч тогда был уважаемым человеком в городе. Сначала в управлении 501-й трудился, позже в городском совете заседал. Он больше о затоплении знает.

О грандиозных проектах

– Для того, чтобы накопить для перекачки на юг достаточное количество воды, здесь решили строить Нижне-Обскую ГЭС, – продолжил наш собеседник. – Но не это было основной задачей. Главное – дешёвое электричество, которое на ГЭС получают, в отстающие районы Урала и Коми перекинуть. Надо же как-то поднимать экономику Тюменской области. При этом ещё много великих строек планировалось. Даже о металлургических заводах поговаривали.

По словам Михалыча, плотину длиной 16 километров хотели построить между Ангальским мысом и Лабитнанги. Подняв воду на 46 метров, создать водохранилище. Потом её по каналу вдоль Иртыша на юг направить. А самая высокая отметка для строительства в Салехарде была определена в то время в 30 метров.

Идея строительства ГЭС появилась после войны, намётки проекта сделали в Министерстве электростанций ещё при Сталине. В Салехард была направлена экспедиция от кафедры мерзлотоведения геофака МГУ.

– Приказ был такой – изыскания провести по всей Оби и Северу. Прибывших называли Обской экспедицией. Главная контора находилась в Салехарде на улице Северной, 8, жили специалисты в балках у оврага на Гидропорту, – вспоминал Михалыч. – Научным руководителем проекта был Евгений Михайлович Сергеев, он и принял меня на работу разнорабочим в эту партию. Я как раз освободился. Перетаскивал оборудование для изысканий, снимал материалы с приборов, выполнял камеральные работы. Скважины бурили рабочие подрядчики Гидропроекта – от пяти до ста метров, а мы их исследовали: изучали состав грунтов, измеряли температуру, составляли прогнозы. Сначала меня поселили в бараке на Мостострое по Северной, 8, потом в землянку на берегу Оби под Ангальским мысом. Там при 501-й двадцать четвёртый лагпункт находился. Часть рабочих на Корчагах жили в бараках бывшей женской колонии. Народу человек триста работало.

По его словам, на месте, где предполагалось плотину строить, набурили тогда около 400 скважин. В некоторых из них – речное дно на глубине больше 30 метров.

– И как тут плотину строить – непонятно. По берегам реки мерзлота, в Оби под дном вовсе её нет – голимые песок да глина, – рассуждал собеседник. – Это ещё что! Институту и более смелые проекты предлагали. К примеру, соединить плотиной в низовьях рек Обскую и Гыданскую губы, Енисейский залив, протянув это сооружение по островам Сибирякова, Неупокоева и Шокальского. Длинной та плотина должна

ВИТАЛИЙ ЛЬВИТИН

Здание на Северной, 8 существует до сих пор

была быть 200 километров. Но не судьба – умер вождь, и накрылся фееричный проект медным газом. Тогда родилась другая идея – подать воду из Тихого океана через плотину в Северный Ледовитый, чтобы разогреть льды Арктики. Не нравится? Тогда можно поступить наоборот – засыпать лёд толстым слоем ила, превратив северные моря в сухопутные круглогодичные дороги...

За разговорами мы не заметили, что одни в зале остались. Ресторан закрывался, а интерес к рассказам этих людей не ослабевал. Пригласили их к себе в «апартаменты». Долго и много говорили в тот вечер бывший художник и его друг. А рассказ об Обской ГЭС был моим первым знакомством с историей грандиозного проекта. И не знал я

ИЗ АРХИВА ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

Члены Обской экспедиции у базы на Северной, 8, 1954 год. Изыскания инженеры-геологи проводили с 1954 по 1963 год. За это время они изучили геологическое строение долины Оби на всём её протяжении – от устья реки Томь до Обской губы

тогда, что почти через 30 лет и мне придётся какое-то время жить в бараке на улице Северная, 8, где находилась контора изыскателей. 🌐

КАК УЧЁНЫЕ ОТКАЗАЛИСЬ ОТ МОРЯ НА ОБИ

Татьяна МУШТАЕВА

г. Салехард

Статья Виталия Ливитина «Город, который хотели затопить» будет неполной без ссылки на официальные сообщения, которые мы нашли в архивной подшивке газеты «Красный Север».

В начале 60-х годов прошлого века проект строительства Нижне-Обской гидроэлектростанции всерьёз обеспокоил жителей ямальского Севера. В прессе разгорелись жаркие споры сторонников и противников этого мегасооружения.

В чём была суть замысла учёных? Ещё при Сталине институт «Гидропроект» предложил воздвигнуть на Оби и Иртыше целый каскад гидроэлектростанций. Головная и самая крупная – Нижне-Обская ГЭС мощностью в 6–6,5 миллиона киловатт и со среднегодовой выработкой электроэнергии свыше 30 миллиардов кВт/ч. Даже по нынешним меркам она была бы в пятерке мощнейших электростанций мира.

Было гладко на бумаге...

В институте подсчитали, что именно Нижне-Обская ГЭС может компенсировать нехватку топлива и энергии, которая возрастает в Европейской части СССР. Тем более, потребность Урала в электроэнергии к 1970 году должна была увеличиться втрое. Удовлетворять её за счёт тепловых станций невыгодно. Дорог уголь и Донбасса, и Кузбасса – далеко его возить. Последнее слово было за Государственной экспертной комиссией Госплана СССР.

Институту дали добро разработать проект. В Салехард направили экспедицию. Вот как описывает ситуацию корреспондент «Красного Севера» М. Дуденков в статье «Быть ли морю на Оби?» (№ 182 от 11 сентября 1963 года): «Впервые с так называемой нижнеобской проблемой я познакомился лет во-

семь назад, будучи в Салехарде. Многое меня поразило в этом необычном городе на полярном круге. И улицы, устланные как старинная горница, широкими плахами, и олени упряжки рядом с «Победами», и северный размах, когда сто километров считается пустяковым расстоянием. Однако самым большим контрастом показалось то, что на одном конце Салехарда базировалась геологическая партия, а на другом – экспедиция института «Гидропроект». Ничего как будто особенного, но дело в том, что геологи искали в низовьях Оби нефть и газ, а гидропроектвцы составляли схему их затопления».

Нижне-Обскую ГЭС планировали построить чуть севернее Салехарда. Близко проходит железная дорога, есть достаточное количество местных стройматериалов. Станция по расчётам «Гидропроекта» должна была стоять примерно столько, сколько Волжская имени XXII партсъезда, а энергии дать в три раза больше. Закладывать плотину планировали в 1969 году.

«Есть и другие экономические преимущества этой ГЭС, – пишет Дуденков. – Но в них почти не учитывается ущерб, который принесёт водохранилище на Оби. Плотина ГЭС образует целое море – более обширное, чем, например, Азовское. А дном того моря должны стать свыше ста тысяч квадратных километров территории Тюменской области с миллионами гектаров лесов, пойм, лугов и пашен. На дне морском должны оказаться и Салехард, и Берёзово с его газовыми месторождениями, и нефтяные фонтаны Сургута и Мегиона».

СЕГОДНЯ

СУББОТА

28

ДЕКАБРЯ

1963 года.

КРАСНЫЙ СЕВЕР

Орган Ямало-Ненецкого окружкома и Салехардского горкома КПСС, окружного и городского Советов депутатов трудящихся

ГАЗЕТА
ВЫХОДИТ
С 19 АПРЕЛЯ
1931 ГОДА

№ 258 (6368)

Цена 2 коп.

**Сегодня
в номере:**
ГОРЕТЬ ОГНЯМ
НОВОЙ ГЭС
О ЛЮДЯХ, ЧЕЙ
ТРУД СЛАВИТ ЯМАЛ
ПУТИ РАЗВИТИЯ
РЫБНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ДВОЕ С ТЕС
ФАНАЛ В НОЧИ

Н А Ш
ЗАВТРАШНИЙ
Д Е Н Ъ

Нижне-Обская ГЭС будет!

Плотина на Оби, новое огромное море, крупнейшая в мире гидроэлектростанция в районе Салехарда — это сейчас волнует всех. Жаркие дискуссии ученых, проектировщиков, специалистов всех профилей все более поворачиваются в одно русло — сейчас уже не говорят «нет», сейчас вопрос рассматривается с позиций того, как проект строительства Нижне-Обской гидроузла отвечает всесторонним требованиям различных отраслей хозяйства, науки, техники. Естественно, что даже самый лучший проект не может удовлетворить все требования, поэтому строительство ГЭС связано с определенным ущербом для некоторых отраслей. Но этот ущерб в сотни раз перекрывается экономическим эффектом, получаемым от деше-

вой электроэнергии, при помощи которой получат рождение новые отрасли нефтехимии, газохимии, лесохимии, машиностроения, разработки твердых полезных ископаемых и т. д. Высший Совет народного хозяйства СССР принял постановление о доработке проекта с учетом всех этих требований.

Второй год в районе Салехарда ведут работы Печорская гидрологическая экспедиция второго гидрологического управления Государственного комитета геологии. Экспедиция выполняет цикл работ по заданию института «Гидропроект», который совместно и разрабатывает проект сооружения Нижне-Обской ГЭС. Вот что рассказывает начальник Салехардской гидрологической партии С. И. Кулагин:

— Главная задача

экспедиции — дать инженерно-гидрологическое заключение по будущему водохранилищу. С этой целью ведутся работы по всей долине Оби. Березовская партия проводит в своем роде экспериментальные съемки с вертолета, Подуйская — работает в районе притока Оби Полуля, мы ведем исследования в районе затопления и прилегающих зонах, начиная от Лабитяног и до Шурыкар.

Существенной частью заключения будет прогноз влияния водохранилища: районы полного или частичного затопления, определение величин и границ зоны обработки, составление гидрологических, гидрометрических карт; влияние на морозные условия.

Мы отработали годовую часть водохра-

нилища (где будет плотина) по левому берегу примерно до поселка Катравож, по правому еще выше. Собраны различного рода данные, пробурен ряд скважин, сделаны анализы.

Большое значение имеет выбор отметки подпора, так называемой линии ННГ (нормального подпорного горизонта). Именно от линии подпора будет зависеть площадь затопления. При предполагаемой отметке в 37—40 метров большая часть Салехарда (пристань, ДОК, территория по Шайтанке и другие районы), а также часть Лабитяног будет затоплена. На дне моря окажутся и многие поселки, расположенные выше по Оби.

В задачи экспедиции входит также определение районов застройки, в частности, нового местонахождения горо-

да Салехарда. Пока точно определенного района застройки города еще нет, работы в этом направлении ведутся, но уже сейчас ясно, что город будет на левом берегу Оби, ближе к железной дороге.

В числе проблем, связанных с подготовкой прогноза, немаловажное значение имеет и определение утечи. Основания, на которых возводятся плотины, берега и склоны обычно в той или иной мере водопроницаемы. Благодаря напору, создаваемому сооружением, вода просачивается через основание из верхнего бьефа в нижний. Надо определить величину утечи, породы, из которых складываются дно, берега и склоны реки. В связи с этим необходимо предусмотреть профилактические мероприятия.

Цикл работ по составлению инженерно-гидрологического заключения очень обширен. В нынешнем году по заданию «Гидропроект» работало три партии. В их распоряжении буровые самоходные станции, катера БМК, вертолеты. В будущем году количество партий удвоится.

Экспедиция, в которой С. И. Кулагин является начальником одной из партий, долгое время работала на Печоре по проекту переброски вод Печоры и Вычегды в Каспийское море. Проблема гигантского переброса вод северных рек уже неоднократно освещалась в печати. Но если этот проект — дело дальнего будущего, то строительство гигантской ГЭС на Оби — завтрашний день.

Ю. ПЕТРАЧУК.
(Наш корр.)

Журналист в поисках истины

После встречи с заместителем главного инженера «Гидропроект» Чеминым корреспондент негодует: «*Ответы и объяснения у них есть на все вопросы. Нефть и газ можно добывать с островных сооружений, как на Нефтяных камнях в Азербайджане. Это, как утверждают в «Гидропроекте», будет не дороже, чем строить промыслы в заболоченной тайге. Рыба? При наличии огромного водоёма её должно быть больше! Что касается хода рыбы на нерест в верховья, которому будет мешать плотина, то по опыту Волжской ГЭС можно сделать рыбоподъёмники и перевозить рыбу с их помощью в верхний бьеф плотин. Но, увы! Не все и даже не большинство ценных рыб идёт в рыбоподъёмник. Лес придётся вырубать. Но он почти не используется, а вырубать его и перерабатывать с помощью плавучих комбайнов, которые запроектированы «Гидропроектом», дешевле, чем пробивать дороги по толям и болотам. И всё это звучит довольно убедительно, обосновывается цифрами, ссылками на авторитеты. Однако я не вынес из этого института уверенности, что игра стоит свеч, что Нижне-Обскую ГЭС надо*

Со временем громкие заголовки о мегапроекте ушли с газетных полос. Его «похоронили», как и печально известную 501-ю стройку.

строить. Меня настораживают сами аргументы, которые назывались сотрудниками института. Особенно настораживает площадь затопления и подтопления. Гидропроектвцы называют минимальную цифру 113 тысяч квадратных километров. А вот учёные из СОПСА — Совета по изучению производительных сил Госплана СССР говорят, что может быть намного больше».

В конце статьи Дуденков ссылается на профессора С. В. Клопова, который в 1962 году побывал в низовье Оби с экспедицией СОПСА и говорил: «*Мы видели, какие там болота. Причём они распространяются в низинах на сотни километров. Так что в иных местах водохранилище может привести к дальнейшему заболачиванию десятков, а то и сотен гектаров».*

Взвесив все «за» и «против»

В 1963 году в журнале «Коммунист» выходит статья «Размещение производительных сил». Считая комплексное освоение ресурсов Западно-Сибирской низменности единственно экономически оправданным, автор критикует схему строительства Нижне-Обской гидроэлектростанции в районе Салехарда. Материал вызвал большой резонанс, редакцию завалили письмами. Некоторые из них были опубликованы в «Красном Севере» в июле 1963 года. Подряд в четырёх номерах выходит статья под заголовком «Проблемы освоения Западно-Сибирской низменности». Здесь высказываются представители «Гидропроекта», Академии наук СССР, Главгеологии СССР, Географического общества СССР, Тюменского областного промышленного комитета КПСС и другие.

Сторонники проекта ссылаются на то, что в статье сформулированы глубоко ошибочные выводы: освоение природных ресурсов Западной Сибири исключает строительство Нижне-Обской ГЭС. Начальник «Гидропроекта» Д. М. Юринов пишет: *«Автор статьи указывает на огромные объёмы затопления и большие народнохозяйственные потери. В действительности даже при наивысшей подпорной отметке, рекомендованной для дальнейшего проектирования ГЭС – 37 метров, площадь затопляемых сельскохозяйственных земель будет в 3,5–4,5 раза меньше, чем на гидроэлектростанциях Братской и Волжской имени В. И. Ленина. Общие затраты по водохранилищу также в 1,5–2 раза ниже, чем по указанным ГЭС, тогда как энергетический эффект примерно равен суммарному эффекту обеих гидроэлектростанций».*

По словам Юринова, строительство водохранилища, создание строительной базы, городов и посёлков, железных и автомобильных дорог и превращение тундры в глубоководный водоём не затруднит, а облегчит и ускорит промышленное и транспортное освоение района. К тому же расчёты показали, что добыча газа и нефти в условиях водохранилища

и лесосводка не будут дороже добычи в бытовых условиях.

Главный аргумент противников проекта – затопление уже открытых месторождений и тех, которые несомненно будут выявлены в ближайшие годы, принесёт колоссальный ущерб народному хозяйству. По мнению сибирских гидрологов, гидротехников, лесоводов и ихтиологов, создание ГЭС на отметках НПГ (нормального подпорного горизонта) выше 20 метров существенно ухудшит природные условия низменности. Водохранилище усложнит транспортные условия в низовьях Оби. Потребуется замена речного флота судами озёрно-морского типа. Продолжительность навигации сократится на 12–15 суток за счёт более долгого стояния льда. Климат станет ещё суровее: значительно возрастёт скорость ветра и общая обводнённость Севера.

Эту теорию поддержали авторитетные специалисты – академик наук СССР Д. И. Щербаков и кандидат технических наук из Главгеологии РСФСР А. С. Оленин. Оба утверждали, что районы Западно-Сибирской низменности нужно не затоплять, а осушать. Со временем сторонников этой позиции становилось всё больше. Вскоре проект приостановили. А открытие новых месторождений и увеличение добычи нефти и газа привело к тому, что от него и вовсе отказались. 🌐

Проект жилого комплекса, 1964 год. Центр Салехарда планировали перенести за семь километров – на Ангальский мыс. Сотрудники «Печорпроекта» предполагали там строительство пятиэтажных домов с центральным отоплением, водоснабжением и электроплитами. Мало того, архитекторы планировали возвести несколько 9–12–16-этажных домов!

КАК САЛЕХАРДСКИЕ БОМЖИ В МИЛИЦИИ ДЕНЬГИ ЗАРАБАТЫВАЛИ

**Строители сталинской дачи и Байконура питались фрикадельками
и едва не устроили забастовку**

Сергей ДЕНИСОВ

г. Салехард

Бомж – редкое явление на улицах современного Салехарда. Но было время, когда я, молодой милиционер, курировал работу целой бригады таких бедолаг. Их «штаб-квартира» располагалась в двух шагах от ОВД, в помещении старого милицейского спортзала.

ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ДЕНИСОВА

Сергей Денисов в 1982 году.
Первое фото в милицейской форме

Шёл 1982 год, весь советский народ, по словам незабвенного Леонида Ильича, с надеждой всматривался в будущее. На улицах окружной столицы догнивали лабиринты теплотрасс, бомжи со всего Советского Союза обживали городские трущобы...

И вот, сбылась моя мечта

Несмотря ни на что, это было самое счастливое время! Я был молод, полон оптимизма и с удовольствием позировал фотографу в новенькой милицейской форме – 12 января 1982 года меня приняли на службу в Ямало-Ненецкий ОВД на должность милиционера строевого подразделения.

В духе того времени, направление на новое место работы мне выдал трудовой коллектив транспортного цеха Салехардского РКЗ, в котором я обрёл рабочую закалку. Позади остались долгие проверки моего образа жизни, продолжительные собеседования в отделе кадров, заполнение бесконечных анкет и прочих важных документов. Я давно хотел быть милиционером, и я им стал!

С первого дня на новом поприще я был готов ринуться в бой с преступностью, но увы, эти 24 часа прошли без погонь, перестрелок и задержаний матерых бандитов...

Несколько дней я был занят тем, что помогал старшему инспектору службы охраны общественного порядка ОкрОВД, младшему лейтенанту милиции Николаю Фроловичу Сабанину, собирать новую мебель в его рабочем кабинете. И лишь когда шкаф, письменный стол и десяток стульев встали на свои места, он закурил, посмотрел на меня и сказал:

– Ну, теперь будем определяться с тобой.

Услышав это, младший инспектор службы охраны общественного порядка, старшина милиции Михаил Иванович Кившик, грузным телом заёрзал на новеньком стуле и неуверенно предложил:

– Тут такое дело, Иван Дербак давно уже просится на живую работу. Говорит, что надоело ему в тарном цехе сидеть. Может быть, определим Дербака старшим в автопатруль, а его, – Кившик кивнул на меня, – на ящики посадим. А где еще ему милицейскому уму-разуму учиться?

Первой моей мыслью было то, что меня, как молодого, разыгрывают. Я прекрасно знал, что сколоточное отделение существует на рыбозаводе, откуда я и пришел в милицию. Там у меня осталась пара друзей, от которых я слышал множество веселых историй. Прикалываясь друг над другом, они прибавляли гвоздями к полу сменную обувь, и даже молотки, забытые на верстаках. Но скажите, какой тарный цех может существовать в милиции?

Здесь вам не Греция, здесь есть всё!

Моё удивление не знало границ – в ОкрОВД стучал, пыхтел и вкалывал целый цех по производству ящиков! В курс всех дел меня ввел мой новый шеф – немногословный и слегка заикающийся капитан милиции Александр Михайлович Ушаков, начальник приемника-распределителя.

Он рассказал о важности борьбы с бродягами и попрошайками – низовым звеном уличной преступности. Потеряв свои паспорта, эти люди, могли годами сидеть без работы и пьянствовать. Если такой субчик попадался милиции на глаза, его отправляли в приёмник-распределитель. По закону задержанный мог находиться там до месяца – достаточный срок, чтобы установить его личность, образ жизни и проверить на причастность к тем или иным правонарушениям.

Если ничего предосудительного бомж не совершил, ему выписывали новый паспорт,

и он отправляется на свою историческую родину. Таких ситуаций было абсолютное большинство. Если же вдруг выяснялось, что у бродяги «рыльце в пушку», его переводили в ИВС – изолятор временного содержания – под «опеку» следователей. Чаще всего такие люди уходили потом на зону с очередной судимостью по статье 209 УК РСФСР – за систематическое занятие бродяжничеством и тунеядство. Но попадались и матерые уголовники, находящиеся во всесоюзном розыске. Отсюда и название подразделения – народ здесь сначала принимается, а затем, распределяется...

Фирма Made in militia

Не знаю, кто первым в Салехарде смекнул, что месяц в приёмнике продляет преступное безделье задержанных. Вместо того, чтобы трудиться на благо общества, они не скучно живут на дармовщинку, проедавая народные деньги.

Милицейское и партийное руководство быстро нашло способ восстановить социальную справедливость. В то время Салехардский РКЗ выдавал на-гора тонны продукции. Его мощности работали в полную силу. В цехах предприятия перерабатывалась не только местная белорыбича, но и привозные хвосты с Дальнего Востока и Прибалтики. Летом, в путину, завод буквально задыхался от нехватки тары под рыбу – грубо сколоченных и укрепленных проволокой деревянных ящиков.

Вот начальство и решило «посадить бродяг на ящики». Между ОкрОВД и производственным объединением «Ямалрыба» был заключен обоюдно-выгодный договор об организации на базе милицейского отдела тарного цеха. За его оснащение и обеспечение всем необходимым отвечали заводчане, а за предоставление рабсилы и порядок на малом производстве – люди в погонах.

Надо признать, и знающие люди подтвердят мои слова, что ящики Made in militia, действительно, были очень востребованы на производстве.

Большим плюсом был и психологический фактор – человек, не державший в своих ру-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ АЛЕКСАНДРЫ КАШАНСКОЙ

ках ничего, кроме стакана «бормотухи», стремительно эволюционировал. Стиснув до зубного скрежета молоток, он, преодолевая обиду, сколачивал тару, себестоимостью 80 копеек за штуку. Так достигалась важная цель – каждый бомж становился самокупаемым. Ему уже не стыдно было смотреть людям в глаза. Ну, по крайней мере, так было принято считать в советском обществе...

Труд в местах спортивной славы

– Твоя главная задача – охранять работающих б-бродяг, чтоб они не разбежались по г-городу, –ставлял Ушаков.

Вот так, с легкой руки многоуважаемого мной старшины Кившика, я и стал постовым милиционером тарносколоточного цеха окружного приемника-распределителя. До меня «сколоткой» руководил старшина милиции Иван Дербак. С моим появлением его перевели в зарождающуюся патрульно-постовую службу, старшим экипажа автопатруля. Цех располагался в просторном помещении, ранее служившем милиции спортивным залом. О временах олимпийской славы свидетельствовали баскетбольные щиты и остатки разметки игрового поля.

Старый вход, был наглухо заколочен. Попасть в цех можно было только из прогулочного дворика, объединяющего это помещение с ИВС. Для этого в стене вырезали дверь, через которую я и приводил на работу своих «питомцев».

При входе в цех находилась сколоченная из досок, типа наблюдательной вышки, кабинка для по-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ АЛЕКСАНДРЫ КАШАНСКОЙ

стового, из которой внутрь и вниз помещения вела шаткая лестница. Вдоль стен был смонтирован единый верстак с оборудованными через каждые полтора метра рабочими местами – увесистой металлической наковаленкой и накрепко прибитым брусом-упором. Окна были обтянуты сеткой-рабицей.

Всё подвозимое сырье, т. е. пиломатериал, гвозди и обожжённая проволока, подавалось через специальный люк, встроенный в одном из окон и закрывающийся на замок.

Через него же отгружалась и готовая продукция. Между прочим, привозили и увозили все перечисленное хозяйство мои друзья, вчерашние коллеги по транспортному цеху рыбозавода, которые и дали мне направление в милицию. Вот такой поворот событий.

Ты куда Золотую бабу спрятал?

С сотрудником приёмника-распределителя, старшиной Виктором Скобелиным, я

познакомился в первый же день. Он исполнял обязанности начальника ИВС вместо находящегося в отпуске Владимира Лугового. Чувствовалось, что этот веселый компанейский парень пользовался большим уважением в коллективе. Не знаю, каких приключенческих книг Виктор начитался, но тогда он был охвачен страстью кладоискательства – мечтал найти спрятанную на просторах ямальской тундры Золотую бабу. Каждого задержанного кочевника он надолго уводил в свой кабинет и, плотно прикрыв дверь, расспрашивал, что тому известно об этой священной реликвии.

Впервые оказавшись в цехе и увидев перед собой два десятка человек, яростно стучащих молотками, я не поверил своим глазам: – Боже праведный, откуда в нашем маленьком, провинциальном Салехарде взялось столько бомжей? Где их наловили?

– Всюду, – заулыбался Виктор Скобелин и, как закостеневший «мент», прокомментировал: – Чем больше их сидит здесь, тем спокойней чувствуют себя люди там...

Действительно, в этом направлении милиция работала хорошо. За всю свою службу в приёмнике-распределителе я не припомню периода, чтобы в нём содержалось менее пятнадцати человек. Больше этого количества – да, меньше – нет. В ИВС для содержания бомжей были отведены две камеры. Они располагались в самом конце длинного коридора, за решеткой, отделяющей их от остальных камер. Редкий день обходился, без того, чтобы наружные наряды не притащили новенького.

Кстати, летом основную часть «клиентуры» поставлял речпорт. Во всех нефтегазовых городах региона тогда действовала зона пропусков, и свободный въезд туда был запрещён. Поэтому весь поток рабсилы стекался либо по Оби до Салехарда, либо по Северной железной дороге до Лабытнанги. Там приезжие осматривались и примерялись к доступным вакансиям. Многие мужики ехали за «длинным рублём» в одиночку, оставив дома семьи. В дороге они знакомились со случайными попутчиками, беспорядочно пьянствовали, попадали в разные криминальные истории и переделки. Случалось, в дороге их били, обирали до нитки, остав-

ля лежать где-нибудь на лавке без денег и документов. В здании речного вокзала они находили временный кров, ночевали. Затем оседали у нас. Примерно в том же положении оказывались и многие коренные ямальцы – тундровики и жители национальных посёлков.

Денно и ночью дежуривший в помещении линейного пункта милиции старший сержант Евгений Третьяков обходил территорию речпорта, собирал со скамеек и теплотрасс безмятежно спящих бомжей, и штабелями грузил их в служебный автотранспорт.

Многие попадали к нам из медвытрезвителя. Утром у бедолаг с похмелья раскалывалась голова, они искали, где-бы опохмелиться, но сержант уже тащил их на работу в тарный цех. Но вместе с тем попадались и вполне благопристойные и добропорядочные граждане, жители Надыма или Нового Уренгоя, в силу каких-то причин потерявшие свои паспорта и попавшие в руки милиции.

Проще всего было коренным салехардцам. Проверить правдивость их показаний не представляло огромного труда, и зачастую бывало так, что, поступая утром, местный житель ставился на довольствие, завтракал, я выводил его на работу, проводил с ним вводный инструктаж, вручал ему молоток, а после обеда его уже выпускали на волю. Не обходилось и без курьёзов. Иногда случалось так, что человека с выправленными метриками отпускали на все четыре стороны, а он, бесцельно проболтавшись по городу и, не зная, куда себя девать, с первыми сумерками возвращался к воротам ИВС и слёзно просил дежурного, пустить его до утра переночевать в родной камере.

«Подумаешь, Гагарин. Я Сталина видел!»

Все задержанные были разного возраста – от совсем юных, до убелённых сединами старцев, с трудом передвигавшихся без посторонней помощи.

На перекурах мужики вспоминали яркие моменты жизни. Слушать их всегда было

очень интересно. Конечно, происхождением своим они не блистали, почти все были из низов общества. Многие хлебнули лиха, прошли, как говорится, и огонь, и воду, и медные трубы. Помню, как один рассказывал про строительство Беломорканала, другой – как возводил Байконур, третий – строил дачу для Сталина и лично видел вождя. Сейчас корю себя за то, что поленился записать их удивительные откровения. Сейчас такой сборник можно было бы издать в расчете на массового читателя...

Производством ящиков руководил замечательный человек, Иван Арсентьевич Кучерин. Он состоял в штате рыбозавода, а в тарном цехе ОкрОВД был чем-то вроде «военпреда», или, как стали говорить позже, работника «госприемки». Фронтовик, награжденный за ратные подвиги множеством наград, коммунист до мозга костей, он очень гордился своей работой и считал её подарком судьбы. Он имел колоритный вид – усы, очки со сломанными, заклеенными изолентой дужками. Носил длинный, покрытый полушубок и меховые сапоги. Не по годам был энергичен, и всегда и во всем здраво рассуждал. Он сам сидел во главе длинного стола и без усталости сколачивал ящики, подавая пример образцового труда всей братии. Он покрикивал на бродяг, когда считал, что те либо засиделись на перекуре, либо недостаточно активно машут молотками. Для цеха он установил ежедневную производственную норму в 120 ящиков, и, если их выходило меньше, сразу мрачнел.

– Да ты что, дед, белены объелся? – ворчали бичи. – Мы что тебе, заправские плотники?

Эту же особенность Ивана Арсентьевича заметили и сотрудники из дежурного наряда ИВС, куда время от времени он заходил, чтоб выпить стакан чая. Ребята в основном все были молодые, весёлые, большие любители подшутить.

– Арсентьевич, какая тебе разница, сколько наколотишь ты этих ящиков, сто или пятьдесят. Зарплата у тебя ведь от этого не изменится? – спрашивал его прекрасный человек и великолепный, надёжный товарищ, сержант милиции Антон Васильевич Шоля.

– Знаешь, что, Антон, – дед Кучерин сначала откашливался, а потом на полном серьёзе говорил. – Здесь я чувствую себя на переднем крае борьбы с мировым империализмом. Мне каждый сколоченный мной ящик представляется снарядом, который выстреливается нашей страной по мировому капитализму. Поэтому чем больше готовых ящиков, тем сильнее Советский Союз, тем ближе наша окончательная победа, победа социализма. И я горжусь, что причастен к этому!

Милицейские ребята смеялись, подливали ветерану еще чая, чтоб он подольше посидел с ними, и разговоры, мало-помалу, перетекали на другие темы. Одним из любимых увлечений деда была охота. Антон Шоля это прекрасно знал и однажды завёл разговор на эту тему.

– Вот ты, Арсентьевич, как заядлый охотник...

– Антон, ты не прав. – Дед даже слегка обиделся. – Я не заядлый охотник, я старый охотник. А это большая разница, ты согласен?

Антон с ним согласился и завёл новый разговор. Мы с дедом сошлись очень близко, и я гордился тем, что, вернувшись с весенней охоты, он позвал меня в гости, отведать свежеприготовленной утятини.

Кто не есть, тот бастует

Харчевались наши с дедом подопечные из общего с остальными арестованными котла. Что и говорить, обычной пайки им не хватало, ходили они полуголодными. Здоровым мужикам, тем более работающим, питаться надо более калорийно. И если арестованным родственники таскали объёмные передачи с провизией, то где могли взять приварок наши бродяги? И вот однажды в их коллективе назрела забастовка. Они побросали свои молотки и выдвинули требования, что без дополнительного пайка перестанут работать.

– Статус у нас не зековский, мы – почти вольные люди, тем более что сами зарабатываем себе деньги на жизнь, – заявил один из задержанных. – Мы ведь пашем на ры-

бозавод? Пашем! Пусть нам оттуда привозят какую-нибудь еду. Мы не просим чёрную икру или балыки. Нас устроят и фрикадельки в томате.

– Ребята правы, – признал дед Кучерин и посоветовал мне сходить к начальству, обсудить возникшую проблему.

Александр Михайлович Ушаков и сам думал примерно так же. Он немедленно связался с заместителем генерального директора «Ямалрыбы» Борисом Зиновьевичем Маршевым и наш вопрос в тот же день был решен положительно. На заводе регулярно проводилась дегустация консервации. Вот её и стали после проб отдавать в приёмник-распределитель. В основном это были фрикадельки и консервы из частика. Но наш контингент был доволен и этим. Согласие между сторонами было достигнуто, в цехе вновь дружно застучали молотки.

Ба, знакомые всё лица!

Показания бродяг при задержании проверяли два инспектора приёмника-распределителя. Это были молодые, очаровательные женщины – лейтенант милиции Лидия Яптунай (ныне, по мужу – Евай), и Людмила Гулина. Если кто-либо из них появлялся в тарном цехе во время работы, держа в руках проверочное дело, стук молотков моментально прекращался, все мужики поворачивали головы в их сторону и с нескрываемой надеждой взирали на девчонок. Приход Лиды и Люды значил только одно – кого-то будут отпустить на волю.

Девчата познакомили меня с правилами ведения дел, показывали, какие документы составляются, куда направляются.

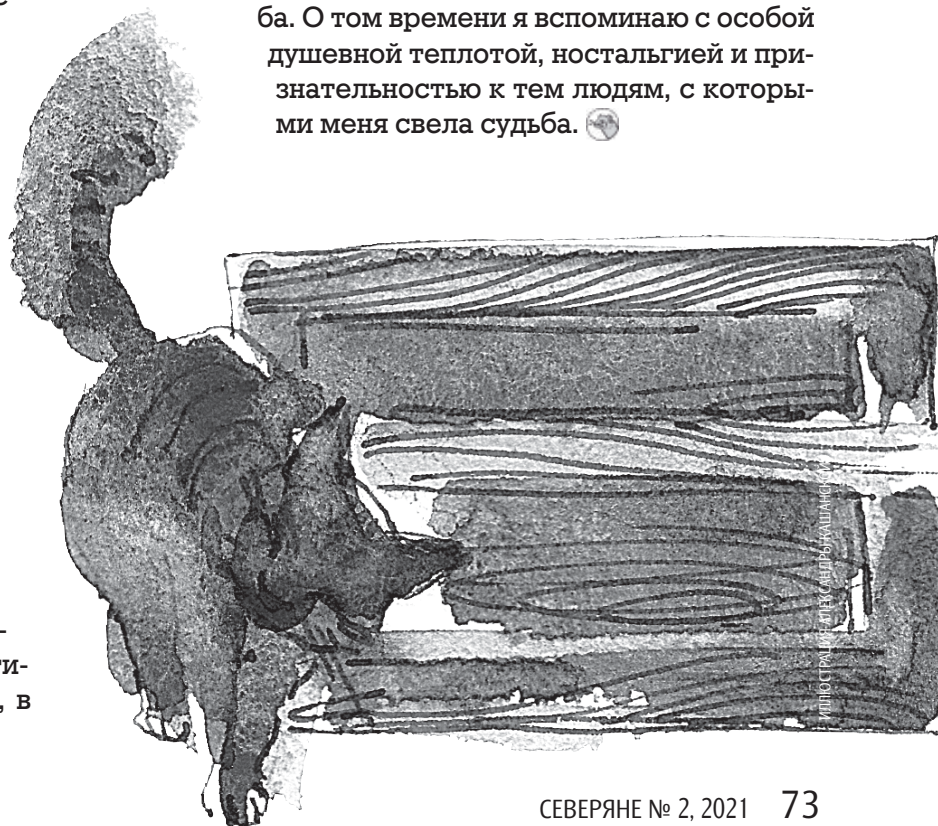
– Тебе это необходимо, – учила меня Лида Яптунай. – Если ты хочешь связать свою дальнейшую жизнь с милицией, постигай всё это на практике здесь, в ОкрОВД...

В том же 1982 году я поступил на учебу в Тюменский факультет Омской высшей школы милиции МВД СССР. Для меня началась другая жизнь, но о своем коллективе я не забывал никогда. А через пару лет моя прежняя работа самым неожиданным образом напомнила о себе.

Весной 1984 года на факультете проходила научная неделя. Я попал в группу, базирующуюся на кафедре административного права. В качестве дополнительной методической литературы нам представили несколько милицейских рефератов. Каково же было моё изумление, когда я развернул работу под названием «Практика борьбы с бродяжничеством и тунеядством с помощью труда в приёмнике-распределителе при ОВД Ямало-Ненецкого окрисполкома». В подборке фотографий, иллюстрирующих сей научный труд, я увидел и капитана Ушакова, и деда Кучерина, и даже самого себя. Фотограф запечатлел трудовые будни тарного цеха и погрузку ящиков в заводской грузовик.

Затем пришли новые времена. Статус приёмников-распределителей был изменён. Срок содержания бродяг сократили с месяца до десяти суток. Производство ящиков престало быть рентабельным, и его упразднили.

Так начиналась моя милицейская служба. О том времени я вспоминаю с особой душевной теплотой, ностальгией и признательностью к тем людям, с которыми меня свела судьба. 🐾

СТРОИЛ, ПЕЛ И ТАНЦЕВАЛ

Вадим ГРИЦЕНКО

г. Надым

Иван Марманов был в числе первых дорожных строителей в дикой ямальской тундре. В декабре 1987 года он с коллегами по «Надымдорстрою» выходил через Сеяху на Бованенково, крупнейшее газовое месторождение страны.

Иван Дмитриевич, живая легенда Надыма, попал на ямальский Север с этапом заключённых – строителей 501-й сталинской стройки. Уникальный случай: полученные за лагерной колочкой навыки помогли этому человеку стать

высококласным специалистом, главным инженером «Надымдорстрою».

Вспоминаю, как году эдак в 2005-м Иван Марманов позвал меня в гости. Он был в прекрасном расположении духа и много рассказывал про свою жизнь. А в редких

паузах, нарезая на кухне колбасу и хлеб, зычно запевал что-нибудь из классической оперетты. И, закончив очередной куплет, притворно-трагически восклицал: «Какой голос пропадает!» Встречи наши всегда проходили атмосферно.

– Как вы попали на Бованенково?

– Мы, то есть «Надымдорстрой», первыми вышли туда пробить зимник. Перед выходом я оставил начальству пакет с картой нашего маршрута, чтоб в случае чего вертолёт знал, где нас искать. Геофизики в Сеяхе дали отображённые на кальке профили: тамбейский, сабеттовский и байдарацкий. Я их совместил, выбрал водоразделы и сделал одну карту... Мы шли по истокам рек, где глубина помельче, каньоны глубже. Только в одном месте пересекли реку Тасуяха и прошли между озёрами Нейто и

Ямбуто – по знаменитому средневековому ямальскому волоку. Там ширина перешейка всего метров четыреста, поэтому двигались особенно осторожно.

– Какая техника у вас была?

– В колонне было девять тяжёлых бульдозеров, десять малых, три самоходных буровых станка БТ-60, четыре бензовоза. При этом каждый большой «слон» тащил по трое саней. Караван растянулся на два с половиной километра. Стоял декабрь, вокруг – полярная ночь. Наш переход – это историческое событие! Я о нём пишу-пишу и никак не закончу. Фотографий найти не могу.

– Что значит «слон»?

– Тяжёлый, большой бульдозер. Ещё шло тридцать самосвалов, шесть

экскаваторов. И мы тащили сразу двадцать девять вагончиков и рулон-«тысячник», резервуар такой, чтоб там развернуть. Ко всему этому сваи под вагончики везли на санях. Впереди шёл дозор: ГАЗ-71, три ГТТ. Имелись две вахты – Уралы, это опытные ребята из Уфы. Они до того в экспедиции Салманова работали. Те, кто за нами, двигались медленно, и когда я от них отрывался, то «разговаривал» с ними прожектором. Если поворачивал два раза влево-вправо, это означало, что меня нужно ждать, я встретил препятствие. Когда луч был прямой, значит, нужно следовать за мной. Если у них что-то случалось, они красную ракету пускали. В придачу взрывчатки с собой везли девять тонн, детонаторы.

Мы шли капитально. На санях три тонны угля, дрова напиленные. В одном вагончике были сделаны полки, как в «телятнике», каким когда-то зёков по этапу отправляли. Я подумал, если придётся туго, то лучше в тесноте, но в тепле. Над самым полом – 26 сантиметров – один ярус. Повыше – второй. Три таких вагончика. В одном стояла электростанция, «тридцатка» (на тридцать киловатт. – *Прим. авт.*). Как только мы становились, её заводили. В вагончике было тепло, когда дизель работал. Имелся и холодный склад, где продукты лежали: рыба, мороженые пельмени и хлеб в мешках.

– В дороге случалось что-нибудь интересное?

– Был один случай. Лётчики, увидев, как тянется караван, решили, что идут военные учения! Просто такого раньше не было, чтобы в тундре развернуть «тысячник» в рулоне. Сейчас головы ломают, проекты, плиты мостят. «Тысячник» же надо развернуть и заварить. Мы развернули его за десять дней. А перед этим десантом я два месяца – октябрь-ноябрь – вёл подготовку. У меня штаб был создан. Держал контакт с геологами, знал розу ветров. Хотелось пройти так, чтобы всё было нормально. По расчётам в пути должны были быть шесть дней в один конец. Но мы дошли за пять.

– То есть вы пересекли Ямал поперёк за пять дней?

– Да. Всего сорок пять километров не дошли до Байдарацкой губы. В тех местах Сеяха-Мутная впадает в Мордыяху, а та – в Байдарацкую губу. Я довёл колонну прямо в точку. Карьер номер один. Десант высадили, сопку расчистили, сваи установили.

– Это маршрут архангелогородцев в конце шестнадцатого – начале семнадцатого века.

– Там городище тысяча семьсот двадцатого года. Посёлок стоит подальше. И могилы. Две могилы – два креста. А третья исписанными камнями выложена. Могилы эти на правом берегу Мордыяхи. Берег там очень высокий. Это километров сорок девять от Бованенково. Позже на том месте фактория появилась. Мы стали думать, как от берега Карского моря до Бованенково сделать зимник. Расстояние такое: один раз я проехал, получилось сорок девять километров, второй раз – пятьдесят два. От нашей базы зимник должен был идти строго на северо-запад.

Помню, прилетел управлявший трестом Блинов и спросил, сколько мне нужно машин, чтобы вывезти плиту. Я говорю: «А где вы их возьмёте зимой? Летом мы дорогу не построим. Буровикам нужна плита. У них есть проект и смета. Давайте вымостим им базу этой плитой! А условие поставим такое, чтоб они плиты вывезли своим транспортом». Буровики прислали сорок машин и эту плиту махом вывезли. Дорогу отстроили. Мне за организацию работы министерство даже медаль выдало. Но самое большое дело, что мы сделали тогда, когда развернули «тысячник», – слили топливо в совхоз «Ямальский», отремонтировали там базу, обваловку укрепили.

– Раз дело было в декабре, то и Новый год там встречали?

– Да, новый, восемьдесят восьмой год я встретил в Бованенково. Людей к тридцать первому декабря практически всех вывезли. Остались Власов со своей женой-поварихой и два брата из Крыма – Иван и Федя,

Иван Марманов обладал нетривиальной внешностью: энергичная походка, борода, чёрный плащ и шляпа с большими полями, неизменный вещмешок за спиной. Он писал стихи и издал несколько книг, в том числе «Северные были» и «Страна деревянного солнца»

Иван Марманов:
«В конце апреля 1988-го ребят с Бованенково вывезли. Я остался один. До этого успели с Сашей Постновым поставить водомерные посты, потому что на осень были запроектированы три моста. Нужно было узнать, какой уровень воды будет самый большой. По одному году трудно судить, но мы решили, что потом полметра-метр набросим. Всё лето наблюдал за протокой и двумя реками».

которые топливо возили. Я заготовил подарки, ёлки привёз вертолётном. Коллеги мои в вагончике объединились, всё, что нужно для хорошего стола, приготовили. Не знали, что буду гостинцы раздавать. И торт огромный в коробке, его для меня в ресторане «65-я параллель» знакомая приготовила. Она была женой журналиста, который заинтересовался темой и сказал ей: «Сделай! Это будет первый торт на Бованенково!»

Перед старым Новым годом я открыл новый карьер и по радиации согласовал, что наказывать меня не будут, если скальпирую эту сопку. Она находилась примерно в восьми километрах от нас. Днём пошёл туда на лыжах, поставил ёлку. Вечером, когда уходил с базы, ребята отпускать не хотели: «Куда ты, Иван Дмитриевич? Смотри, какой стол накрыли!» Ответил, что капканы поставил на песцов, надо проверить, и к часу вернусь. Выложил подарки. Добрался до сопки с ящиком на лямках за спиной. Достал из него сало, строганину, соль с перцем и термос со стаканчиком. Что-то хорошее сказал сам себе, поблагодарил Господа Бога за то, что дожил до этих времён. Представил родной Крымский полуостров и полуостров Ямал. Подумал: была бы мама жива, так бы крикнул, что она услышала бы, куда я забрёл. Вот за это и выпил чая. И так мне стало хорошо! К товарищам вернулся, когда они уже песни пели.

Позже на базе мы сделали пекарню. Шестьдесят пять булок в день выпекали. За нашим хлебом буровики и геологи приезжали. Когда заказы начали поступать, по сто семьдесят булок готовили.

– Сколько времени вы провели на Бованенково?

– Я ушёл в девяносто втором, когда мы строили салехардский аэропорт. Капитальный уже. Зимой я, как правило, бывал на Бованенково, а летом – на взлётной полосе. На Ямале мы находились до девяносто пятого года. Провели там семь лет. Время пролетело как один год. Потом Бованенково законсервировали.

Был ещё интересный момент, связанный с этим местом. Сотрудники Омского

мединститута хотели изучить психику человека, который живёт в одиночестве. Выбрали для этого меня. «Ты, мол, уединение любишь. Ходят слухи, что в оленеводческих стадах проводишь отпуск. Что ты чувствуешь, когда там находишься?» Я им говорю: «Дневники поднимать не хочу, но с мая восемьдесят восьмого года по октябрь буду один в тундре, на Бованенково, от посёлка очень далеко». Они за это дело уцепились, посмотрели карту, заключили со мной договор. Я должен был всё записывать: свои мысли, какую музыку хочу послушать, будет ли мне что-то видаться-казаться, какая погода утром и вечером. Дали мне много карандашей и тетрадей – всё под номерами. Ещё вручили карту с маршрутом. Я сделал три палаточки: одну брезентовую, две из дорнита. Ходил и записывал, сколько в день прошёл. Иногда по двадцать километров получалось. Иной раз казалось, что и правда какие-то звуки слышны. Вертолёт летит, думаю? Нет! А какие-то звуки... Бывало, приходил на берег, ложился и слышал хлопки или тихую-тихую речь ненцев. Всё это я записывал.

Питался хорошо, но по часам. Приучил себя есть вовремя и не повторял пищу. Даже поправился там. Продуктов у меня было навалом – полный мерзлотный холодильник. В нём сливочное масло брусками по тридцать килограммов, щокур и муксун висели на крючках. В холодном вагончике хранились мука, крупа, бочка растительного масла и спички. Только электроэнергия не было. Но для печного отопления уголь и дрова имелись. А ещё со мной было семь собак. По вечерам им большую кастрюлю еды варил. Стукну железкой по кастрюле – они все рядом. И лидер у них сразу определился, как на зоне: кто у котла, а кто – подалее. Вот с ними я «планёрки» и проводил. «Ребятки мои! – говорю. – Сегодня красноловики пошли. Идите, нюхайте гриб». Кто подойдёт, получает кусочек сахара. После такой «планёрки» беру бидончик и иду. Юзик, самый коварный пёс, знал, где морошка. Вёл меня не на сопки, а в низинки. Любил он утиные яйца пошакалить. Всегда говорил ему: «А ну, покажи морду! Опять утиные яйца ел?» Пока-

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА | ИСТОРИЯ, ЛИЧНОСТИ, СУДЬБЫ

зываю яичную скорлупу. Пёс смотрит и как будто спрашивает: «Откуда знаешь?»

Но самое главное – настроение. Не было ни одного дня, чтобы я чего-нибудь не напелал.

– Ещё и танцевали, наверное?

– У меня была специальная площадка для танцев. Так лезгинку плясал и по ведру барабанил, что вокруг всё вытоптано было. Позже показывал это место доктору

медицинских наук, который прилетал туда.

Ещё за водой наблюдал, на лодке любил кататься. Вот так и прошёл мой летний сезон на Бованенково в восемьдесят восьмом году.

Р.С. В сентябре 2020 года Иван Дмитриевич умер. С ним ушёл громадный массив информации по истории 501-й стройки, многие сюжеты развития строительного комплекса на Севере. 🌐

По воспоминаниям Ивана Марманова, караван из машин растянулся на два с половиной километра. Даже в наше время такое не встретишь

Сейчас Бованенковское месторождение – крупнейшее на полуострове Ямал по разведанным запасам газа

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА, СПАСИБО ЗА «СЕВЕРЯН»!

Алексей СНЕГИРЁВ,
председатель Союза журналистов Ямала

Каждое из трёх событий, отмечавшихся в феврале в Окружном центре национальных культур, – повод для отдельного большого торжества и отдельного большого разговора. Но они практически совпали по времени, а в наши и без того суетные времена плотных графиков, да ещё отягощённые ковидными ограничениями, решили, как говорится, совместить...

Поэтому говорили обо всём сразу: о дне рождения – 22года! – уникального журнала «Северяне», о юбилее его основательницы и редактора Ольги Григорьевны Лобызовой и, наконец, о передаче ею журнала новой команде во главе с Андреем Баландиным.

Гости – друзья, авторы и читатели журнала, поэты, художники, общественники, депутаты и чиновники сказали множество добрых слов. И многие сошлись на том, что трудно поверить в происходящее, ибо до сих пор, когда мы говорили «Северяне» – подразумевали Лобызову. Когда говорили «Лобызова» – невозможно было не вспомнить о «Северянах».

Тем не менее этот день настал, и Ольга Григорьевна, вручив флаг журнала Андрею Вячеславовичу, передала своё детище в новые руки.

Ольга Григорьевна для поколения нынешних 40–50 летних смишников – Баландина, Пшенцовой, Мохновой, Милениной, Сытник, Ярмаметова – последний из могикан. Её ровесники и соратники – Волошин, Горчаков, Самовская, Кукевич, Ергунова, Тациева. Как я сказал, выйдя к микрофону, это, на самом деле, очень грустный момент. Уходят «взрослые», и этими взрослыми становимся мы. Без оглядки, без подстраховки, порой без совета. Нам остаётся перечислить их свершения, их заслуги, с благодарностью и волнением принять вручаемый флаг и нести его, как сумеем. Не уронить, не запятнать.

Андрей Баландин и его команда попробуют сделать журнал немножко другим – и это неизбежно. Я надеюсь, что читатели журнала (многие из которых его авторы) примут это новое, надеюсь, что оно им понравится. Неизбежно будет звучать: а вот при Лобызовой... Но найдутся и те, кто найдя новые темы, новых авторов и новые рубрики, кивнёт и скажет: неплохо! Журнал – тот же, те же северяне, – родные понятные. Стремящиеся завязать разговор не о суетном, а о важном. Сохраняющие память о себе, о своих родственниках, о своей малой суровой Родине.

Ольга Григорьевна была и остаётся мамой журнала, Ольга Григорьевна, уверен, будет внимательно следить, как живёт журнал, какие темы и авторов предлагает читателям. И конечно, её мнение, её голос всегда будет услышан в редакции.

ИЗ АРХИВА «КС»

«Как не побывать в глубинке при каждом выдавшемся случае, при попутной okazji, ведь коренные северяне, ненцы, ханты, коми и селькупы – наши самые внимательные читатели и авторы дотошные», – говорит Ольга Лобызова

За годы существования журнал «Северяне» завоевал множество наград, в том числе «Золотой гонг» и «Патриот России». Сама Ольга Григорьевна считает, что награды – это не закономерный итог того или иного этапа деятельности. «Скорее, это щедрый аванс, серьёзная поддержка авторитетных коллег, входящих в жюри и пристрастно оценивающих тот срез повседневной работы, который редакция считает возможным представить на конкурсы», – отмечает она.

МАРИНА ЛОНГОРТОВА

С художницей и мастером национального хантыйского декоративно-прикладного творчества Надеждой Галигиной. Фотосессия к 20-летию журнала. На улице –40 градусов.

7 главных свершений:

1. В 1996 – 2012 г.г. занималась созданием и развитием Союза журналистов Ямала, будучи ответственным секретарём его, а позже – председателем. Готовила текст Устава СЖЯ, инициировала создание первичек во всех муниципальных образованиях ЯНАО (к 2012 году в 12 первичных организациях СЖЯ состояло 320 журналистов), организовывала и проводила творческие конкурсы. С 2001 по 2012 годы это осуществлялось исключительно на общественных началах без каких-либо административных и финансовых ресурсов.

2. В 1997 году инициировала учреждение профессионального праздника «День работников СМИ ЯНАО». Занималась подготовкой и разработкой исторической справки и основных документов (решение окружной журналистской конференции и правления СЖ Ямала, ходатайства из редакций с мест и письма секретарей СЖ России, знаковых медийных фигур в поддержку ямальских журналистов). Провела целый ряд личных встреч и консультаций с депутатами, выступала на заседаниях комитетов и заседаниях ГД ЯНАО.

3. Создала уникальный авторский проект «Народный журнал «Северяне». Журнал два года создавался на общественных началах – примера подобного не было и нет! – и только в декабре 2000 года был зарегистрирован как СМИ и приобрёл статус регионального издания. За создание народной концепции журнала и её реализацию получен Диплом

СЖР «За разработку издания нового типа» (и ещё более 60 наград разного уровня!).

4. В 2000 году возглавила творческий коллектив, разрабатывавший и запускавший пилотный проект общественно-политической газеты Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа «Приуралье» и более полугодом, пока формировался основной состав редакции, выпускала эту газету параллельно со своей основной работой в «Северянах». В ноябре 2015 года газета «Приуралье» отметила своё 15-летие.

5. Разработана концепция и собран материал уникальной выставки к 85-летию СМИ Ямала. Расширенный вариант выставки к 20-летию журнала – «Северяне. 20 лет вместе»; она экспонировалась в МВК им. Шемановского в феврале 2019 года и так же имеет формат передвижной. В центре её – герои, друзья «Северян» и авторы публикаций, обложек и рисунков, цитаты и портреты. В ней раскрыты не только яркие личности ямальцев, но и в их афористичных высказываниях запечатлена новейшая история округа, его своеобразие и неповторимость.

6. Автор идеи проведения в ЯНАО международного форума журналистики стран Арктического кольца, состоявшегося 9–11 декабря 2018 года, – Международного циркумполярного конгресса средств массовой информации «Арктический Медиа Мир («Arctic Media World»).

7. Вся жизнь – только в журналистике, 40 лет – штатно, из них 32 года в ЖУРНАЛИСТИКЕ ЯМАЛА! 🌐

Впервые в тундре. 1985 год

ПУТЕШЕСТВИЕ

АНДРЕЙ ДРОБИНИН

ПО СЛЕДАМ НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА

«Живите в бетонных тюрьмах,
Рубите для них деревья,
Скопите побольше денег
На длинную, сытую старость –
Всё равно на вас найдётся пуля».

Александр Непомнящий

Андрей ДРОБИНИН

г. Салехард

Знойным июльским днём 1961 года в мрачноватом доме, расположенном посреди голых холмов глухomanного американского штата Айдахо, полуслепой седобородый старик с обожжённым лицом, с трудом двигая больными руками, взял охотничье ружьё и выпил стаканчик кубинского рома...

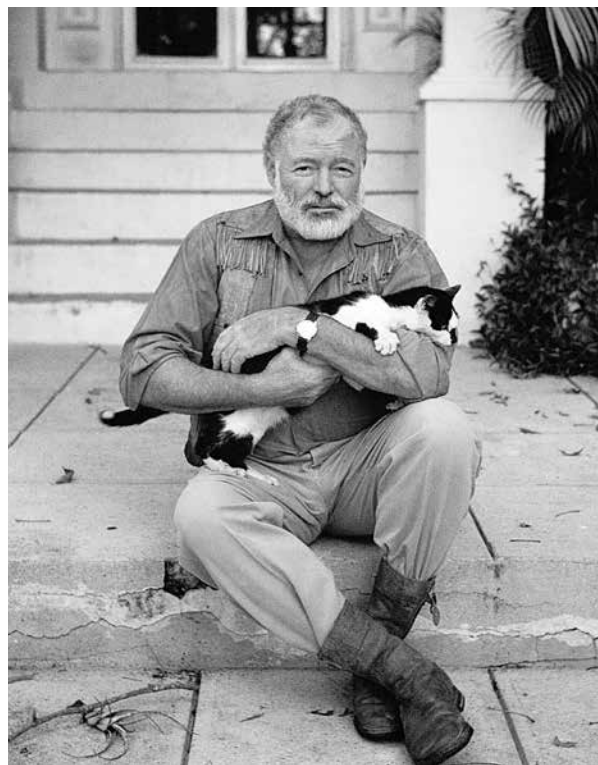
Он не оставил никакой предсмертной записки. Его тело на следующее утро обнаружила жена, Мэри Уэлш.

Так бесславно закончил свою жизнь один из самых знаменитых и по-настоящему великих писателей XX века, лауреат Нобелевской премии, легендарный Эрнест Хемингуэй.

Писать о всемирно известной личности большая ответственность, поскольку к такой публикации обязательно будет пристальное внимание журналистской и литературной общественности, обычно сопровождающееся критическими замечаниями в адрес автора. Мой очерк не литературное или биографическое исследование. Это личный интерес автора к одному из самых интересных, но сегодня уже подзабытых писателей прошлого века. Это желание узнать о взаимоотношениях Хемингуэя и бесконечно любимой им Кубы, попытка отыскать там следы писателя, и понять, что он значит для сегодняшнего острова Свободы.

***

Папаша Хэм – так он называл себя сам. Так называли его друзья и современники. В этом нет никакого панибратства и фамильярности, а лишь уважение к традициям и личности. И я, следуя им, позво-

Эрнест Хемингуэй любил не только литературу и женщин. Ещё он очень любил кошек. К 1945 году у него дома обитало 23 пушистых питомца. С годами их становилось всё больше. Самым любимым был шестипалый кот Снежок, которого ему подарил знакомый капитан корабля

лю себе такое же обращение к великому писателю.

Власти США скрывали причину смерти Хемингуэя целых пять лет, до 1966 года. Ну как же, такой пассаж! Выдающийся писатель современности своим последним поступком поставил под сомнение демократические ценности самой продвинутой сверхдержавы планеты! Но что поделаешь? Не любил и презирал Папаша Хем свою родину. Сердце его разрывалось от любви к двум местам – Кении и Кубе. Там он был счастлив, влюблён и любим. Он прожил яркую, насыщенную приключениями жизнь. Он был великолепным охотником на львов, рыб и женщин. Когда не писал, то путешествовал, катался на лыжах с гор Австрии, посещал корриду с её предсмертным ревом быков, находил себе применение в военных действиях в какой-нибудь далекой стране, несколько раз он попадал в аварии и даже выжил в двух авиакатастрофах. Помимо неоспоримого вклада в литературу, Хемингуэй участвовал в трёх войнах, выслеживал немецкие подводные лодки, дрался, выпивал, был четырёхжды женат. Историческое значение трагической кончины писателя подобно тому, как если бы вдруг обвалился один из краеугольных камней в мировоззрении поколения того времени.

***

Незадолго до смерти Хемингуэя посетили журналисты, которые, увидев на стене его кабинета флаг Кубы, спросили, что он думает о враждебности США по отношению к этой революционной стране. Хемингуэй ответил, что 20 лет прожил на Кубе, и потому считает себя кубинцем и очень жалеет, что во время революции его не было на острове. С этими словами он подошёл к национальному флагу Кубы и поцеловал его. Но с Кастро смог встретиться лишь однажды, когда тот по его приглашению приезжал вручить кубок победителю соревнований по рыбной ловле.

Не знаю, какова бы была его реакция, если бы кипучему, жизнерадостному Папаше Хему, эксцентричному искателю приключений, отважному разведчику, пред-

сказали, что в будущем он станет одним из главных туристических брендов Кубы, её рекламным щитом. Может быть, он проткнул бы такого предсказателя африканским копьем, висевшим у него на стене. А может быть, обошёл бы все бары Гаваны, хвастаясь знакомым столь необычным достижением.

К великому сожалению, именно они, бары и рестораны составляют на Кубе основную часть туристического маршрута «по Хемингуэевским местам». Там, где когда-то Папаша Хем отдыхал, буянил и приставал к женщинам, теперь чинно ходят туристы и с благоговением слушают сказки гидов и во все глаза смотрят: вот это стол – под него Хемингуэй свалился как-то вечером, а вот это барная стойка – за ней Папаша Хэм познакомился с прекрасной мулаткой.

Один из самых знаменитых в Гаване и наверное самый излюбленный ресторан Хемингуэя – El Floridita. Стильное и респектабельное заведение с традициями. Там есть своя атмосфера: тяжёлые старинные стойки чёрного дерева, солидная мебель, чёрно-белые, пожелтевшие от возраста фотографии и дипломы в багетных рамках, пожилые официанты с явно многолетним стажем работы, запах кофе и ванили.

***

Слева, в углу бара, опершись о стойку, стоит, блестя зальсынами, бронзовый Хемингуэй, с очевидной иронией глядя на посетителей. Сделал заказ себе и ему тоже. Бармен понимающе улыбнулся: «Вы угадали, сеньор. Он хочет, но ему тут никто ничего не заказывает. Да он теперь уже и не пьёт». Бармен поставил перед Хемом блюдечко с банановыми чипсами, а передо мной – заказанный коктейль.

Что там говорить, любил великий Хэм выпить. Пил запойно. А потом лечился от алкоголизма, который, в конечном счёте, и свёл его в могилу. Вот такой невесёлый конец.

Обходить все заведения, отмеченные посещением Хемингуэя, в мои планы не входило, поскольку, как человека, пытающегося писать, меня больше интересовала творческая «мастерская» великого

ИЗ АРХИВА АНДРЕЯ ПРОБИНИНА

«Я протиснулся ближе к нему, самому постоянному из всех постоянных посетителей бара, попросив двух итальянок уступить мне место около Папаша Хэма»

писателя. В 30-х годах прошлого века он бывал на Кубе лишь наездами, останавливаясь, как правило, в гаванском отеле *Ambos Mundos*. Отель и сегодня принимает гостей, сохраняя свой старомодный шарм осколка дореволюционной Кубы солидный пятиэтажный дом, с мраморными лестницами, неторопливым лифтом и баром на крыше, откуда открывается шикарная панорама старой Гаваны. В угловом номере 511, где писатель жил с 1932 по 1939 год, теперь музей. Обстановка этого холостяцкого пристанища довольно аскетична. В комнате L-образной формы одну часть занимает большая деревянная кровать; в другой части – подобие кабинета: письменный стол со стулом. На самом деле Хемингуэй не писал за этим столом: он любил работать стоя, а пишущую машинку водружал обычно на высокий подоконник. Теперь она в качестве одного из экспонатов помещена под стекло. Прочие свидетельства богатой творческой жизни писателя – копии его рукописных за-

меток и журнальные публикации. В одной из них, к примеру, можно прочесть описание рассвета над Гаваной: по ощущению Хемингуэя, в лучах живительного кубинского солнца «ты просыпаешься свежим, где бы ни провёл до этого ночь».

***

У Эрнеста Хемингуэя в советские времена была репутация прогрессивного писателя, так что читать его разрешали. Когда пришла оттепель, в лаконичном и суровом стиле Хемингуэя для шестидесятников, измученных выпревшим советским «штилем», воплотилась столь желанная правда. Портрет бородатого «Папы Хэма» в грубом свитере превратился в икону. Романтичные шестидесятники обрели в Хемингуэе, который всё-таки не свирепый реалист, а романтик кумира, властителя дум. А для меня Хемингуэй по ощущениям – чёрно-белое кино павильонной съёмки под низким потолком. В принципе – ринг.

Хемингуэй прошёл хорошую школу профессиональной журналистики, несколько лет проработав репортёром в одной из американских газет. Там он познал несколько незыблемых правил, которым следовал всю жизнь: «Пиши короткими предложениями. Первый абзац должен быть кратким. Язык должен быть сильным. Утверждай, а не отрицай. Избегай обветшалых жаргонных словечек. Избегай прилагательных, особенно таких пышных, как потрясающий, великолепный, грандиозный, величественный и т. п.». Когда его, уже всемирно известного, спросили, что необходимо для достижения успеха в литературе, Хемингуэй ответил: «По-настоящему серьёзное отношение к писательскому делу – одно из двух неизменных условий. Второе, к сожалению, – талант».

В 1939 году Хемингуэй, наконец, уступил требованиям своей третьей жены Марты, которой надоело скитаться по гостиницам, и, потратив часть Нобелевской премии, полученной к тому времени, купил дом на окраине Гаваны. Сам-то он во все не хотел удаляться слишком далеко от любимых баров.

La Bodegita del Media – одно из любимых гаванских заведений Хемингуэя

Там теперь дом-музей Хемингуэя. Мария, последняя жена Папаши Хема, подарила виллу народу Кубы, за что ей позволили вывезти оттуда некоторые личные вещи и бумаги.

Вилла «Финка Вихия» находится в 30 минутах езды от центра Гаваны, на её юго-восточной окраине Сан Франсиско де Паула. Это совсем недалеко от рыбацкой деревушки Кохимар, где жил тот самый знаменитый Старик, с которым Хемингуэй рыбачил. Но Старик умер, а любимая скоростная яхта Папаши Хэма, названная им по имени одной из его женщин – «Пилар», теперь стоит на приколе, на заднем дворе дома в Сан-Франсиско де Паула, высыхаясь под тропическим солнцем. А ведь ещё недавно женственные обводы «Пилар» вспенивали лазурные воды Атлантики и громадные трепещущие тела синих марлинов, вырванных из океанских глубин удачливым Папашей Хэмом, бились о её влажную палубу. Сорокафутовая моторная яхта «Пилар», построенная по заказу Хемингуэя еще в 1934 году, впервые вышла в море для выполнения боевого задания. Кроме владельца, на её борту было ещё пять человек. В специальных ячейках были аккуратно разложены гранаты, толовые шашки,кумулятивные заряды, пачки патронов. Специальные крепления удерживали в готовности «базуки», «томпсоны», крупнокалиберные револьверы... Я всматривался

в высохшее тело «Пилар» и воображение рисовало мокрые следы ног Хемингуэя на тёплом настиле палубы, маслянистые полосы ружейной смазки, отблески рыбьей чешуи на планшире. Он стоял вот здесь, в рубке, положив большие ладони на штурвальное колесо, выскивая среди волн пенный след от перископа немецкой подводной лодки.

Глядя на «Пилар» я подумал, сколько же рыбы выловил Папаша Хэм за всё время? Интересно, куда он её девал? Съедал?

– Oye, el muchacho, pregúntame – puede responderé? ¹ – вдруг окликнул меня хранитель яхты.

– Él quería comer el pez? ² – поинтересовался я.

– Quien? El pará? ³

– Aa. Si, – энергично закивал я в ответ.

– Él daba el pez a los amigos. – Старик помолчал, потом ухмыльнулся. – Te voy a preparar su plato querido. ⁴

Он достал из сумки хлеб и, лихо махнув мачете, отхватил от него горбушку. Вынул большую луковицу, располовинил, мелко порубил меньшую часть её и выложил на хлеб. Затем откупорил бутылку раститель-

¹ Эй, парень, спроси меня. Может, отвечу?

² Он любил есть рыбу?

³ Кто? Папаша?

⁴ Он отдавал рыбу друзьям. Я сейчас приготовлю тебе его любимое блюдо.

ного масла и щедро полил получившийся лукбургер. Спыхватившись, старик откуда-то извлёк банку крупной соли и сыпанул поверх бутерброда.

– Aquí. Prueba. Él lo quería lo más posible,⁵ – старик протянул сэндвич мне.

– El pan con el aceite vegetal?⁶

– Y con la cebolla!⁷ – торжественно провозгласил он.

– Aa. Y con la sal!⁸

– Y con la sal, – согласился дед.

Вообще-то такие бутерброды не из мирной жизни, их делают из того, что осталось, когда есть нечего. Скорее всего, Хэм пристрастился к такой пище ещё в те времена, когда партизанил в Испании.

***

Я долго бродил по усадьбе, по тем самым дорожкам, где ходил Хемингуэй, где он искал вдохновения. Просторный одноэтажный дом утопает в тропической зелени. Он не такой уж и большой. Гостиная, библиотека, спальня, кабинет, ванна, на стене которой Хэм каждый день отмечал свой рост и вес. На улице обветшалый гостевой домик, беседка. Аллеи, заросшие лианами и экзотическими деревьями, высохший, засыпанный листьями бассейн, домик для прислуги, кладбище домашних животных ... В дом Хэма не пускают, но там открыты все окна и двери, так что ты практически находишься внутри. Впрочем, этого достаточно, ощущение присутствия полное – можно заглянуть в дверь и дотронуться до умывальника, можно перегнуться через низкий подоконник спальни и коснуться письменного стола, на котором по прежнему, как при хозяине, лежат его трубки, стоит пишущая машинка, пустые бутылки из-под кубинского рома и вермута... Здесь, в спальне, он и работал. Он печатал на пишущей машинке стоя и босиком. Или поднимался наверх, на башню, где стоит телескоп и открывается изумительный вид на море.

⁵ Вот. Попробуй. Он любил это больше всего.

⁶ Хлеб с маслом?

⁷ И с луком!

⁸ И с солью!

Повсюду в доме развешаны охотничьи трофеи из Африки и плакаты с изображением боя быков. На стеллажах под потолок громоздятся газеты и книги. Кажется, что хозяин вышел на минутку и сейчас вернется. Даже его ботинки 48-го размера выставлены для проветривания перед дверью. В испанской столовой всегда накрывали на три персоны: для писателя, его жены и возможного гостя. Звук тяжелого металлического колокола в усадьбе возвещал на всю округу о прибытии гостя. Этот знаменитый колокол и сейчас висит над крыльцом перед входной дверью.

«Не спрашивай, по ком звонит колокол, – может быть, он звонит по тебе...» Хотел позвонить, да вспомнил эти слова Хемингуэя, и рука не поднялась – стало как-то не по себе: позвоню, а вдруг он выйдет. Сам. «Эх, – скажет. – Шлемазл, беа ме мучо!»

***

На Кубе у Хемингуэя случился творческий кризис. На вопросы любопытствующих он отвечал, что его способность писать пошла на убыль из-за ранений. Так это или нет – кто знает, но ранений у Папаши Хэма было действительно столько, что впору включать его в Книгу рекордов Гиннеса. Только от Первой мировой войны он получил более двухсот осколков и коленную чашечку из железа. Он пережил три автокатастрофы, побывал в двух авиакрушениях, сжег лицо во время пожара, повредил позвоночник, печень и почки. Его мучили сильные головные боли, высокое давление и частичная потеря зрения. Однако, несмотря на развивающуюся слепоту, он читал сразу по пять-шесть книг.

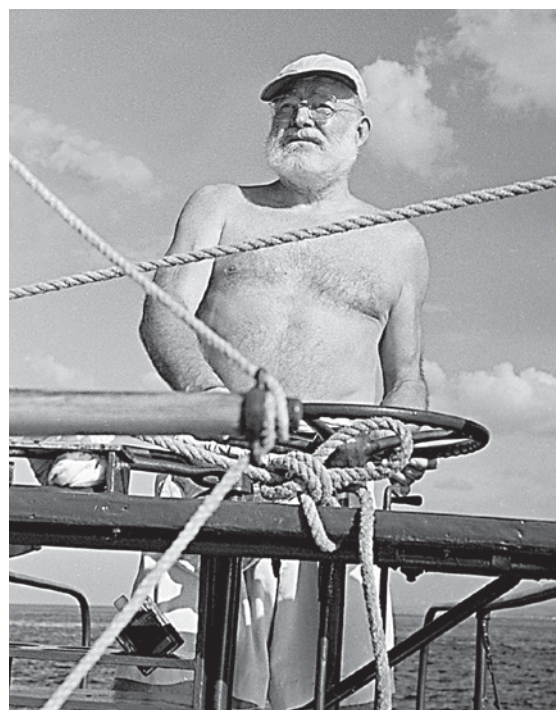
Конец писательской карьеры Хемингуэя был грустным. После отъезда в США (в июле 1960 года) здоровье Хемингуэя стало ухудшаться. Он видел слова на бумаге первые десять минут, после чего начинал слепнуть. У него появилась мания преследования. Ему казалось, что за ним следят агенты ФБР. Когда лауреата Нобелевской премии по литературе попросили подписать книгу для президента Кеннеди, он работал весь день, но так и не смог написать ни строчки.

АНДРЕЙ ДРОБЫНИН

Судно построили в течение месяца и по железной дороге доставили в Майами. Там счастливый владелец разбил бутылку шампанского о борт и спустил его на воду, дав название «Пилар». Писатель обожал выходить на ней в море ловить марлинов

«Старик» и его море

Букинистические развалы в Гаване по-прежнему полны книг Хемингуэя. Среди книг по музыке, истории, географии, литературе, трудов Ленина и Маркса, его произведения – на самых видных местах. Ко всему, что связано с этим писателем, на Кубе относятся особо трепетно. Знаменитая, но далеко не самая удачная, повесть «Старик и Море» по-прежнему входит в школьную хрестоматию Кубы. Но сегодняшние туристы предпочитают покупать не книги, а сувенирную продукцию с изображением Папаша Хэма – на футболках, кружках, тарелках, пепельницах...

В США, где он похоронен, нет ни одного памятника нобелевскому лауреату, а дом в Айдахо, в котором он закончил свой путь, родственники писателя продали, не желая нести расходы на его содержание. А на Кубе его помнят. Жители квартала Сан-Франсиско-де-Паула (там, где он жил), безмерно любившие и уважавшие талантливого американца, поставили ему памятник, из-за недостатка денег пустив в переплавку якоря и цепи. Теперь бюст

Хемингуэя стоит в самом центре посёлка, недалеко от моря. И ветер Атлантики, наполненный свежестью Гольфстрима и жарким дыханием африканской саванны, врываясь в бухту Сан-Лисаро, пронесётся сквозь посёлок, пробуждая в старом металле памятника воспоминания о тех днях, когда он гремел цепями в ключах кораблей и лапами якорей вгрызался в океанское дно. Так когда-то гремела слава Хемингуэя, и так он когда-то вгрызался в жизнь. 🌐

АНДРЕЙ ДРОБИНИН

АНДРЕЙ ДРОБИНИН

Во время написания своих произведений Хемингуэй чаще всего ел арахисовое масло и бутерброды с луком. Он любил вкусно поесть и умел готовить

АНДРЕЙ ДРОБИНИН

Хемингуэй обожал Кубу, кубинцев. Когда он узнал, что стал лауреатом Нобелевской премии, то заявил на пресс-конференции: «Я глубоко удовлетворён, что присуждение мне премии состоялось благодаря произведению, написанному на кубинскую тему. Я чувствую себя кубинцем. Здесь, на Кубе, я легко работаю»

АНДРЕЙ ДРОБИНИН

АНДРЕЙ ДРОБИНИН

В отеле Ambos Mundos Хемингуэй останавливался в 30-х годах. В угловом номере 511, где он жил, теперь музей

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ НАДЕЖДЫ ТАЛИГИНОЙ К КНИГЕ «ПЕСНЯ ТЕГИНСКОГО СТАРЦА»

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ИЩУТ МАССОВОГО ЧИТАТЕЛЯ

Алексей СНЕГИРЁВ,

председатель Союза журналистов Ямала, секретарь РИК ЯНАО

Андрей БАЛАНДИН,

главный редактор журнала «Северяне»

Ежегодно в России издаётся 110–120 тысяч наименований книг. По этому показателю наша страна в пятёрке мировых лидеров. Ямал вносит свою посильную лепту – красочные фотоальбомы и малотиражные сборники местных авторов торят свой путь на книжный рынок. Увы, многие из них тонут в многотонной массе отечественных и переводных бестселлеров, энциклопедий, поваренных книг. Можно ли помочь им найти своего читателя? Конечно, можно!

На протяжении многих лет в нашем округе действует редакционно-издательская комиссия. Она отбирает лучшие литературные произведения ямальских авторов и издаёт за счёт бюджета до десяти книг в год. Эти повести, сборники стихов и рассказов, не продаются в магазинах, они распространяются через библиотечную сеть, попадают в школы, колледжи; часть

тиража получают авторы. В итоге книги не доходят до основной массы потенциальных читателей, ведь они недостаточно хорошо информированы об издательской деятельности на Ямале.

И вот теперь, как нам кажется, мы нашли способ увеличить аудиторию лучших произведений ямальских поэтов и писателей.

Во-первых, все книги, выходящие в свет в рамках работы редакционно-издательской комиссии, будут размещаться в специальном разделе сайта www.красныйсевер.рф. Во-вторых, мы решили публиковать на страницах народного журнала «Северяне» обзоры наиболее интересных произведений местных авторов. За помощью обратились к Юрию Андреевичу Кукевичу – мэтру ямальской журналистики, писателю, поэту, общественнику. Предлагаем вашему вниманию его первый книжный обзор. 🌐

ТРИ КНИГИ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ УДИВИТЬ МИР

Юрий КУКЕВИЧ

г. Салехард

Макеты книг не пахнут типографской краской, но в целом передают облик будущего издания. Три таких томика попали на несколько дней в моё распоряжение: сказка Андрея Мартынова «Ётхи», героический хантыйский эпос «Песня Тегинского старца» в переводе Геннадия Кельчина и повесть Александра Белова «Волчья кровь».

Разные по жанру, рассказывающие о разных временах, эти три книги объединяет то, что их герои отправляются в путь. Для одних — это дорога в ад, а для других – путь спасения и обретения счастья.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЮЛИИ ХРУЩЕВОЙ К СКАЗКЕ «ЁТХИ»

Ётхи

Эта сказка о детях и для детей невелика по объёму, поучительна и интересна по содержанию. В ней много моментов, достойных подражания. Она учит познавать окружающий мир, рассказывает о том, как человек должен относиться к животному и растительному миру.

Андрей Мартынов, автор книги, большой писатель, серьёзный прозаик. Его талант

мужал на земле Ямала в молодом городе Надьме, отсюда и такое глубокое погружение в материал, и знание жизни коренных народов. Сама книга будет издана необычно. Впервые, она написана на русском и ненецком языках, для самых маленьких предусмотрена возможность раскраски рисунков. Впервые на моей памяти русский писатель сотворил волшебную сказку для маленьких северян.

Не берусь судить, насколько рассказанная история соответствует реальному появлению ненцев на Крайнем Севере, но автору веришь, веришь переживаниям героев, погружаешься в тонко прописанные детали повествования.

Сюжет обращает нас чуть ли не ко временам Великого потопы, когда ненцы, по версии автора, жили гораздо южнее – в стране высоких гор, больших деревьев, мягких зим и не знали оленей. Где находилась эта страна – можно только гадать, могу лишь осторожно предположить, что речь идет о Китае. И вот настал тот момент, когда верховный шаман почувствовал надвигающуюся беду:

«Будет большая вода. Хозяин вечной семиствольной берёзы поднимет её корни, и из-под них хлынет большой бурный поток, который смое все болезни с нашей земли. В нём стинут и многие семьи. Большая вода будет стоять семь солнц и семь лун. Потом она постепенно уйдёт, и жизнь начнёт заново возрождаться...»

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЮЛИИ ХРИЩЕВОЙ К СКАЗКЕ «ЁТХИ»

Как видите, относя действие книги ко временам Всемирного потопа, я ничуть не преувеличиваю. Этот нюанс придаёт сюжету изрядную долю реализма.

Дальше – больше, шаман, сославшись на старость и немощь, передаёт бразды правления своему внуку – Ётхи, который должен увести народ далеко на север. И в этом, пожалуй, заключена главная интрига этой детской сказки:

«Добрые духи наделили его (Ётхи) такой силой, что он всё сможет. Он станет большим целителем. Он тоже умеет видеть будущее и будет вам хорошим советчиком в делах. Он имеет сильный дух и огромную храбрость. Он серьёзен не по годам, и его память способна ничего не забыть...»

Что ж, примерно так и должен выглядеть маленький супергерой в глазах детской читательской аудитории.

Всю свою великую мудрость шаман передаёт Ётхи через глоток воды, которая, как мы знаем сейчас, является глав-

ным носителем информации. И ненецкий народ под предводительством волшебного мальчика уходит в свой долгий и опасный путь к любимому озеру верховного бога ненцев Нума.

Кстати, одного из основателей древнего Рима звали, как ни странно, Нумой, но это не имеет отношения к сказке, о которой я говорю.

Не буду всё пересказывать, отмечу лишь, что Ётхи порадует не только детей, но и взрослых читателей. Ведь героям предстоит преодолеть множество опасностей.

«Вдруг Ётхи открыл глаза, он даже сам не понял почему. Несколько мгновений тихо лежал и смотрел в тёмное небо, разглядывая звёзды, но что-то его насторожило, и это что-то мешало ему снова уснуть. Он тихо сел и огляделся. Огонь угасающих костров почти ничего уже не освещал, даже стоящих неподалеку деревьев стало не видно. Мальчик почувствовал, что вокруг их стоянки, что-то быстро и бесшумно движется».

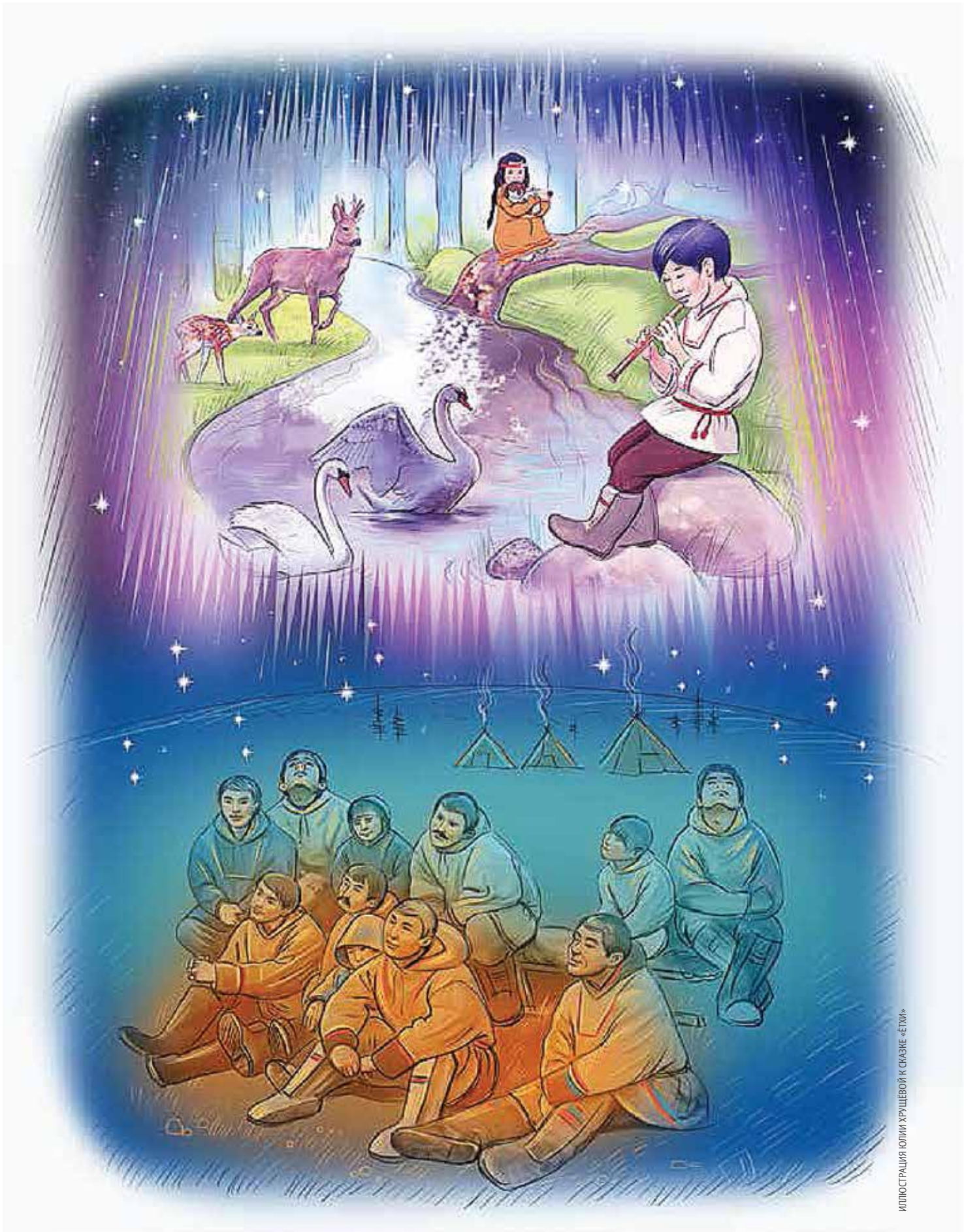

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЮЛИИ ХРУЩЕВОЙ К СКАЗКЕ «ЕТИ»

Песня Тегинского старца

Впервые об этой песне я услышал от Прокопия Салтыкова, моего друга, хантыйского поэта и коллеги-журналиста. Известно, что ханты и венгры – близкородственные народы. Когда-то в далёком прошлом, тысячу лет назад, часть угров (общих предков этих народов) ушла в Европу и, как говорят, навела там шороху.

Прокопия Ермолаевича ещё в советское время пригласили в Будапешт на какой-то литературный конгресс. Оттуда он привёз книгу, где были собраны фольклорные изыскания венгров Йожефа Папая и Антала Регули, изучавших в 19 веке корни финно-угорского народа. Кстати, первый из них успел поработать в двадцати населенных пунктах между Берёзовом и Обдорском и за год выучил местные диалекты.

Хорошо помню, что каждая страница собранных венграми сказаний и песен, включая песню «Тегинского старца», помимо хантыйского, была переведена на немецкий и венгерский языки...

К сожалению, Салтыков по причине раннего ухода из жизни не успел продолжить этот труд и перевести эпос на русский язык. Но его друг, писатель, фольклорист и переводчик Геннадий Павлович Кельчин, подарил нам такую возможность.

Хочу отметить одну особенность песни – она рифмованная, но только если читать её на хантыйском языке. Русский же текст – это подстрочный перевод, где есть ритм, но рифма, увы, по большей части утрачена.

Несмотря на простоту почти сказочного сюжета: несколько богатырей поехали в дальние земли за невестой.., текст изобилует удивительными открытиями и переворачивает многие представления о жизни северных народов в глубокой древности.

*По краю города большого речка
протекает,
Речка протекает в одну лодку шириной.
Там, на водоразделе,
Где семь речек в разные стороны
растекаются,*

*Есть холм, лиственницей заросший,
Есть сопка, елью заросшая.
Когда туда Верша Речная на промысел
уходит,*

*На охоту, на белку красную,
И, оттуда домой возвращаясь,
Дровами лиственничными нагружается,
С корнями и сучьями тащит их в город.
Тех дров, что он притащит,
Долгой зимы студёной на половину
хватает*

*Отапливать очаги города нашего.
Долгой зимы ледяной на половину
хватает*

*Отапливать очаги города нашего.
Пока Верша Речная на промысел ходит,
На охоту, на белку красную,
Семь богатырей,
землю осматривающие,*

*Полные нарты дров, из сил выбиваясь,
Каждый день в город возят.*

Конечно, как это обычно бывает и в русских былинах, и в эпосе других народов, всё

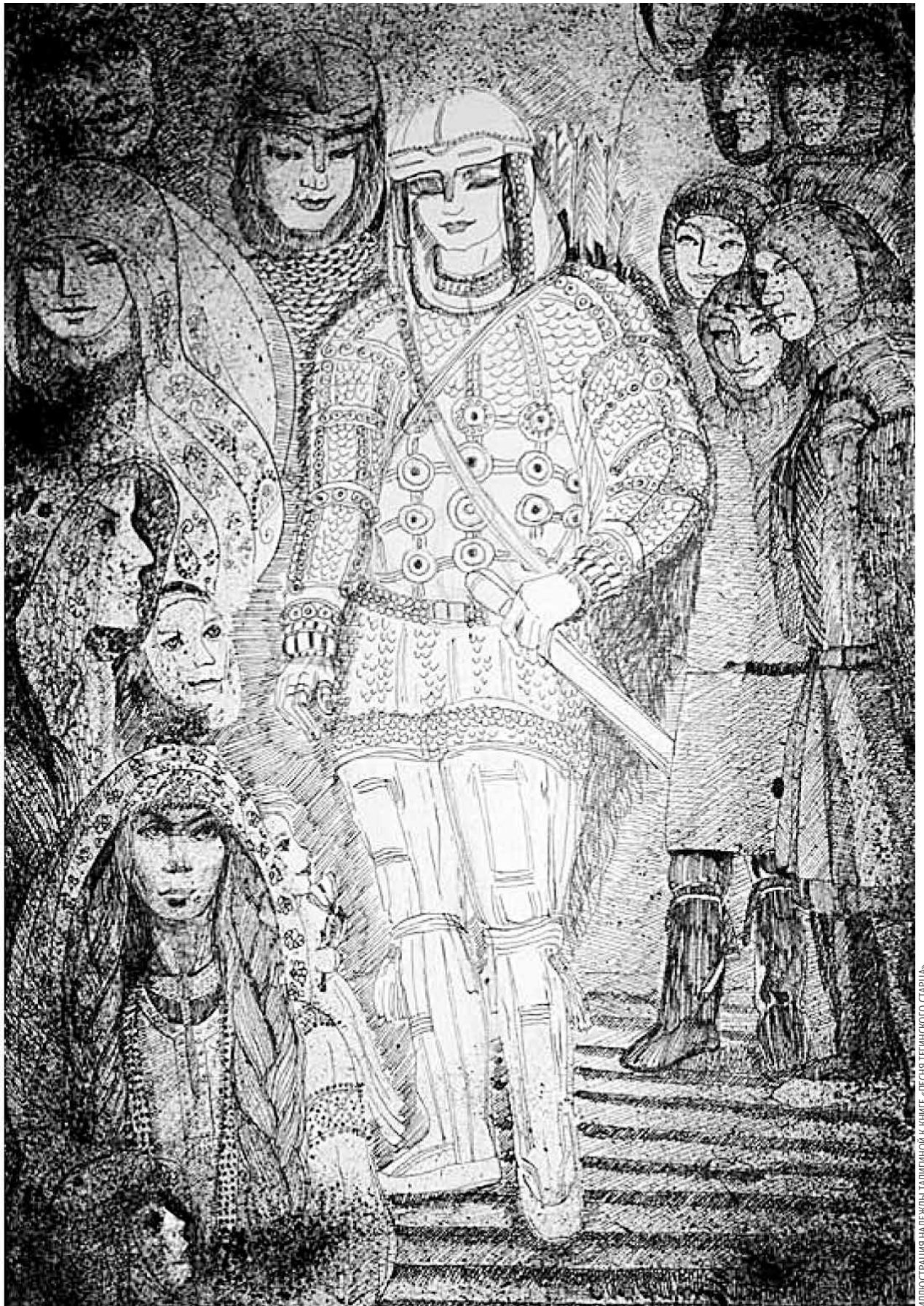
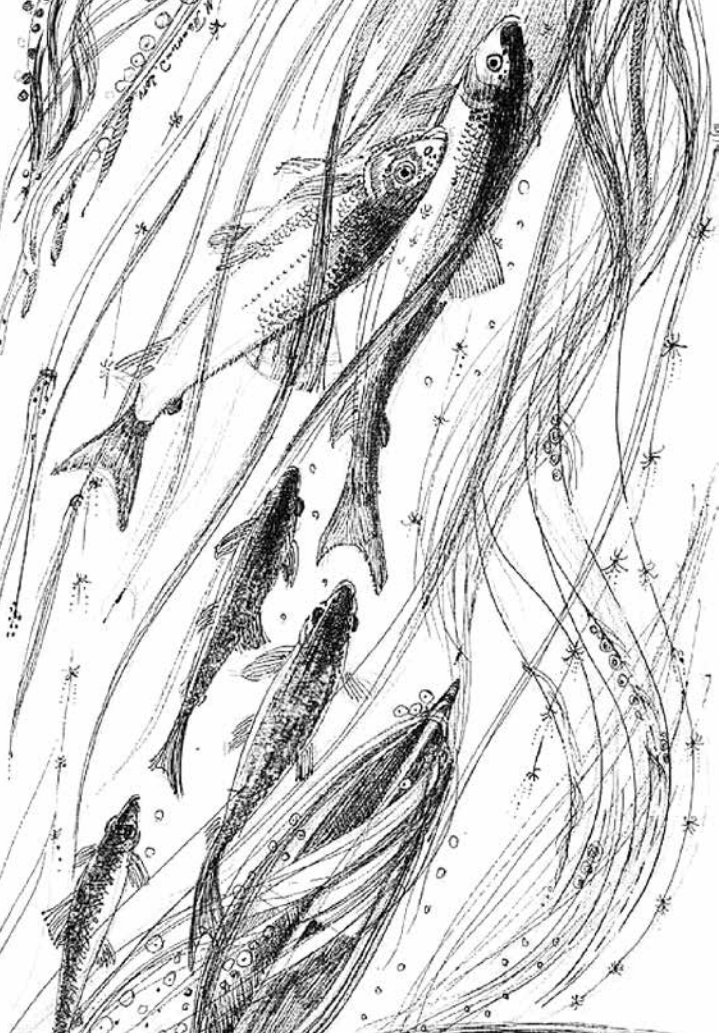

ИЛЛЮСТРАЦИЯ НАДЕЖДЫ ГАЛИКИНОЙ К КНИЖЕ «МЕСЯЦ ТЕРИНСКОГО СЛЯЦА»

ИЛЛУСТРАЦИЯ НАДЕЖДЫ ТАЛИМИНОЙ К КНИЖЕ «ПЕСНЯ ТЕГИНСКОГО СТАРЦА»

выглядит чрезмерно гиперболизированным, даже неправдоподобным, но это не снижает художественных достоинств народного творчества.

Не думаю, что события, происходящие в песне, относятся к безмерной дали в 50–60 тысяч лет. Потому что автор – оборотень, от лица которого всё и рассказывается, говорит о луках, кузницах, кольчугах, лодках, ножах, саблях, доспехах богатырей и других вещах, которыми человечество, по свидетельствам науки, ещё не обладало в то далекое время.

*Младший кровный мой брат
В могучие богатырские руки
Саблю священную острую взял,
А как кольчугу он надел, я не заметил.
Вид он страшный имел, возбуждённый.*

Что же удивительного я увидел в песне?

Первое – это имена главных героев. Например, Сто Крылатых Духов Одолевший богатырь или Тьму Звёзд поражающий Ярчайшая Звезда. Такое

чувство, что эти персонажи списаны с образов космических десантников, посетивших Землю во времена Атлантиды. Поверьте, я пишу это без тени иронии. Как вам такое: «С божественной высоты с шипозубыми спинами семь пришельцев» спустившиеся?

Кстати, эти семеро смелых всё же не смогли одолеть братьев главной героини, длиннокосой невесты. Но к ней явился жених-оборотень и дело сразу приняло иной оборот...

Однако я, кажется, я увлёкся и чуть не выдал вам все тайны старинной легенды.

Волчья кровь

Повесть Александра Белова о временах, которые еще помнят ямальские старожилы. Она основана на реальных событиях, которые происходили на знаменитой 501-й сталинской стройке, ныне именуемой «мёртвой дорогой». Мертвенным ужасом веет и со страниц этой повести.

Сюжет прост. Группа заключённых, отпетых уголовников, уходит в побег. Они хотят добраться до Воркуты и вырваться на Большую землю. По пути они страшно и бессмысленно убивают случайно попавшихся им на пути жителей тундры. Описание этого злодеяния поражает своей сверхреалистичностью и это, как ни странно, несколько портит впечатление от добротной в общем-то сбитой повести. Долгая фиксация на физиологии бойни смещает акценты и затуманивает смыслы. Не очень убедительны и характеры бегунов, такие картинно злодейские злодеи, упивающиеся кровью, за исключением одного, который тоже упивается кровью, но как бы нечаянно, по слабости характера.

Несмотря на это, повесть держит читателя в неослабном напряжении с первой до последней страницы. Благо, место действия не ограничивается одним лишь Ямалом.

«В гражданскую Шарый сперва примкнул было к белым. Хотел поквитаться с землячками за порушенную мельницу, за сожжённую ткацкую мастерскую. Но

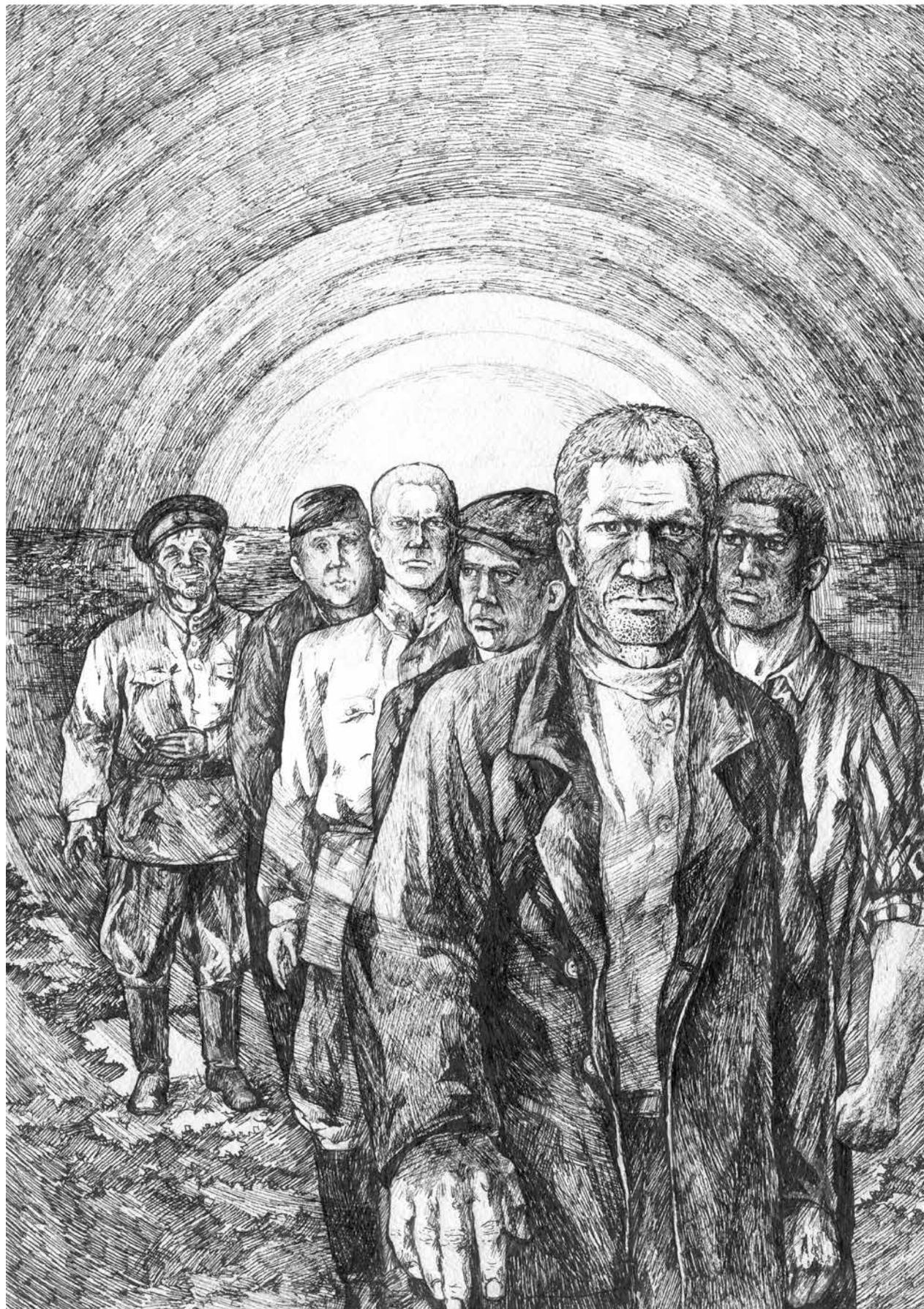

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЕВЫ БОХАН К ПОВЕСТИ «ВОЛЧЬЯ КРОВЬ»

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЕВГЕНИЯ БОШАНА К ПОВЕСТИ «ВОЛЧЬЯ КРОВЬ»

господа офицеры отчего-то не устояли против голодранцев, поразбежались кто куда, и Микола, схоронив отца и забрав семью, подался в хуторяне.

На новом месте начал всё сначала. Отстроил заимку. Возродил хозяйство. Поднял пашню. А когда пришли коммунары в кожанках, чтобы агитировать за вступление в колхоз, он предъявил им красный флаг на амбаре и объявил, что уже организовал коллективное хозяйство в собственном дворе. И назвал тот колхоз именем мирового пролетариата.

Кожаные пришельцы скребли затылки и не могли ума приложить, что теперь поделать. Вроде – колхоз как колхоз. Натуральный, хоть и однодворный. Работников в достатке. Продразверстку рыжий председатель оформил. Налоги погасил. Если его раскулачить – то в чью пользу, куда присоединять? До Глинивки, почитай, сорок верст.

До поры коммунары отступились. И пяток лет лесной колхоз никто не трогал, пока однажды под конец зимы продотрядовцы не выгребли всё зерно подчистую, вместе с семенным. Микола раскрыл последний тайник за баней, приготовился к посевной, но тут продотряд нагрязнул снова, и теперь уже большевики вытрясли у него действительно всё.

Да ещё кто-то сообщил в район, что отстраивали избу на хуторе, поднимали пашню да ставили амбары вместе с хозяином беглые белочехи, укрывавшиеся от новой власти.

За это Миколу арестовали, свезли в кутузку. Пока мытарили у следователя, чекисты забрали и выслали незнамо куда всю его семью. Микола же тем временем напрочь от всего отказался, и его каким-то чудом выпустили под подписку. Он вернулся на хутор, а там разор и бедлам. Изба выстужена, по полу разбросаны манатки, во хлеву орёт непоеная скотина.

Хату он спалил. Стельную бурёнку отпустил куда её коровьи глаза глядели. Про курей-гусей и не вспомнил – пешим ушёл в город, нанялся на строительство мощнейшей в Европе гидроэлектростанции.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЕВЫ БОХАН К ПОВЕСТИ «ВОЛЧЬЯ КРОВЬ»

На городском базаре его как-то окликнул чернявый бугай. Ефим! Он тоже бедовал без семьи и хозяйства, а работать извернулся ни много ни мало – в областном военкомате.

Ефим-то и вручил Миколу повестку аккурат 26 июня 1941 года, когда уже была объявлена всеобщая мобилизация.

Харкнул Микола в тубажку, сговорился с Ефимом, и они укрылись в лесу, неподалеку от Глинivки.

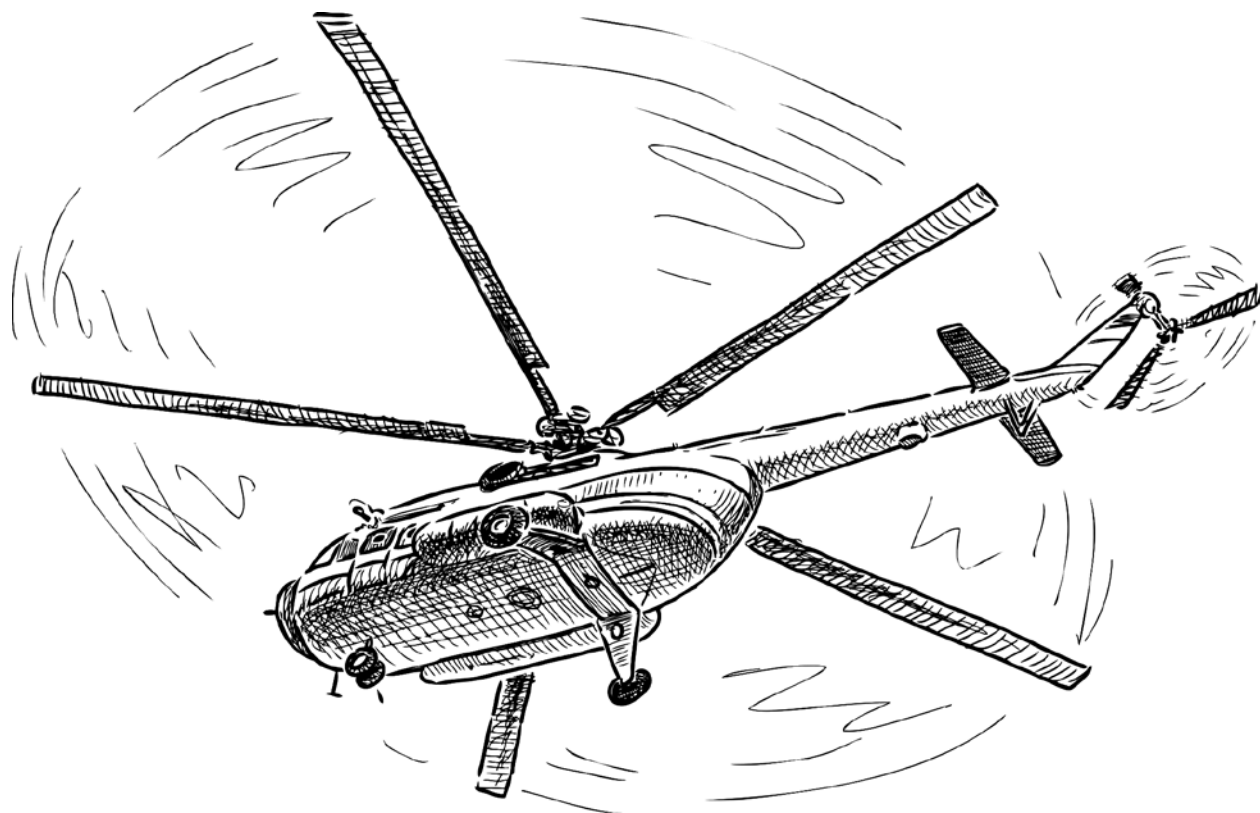
В августе в район пришли немцы. Их основательность и силу Микола оценил. Вместе с Ефимом поступили в полицию. И служили на совесть, учиня по всему району железный «ордунг»...

ТЕСТ НА ВЫЖИВАЕМОСТЬ

Галина ШТУРН

г. Салехард

Муж мой был лётчиком от бога. В лётной работе был смысл его жизни. А летать он начал на Севере в славные 70-е годы. Был он романтиком по натуре, из тех, кому в Салехарде поставлен памятник «Романтикам 70-х».

Он и его друзья-товарищи лётчики и вертолётчики помогали осваивать Север: таскали подвески с буровыми вышками, оборудованием для геологов, трубами для газопровода. Они облетели Ямал и Тюменскую область вдоль и поперёк, и, конечно, многое повидали. А потом, выйдя на пенсию, муж мой уехал в Петербург, куда время от времени приезжали в гости его товарищи. Из их рассказов и родились «Байки вертолётчиков». А что здесь правда или вымысел – судить вам.

***

Убелённый сединами ветеран «Аэрофлота», слушая, как молодёжь без

умолку трещит про интернет, планшеты и компьютеры, вдруг хмыкнул и сказал:

– Интернет – это, конечно, хорошо. А навигаторы ещё лучше. Да только я вам расскажу историю из своей лётной практики, когда интернета и сотовых телефонов в помине не было. Связь между экипажем и диспетчером осуществлялась только по радию.

Я, командир вертолёта, получил задание отвезти на озеро Щучье рыбака, чтобы тот подготовил улов к отправке. Дело было зимой. Рыбак с молодой розовощёкой женщиной – женой, как я тогда подумал, уже был готов к полёту.

«Ишь ты, старый, какую молодку себе отхватил», – подумал я. Загрузили его нарту

с провизией в вертолёт. Он с собакой и женщина разместились вокруг нарты. Вертолёт поднялся в воздух и взял курс на озеро Щучье. А этих озёр Щучьих не сосчитать: Большое Щучье, Среднее Щучье, Малое Щучье, да ещё между ними несколько озёр без названия. И все покрыты снегом. Я говорю рыбаку: «Сейчас круг сделаем, смотри, – то ли это озеро». «То, то», – говорит он и головой кивает.

Ну, раз так, я сел, рыбака с женой высадил и улетел. Там у озера был сделан охотничий домик. Специально для рыбаков, чтобы они могли в нём жить, когда сети ставят и когда улов вынимают.

Вот рыбак женщину с собакой оставил у нарты, а сам встал на лыжи и пошёл избушку искать. Да только он ошибся. Не там мы сели, и домик он, естественно, не нашёл. Он пошёл всё дальше и дальше, понял, что от озера ушёл, но возвращаться не стал, а чтобы не заблудиться, решил выйти к людям. А у нас-то на Ямале на сотни километров не найдёшь живой души. И прошагал он аж 400 км, пока не вышел к какому-то посёлку. Пока он оклемался, пока нашёл к кому обратиться, пока ему поверили, что он столько километров отмахал, да пока привезли в Салехард – прошло больше месяца.

Вот однажды сижу я на вертолётной площадке. Мне говорят: «К тебе пришли». Смотрю, а это тот рыбак.

– Здравствуй, начальник, – говорит он.

– Здравствуй.

– Дочка на озере осталась. Жалко.

– Дочка? А я думал жена.

– Дочка, дочка.

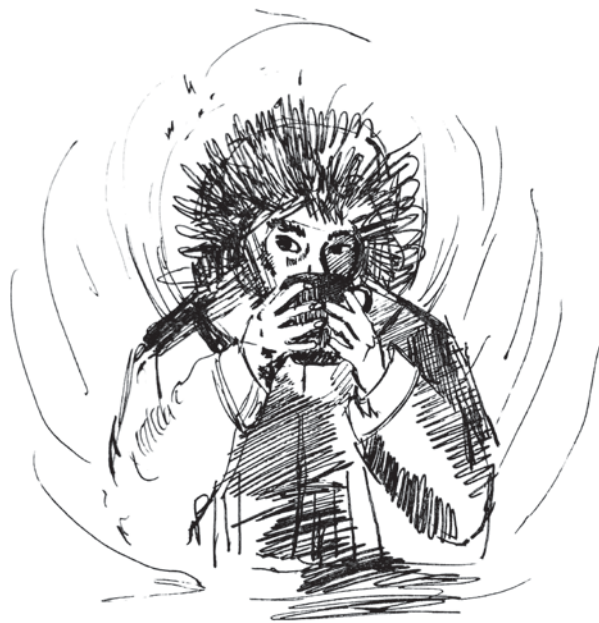
– А почему осталась? – спрашиваю я. И он рассказал о своём переходе.

– В голове не укладывается... Так она всё это время там? На озере?

– Ну да, там. Жалко дочку.

Я, конечно, сразу доложил о сложившейся ситуации, получил «добро» и полетел искать дочку рыбака. Хотя очень сомневался, что мы её найдём. Всё-таки женщина, одна в тундре больше месяца. Жива ли?

Прилетели на Щучье, стали кружить над этим озером. День был ясный, видимость

ИЛЛУСТРАЦИЯ ЛЮБОВИ БУТУЗОВОЙ

отличная. Да только сверху человека не так-то просто увидеть. Хорошо, что она с ружьём шла. По ружью и поняли, что человек идёт, да собака рядом. Когда сели, смотрим, а она чуть живая. Была румяная, молодая. А сейчас – кожа да кости. Так похудела, что смотреть страшно. Но она молодец, не зря в тундре жила. Видно, припасы потихоньку подъела. Когда поняла, что отца нет, стала вокруг нарты кружить, вокруг озера ходить, охотиться. Этим и продержалась. И хотя, она совсем отошчала, но ружьишко не бросила, с собой таскала. Поняла, что её искать будут и далеко от озера не уходила.

Взяли мы её на борт, поднялись в воздух. А тут кто-то из моих пацанов решил её накормить. Она как увидела мясо, сразу в него вцепилась двумя руками. Я кричу: «Вы что делаете?! Ей же нельзя! Отберите сейчас же!» А она в это мясо вцепилась мёртвой хваткой. Еле-еле с трудом отобрали. А вместо мяса чая горячего дали. Когда мы прилетели, нас уже скорая ждала. Её сразу отвезли в больницу.

Выжила дочка рыбака. Поправилась. Вместе с отцом приходила нас благодарить. Вот такой она прошла тест на выживаемость. 🌐

Я – ТВОЙ СЫН, ПАВЛУШКА

Посвящается дорогой маме
Татьяне Ивановне Корнейчук,
урождённой Харламовой

Людмила ЕФРЕМОВА

г. Надым

Люся не шла сегодня, а бежала из школы домой. В портфельчике, больше похожем на объёмную папку для бумаг, она несла дневник с пятёркой во всю страницу. Такое случалось нечасто – на школьной линейке зачитали её сочинение. Сама директор школы прослезилась, обняла Люсю за плечи и во всеуслышание громко объявила, что в двенадцатилетнем возрасте так образно описать портрет старой учительницы дано не каждому.

Люся предполагала, что пятёркой по литературе никого дома не удивит, и всё-таки так необходимо ей было именно сейчас услышать похвалу матери и сестры. А потом. А потом наступит вечер, следом ночь. Она будет под глухие отцовские маты за стеной дочитывать Диккенса «Холодный дом», а на очереди четвёртый том Макаренко. Ведь она, Люська, упрямая, если взялась изучать писателя, перечитает всего, даже эти – не очень-то интересные пьесы и письма.

А вот, например, камень на дороге, камушек. Для чего, скажите на милость, он лежит под выбитым фонарём? А? А для того и лежит, чтобы Люська пнула его залатанной туфлей, да не один раз, а уж непременно девять, так, чтобы ноге больно стало.

Всё, долетела, аж запыхалась. Вот она – родная избушка на курьих ножках: булыжники вместо фундамента, деревянный низенький заборчик, подрытый друзьями человека, а у калитки отцов брат Борис с бутылкой у морды. Люся прошмыгнула мимо дядюшки и онемела на пороге дома...

Из дальней комнаты доносились надрывные рыдания матери. В голове пронеслись самые нелепые мысли: с сестрой

что? С тётей Лизой? Отец повесился? Сжимаясь всем своим тщедушным телом, Люся подошла к матери, села рядом, неумело прижалась головой к голове, спросила сдавленно: «Мамочка, что случилось? Что-то страшное, да?» Мать отняла лицо от стола, распухшее от слёз и безутешного горя: «Да, доченька, случилось. В Загарино бабушке Марии письмо от Павлушки пришло, дядюшки твоего погибшего...»

Что знала Люся о своём дяде Павле Ивановиче Харламове, погибшем в девятнадцать лет под Сталинградом? Очень и очень мало, карточки и той не сохранилось, весь семейный архив сгорел в одночасье сразу после войны. И деда своего сёстры знали лишь по рассказам мамы: с помощью родственников построил дом; через год после женитьбы на Марии в 1924 году у Ивана родился первенец Павел. За Павлом родилась хилая девочка Таня с одной лопаткой, которая умерла через три недели, за ней уж – мама, наречённая также. Потом ещё пятеро: четыре парня и одна девочка. Да и между ними рождались и умирали крестьянские дети.

Бабушка Мария

А бабушку Люся любила и знала с малых лет. Мария Ивановна Харламова, труженица, каких свет не видывал. Парное молочко из её рук когда-то вытащило Людочку из бесконечных бронхитов и воспалений лёгких. Она и сейчас любит читать те давнишние бабушкины письма из деревни, написанные аккуратными большими буквами первоклассницы: «У нас тепло. Милочка бегает ножками по двору, играет с

цыплятами. Не знаю, как и отдавать её буду, привыкла я за год, да и она уже по-нашему, по-деревенскому всё на «о» лопочет».

Забирала Люсю тётя Лиза, младшая мамина сестра. Через четыре дня, проведённых в общем вагоне, передала с рук на руки розовощёкую окрепшую девочку матери. Старшая Ирина любит рассказывать, как упитанная трёхлетняя сестрица, за год почти позабывая, на вопрос, где же любимая соска, серьёзно отвечала: «КОза съела».

Второй раз Люся встретила с деревней в семилетнем возрасте. Она хорошо помнит бычка Мишку с белой звёздочкой во лбу, корову, трёх кошек, шипящих гусей и деревенскую подружку Наташу. Именно тогда из манжета и части рукава старой рубашки Люся сшила своей пластмассовой кукле Даше отличный полосатый сарафан. Он хорошо скрывал продавленные части на животе и ногах куклы, и та стала ещё дороже сердцу. Полюбоваться Дашей то и дело прибегала Наташа, и каждый раз повторяла, что таких красавиц отроду не видывала. Людино сердечко дрогнуло, и перед отъездом она подарила куклу подруге со словами наставления: «Следи за ней хорошо, не давай играть Зине, она грязнуля. И обязательно из другого рукава рубашки сшей ей передник и косынку».

А какое великолепие цветов за околицей! Разве их можно забыть? Какой воздух, наполненный запахом полевых трав. Так бы бежать и бежать без конца и края, кружиться и кружиться, крепко ухвативши за руки Наташу. А потом, отпустив их, со смехом кубарем катиться в разные стороны. Пожалуй, та поездка в деревню осталась самым счастливым воспоминаем детства.

Дед Иван

По описанию мамы, дед Иван был росту знатного, около двух метров, глаза карие, крепкого сложения, волосы тёмно-русые, волнистые. Одним словом, русский богатырь. В ту пору редко кто бороду носил, смеялись над ним деревенские. Так он сбрил бороду, помолодел сразу и ходил как Будённый с длинными закрученными усами. Да и лет ему было всего 35.

Старшую свою дочь Таню, к войне уже четырнадцатилетнюю, отец сажал на колени, гребнем волосы расчёсывал, о Боге говорил, о терпении, о любви ко всему живому: ползающему, растущему, бегающему.

– Я тогда, – вспоминает мама, – рвалась на улицу вечером погулять. Ходили с подружками по деревне, за парочками подглядывали. Мама меня не пускает, а он шепчет: «Иди, доченька, иди, Танюша. Я открою». Курице голову не мог срубить, соседа звал, а сам отворачивался. А уж землю как любил! До смерти! Все уж в колхозы и совхозы записались, а он – ни в какую к «хриstopродавцам» не хотел идти, считал революцию дьявольским провидением.

Помню, как ломали церковь. В других деревнях под свинарники, под амбары пустили, а нашу красавицу до самого основания разрушили. На Пасху заставляли учиться в школе. Внушали, что Бога нет. Колхозным детям на переменах в школе давали хлеб, а мне нет. Дразнили только. Но отломят девочки, дадут кусочек..

Безлошадные кулаки

Тогда же, где-то в 1934-м, загонять в колхозы начали. Долго уговаривали папу, он ни в какую. Забрали половину земли, обложили налогами. Повесне подчистую выгребли зерно из амбара. Пришлось часть припрятать. Тогда нашу семью раскулачили. Забрали лошадь, корову, тёлку стельную увели, шесть овец, разломали дворовые постройки. К тому времени в семье уже пятеро детей народилось.

За бесценок распродали в деревеньке Загарино нехитрое имущество – два самодельных стола, кровать да сундук. Купили лошадь у людей, что по соседству жили. Вскоре они её выкрали. Отец встал ночью покормить лошадь, а изба закрыта снаружи. Он сразу и догадался, что дело нечисто, в окно вылез – конюшня настезь.

После знакомый бродяжка нам рассказал, что её ночью в лесу зарезали, сварили и съели, что и ему кусок дали. Голод! А какой же крестьянин без лошади?

На чужой подводе отец нас увёз сначала из Загарино в Каранино, а потом в дерев-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ АЛЕКСАНДРЫ КАШАНСКОЙ

О вере и любви

Люда слушает маму, затаив дыхание. Всё ей интересно. Почему, например, в маминой родной деревне Загарино половина жителей носит фамилию Харламовы?

– А потому, доченька, что род наш из старообрядцев. Предки наши веру свою оберегали от властей, жили тесно, друг подле друга. Теперь уже и не поймёшь, кто кому родней приходится, а фамилия осталась. Из староверов не только Харламовы. Моя подружка Тоня Пронина тоже из них. Спасаясь от преследований советской власти часть староверов обосновалась в Киргизии, в том числе и дядя Ваня. Тебе он двоюродным дедом приходится. Веру свою сохранили по сей день, в молитвенном доме втихомолку и вас с Ирой успели окрестить.

– А почему дедушку зажиточным считали? У вас ведь ничего такого и не было. А кто же тогда бедным был?

– А у кого совсем ничего за душой. Вот отняли у нас всё, раскулачили, значит и мы небогатые.

– Мама, а в какой одежде вы ходили?

– Отец из бедной семьи – три девки, четыре парня. Когда женился, они с мамой нажили нас семерых, корову, лошадь да несколько овец и более ничего. Одежду носили ситцевую, холщовую. Мама шила штаны и рубахи. На Вербное воскресенье, на другие божественные праздники надевали светлое, веточками вербы украшали избу, пироги пекли. Родители молились особенно усердно по субботам и воскресеньям и нас приучали.

Папа маму никогда не обижал, не оскорблял. За девятнадцать лет совместной жизни ни одного дурного слова не сказал. Один лишь раз душой назвал, так потом на коленях прощения просил. Вот как любил и уважал!

– А бабушка любила его?

– Их познакомили, они и поженились. Но я никогда не слышала, чтобы мама говорила отцу, что любит его. Просто она ему верна была. А как боялась за него! Если вдруг какой крик на улице, и она кричать, причитать бросалась: «Это что-то с Ваней случилось!» Всё чего-то придумывала, ребяtnю до

ню Волынщина, это примерно в шестидесяти километрах. Как смог подремонтировал полуразрушенный пустующий дом и оставил одних на всё лето, а сам подался на заработки. Надеялся, что трудолюбие поможет выбраться из нищеты. Работал по найму грузчиком на пекарне, мешки с мукой таскал.

Кое-как дотянули до осени. Бабушка Мария, тогда молодая женщина, вместе с тринадцатилетним Павлушкой, пока не было мужа, жала хлеб в колхозе, хваталась за любую работу, лишь бы малыши от голода не умерли.

Случались и маленькие радости. В Волынщине на детей деньги стали давать. На седьмого ребёнка родителям дали аж две тысячи, солидную по тем временам сумму. Отец вместе с Павлом поехали в Самару и навезли всем обновок и даже никелированную кровать! Позже в войну на те же две тысячи смогли купить только пуд муки.

смерти пугала. А, может, сердцем чуяла – недолгий век у неё с мужем... Отец возвращался, и всё объяснялось.

Начало войны

Я только окончила 7 классов в мае, а в июне – война. В аттестате три четвёрки, остальные пятёрки. Директор школы печалился: «Как жаль, Танечка, что дальше не идёшь учиться». Школа в восьми километрах. Зимой на лыжах, весной пешком. Питались так себе. Бывало, и в обморок падала, но училась с удовольствием.

– А почему дедушку на войну взяли? Ты же говорила, что он и курице не мог голову срубить?

– Тогда всех брали. Отца призвали в армию в августе сорок первого.

За полгода раз пять, как придётся, в товарняках, замерзая, на подножках, добиралась бабушка Мария до станции Инза, что недалеко от Москвы. Близ неё, в военном лагере, не державших доселе оружия мужиков и парней обучали стрельбе и военному делу. Да какая она тогда бабушка была! Тридцати шести лет, на руках седьмой: Коленька-грудничок. Папа ей говорил: «Вон сколько женщин к мужьям приезжает – ты у меня самая красивая, самая хорошая».

Я тоже однажды навестила отца в лагере под Инзой. Он мои волосы гладил, ласково расспрашивал о младших детях и всё вздыхал: «Доченька, я очень рад тебе, но в другой раз пусть мама приедет». Помню, как солдаты пели песни военные, колоннами ходили. Прибывшие к ним родственники строили шалаши. А тут наступило время осеннее, холодное. Тогда папа меня тихонько в казарму провёл (он там крайним спал на деревянных настилах) там ночь и переночевала.

Однажды мама опять к нему поехала. Не было её недели две. Четверо-пятеро суток в один конец, да там дня два-три. Я за хозяйку осталась: корову доила, хлеб пекла и за детьми смотрела. Вот я раз и скормила корове всё сено, что на зиму припасли по неразумению. Не знала, сколько давать надо, сыпала от души, а она что съела, а что затоптала.

Коровушка – кормилица

В сенокос нигде не разрешали косить. В лес за травой ходили. Мешок наберёшь и несёшь на горбу. Много ли так заготовишь? Потом мучились, кормили соломой с крыши дома. Ох, и холодная, и голодная зима была!

Приходилось ночью общипывать в поле колхозные стога. Километров за 5–6 ездили. То мама со мной, то с двенадцатилетним Сашкой на санках. Ноги вязнут по колено в сугробах. Доберёшься до стога, разгребёшь, разгрузишь-нагрузишь, силы кончаются, и обратно в дорогу.

Заводили корову в избу, в единственную комнату, а сами, вместе с мамой семь человек, залезали на печку. Хоть и большая печка, мы сидели, не лежали, пока она грелась.

Ещё держали двух овец. Одну у нас украли прямо из сарая. А там ехал кто-то из деревни. Воры подумали, что за ними погоня, бросили. Зарезанную овцу привезли в сельсовет и потом нам вернули, хоть такую.

Растили бычка, хотели на нём переезжать вместо лошади. Из совхоза всех лошадей забрали на нужды фронта. А бычок возьми поломай ногу, пришлось резать. И солили мясо, и в погребе прятали, и всё равно мясо пропало.

Кур и петуха в подполе зимой держали. Все издохли от голода. Варили их потом, хоть там одни косточки.

Корову Зорькой звали. С ней как с человеком обращались. Выжила и в ту и в другую зиму. Исхудает сильно, а за лето поправится. Ну и молока, естественно, мало давала. Мы голодные, она голодная. Овцы голодные.

В Вольинщине нас ещё так не обирали, как потом в родной деревне.

Ты не бойся

В последнем доме, где мы жили, соседку били припадки. Муж у неё в начале войны погиб, осталось шестеро детей без отца. Жили бедно-бедно, тоже досыта не ели. Мы с ней ходили на станцию молоко продавать.

Однажды в зной шли, со станции уже с пустыми бидонами. И вдруг бидон у неё из

рук покотился. Я вздрогнула. А она упала в пыль, и как начало её трясти и бить. Тут рядом усадьба, люди копались в земле. Увидели, подбежали, стали её держать, ложку между зубов сунули – прошло. Я испугалась, ужас. Потом от неё далёко иду.

– Да ты не бойся, – она мне говорит, – иди сюда. Со мной сегодня уже не случится такого.

Позже получила я письмо от её дочки Нины: «Мама пошла с пацаном к сестре, по дороге у неё припадок случился. Мела пурга, они сбились с дороги. Упала, да так и замёрзла. А братишка от неё отошёл и тоже замёрз».

Уж Нина хлебнула досыта, младших детей они со старшим братом поднимали.

Дом родной в Загарино

– А дом в Загарино каким был? Когда вы туда вернулись?

– До конца войны мы жили в Волинщине, переходили из одного дома в другой. Плату за жильё не брали. А потом люди стали возвращаться. Решили и мы перебраться в Загарино – уже без отца.

Пока скитались, там поселились две папины сестры с семьями и никак не хотели выезжать. Миром решили вопрос.

Больше двух комнат в доме ни у кого не было. В деревне так принято. Уборных тоже не строили. Чудно! Лес рядом, кусты. Бегали кто куда. За скотом чистили и за собой.

Дом папа строил с братьями и с отцом. Одна большая комната, половину её занимала русская печь. Я, как старшая дочь, и полы мыла, и белила. Пацанов на печку загоноу и мою. Так и росли – то на печке, то на улице.

Стол деревянный, сундук, кровать, чулан за занавеской – между голландкой из кирпича и самой печкой, он же служил и кухней. Ещё сени, где мы спали летом. Там обычно стояли вёдра с водой, посуда глиняная и деревянная. Продавали местные гончары.

Летом и стар и мал собирали ягоды, грибы. Сушили, солили. Капусту квасили. Спускали в погреб.

Погреб достаточно глубокий, метра три. Зимой натаскивали снега, утрамбовывали его хорошенько, так до самого верха. И

он почти до августа не таял, – настоящий холодильник.

Похоронка за похоронкой

В начале весны 1942-го бабушка Мария видела своего Ивана в последний раз. Приехала навестить, а попрощалась навсегда... Увидела его на железнодорожной станции Инза в вагоне перед отправкой на фронт. Бежала следом и плакала.

Погиб дед Иван в первом же бою под Смоленском. В лаконичном тексте похоронки сообщалось: «Ваш муж, Иван Филиппович Харламов, проявив героизм и мужество, погиб в боях под Смоленском». Указывалось и место гибели: Смоленская область, Юхновский район, село Городец, братская могила.

Как выяснилось позже, свидетелем гибели был родственник. Вернувшись в деревню он рассказал, что из полка вместе с ним только двое осталось. Бойцы переплывали речку, а Иван Филиппович Харламов плавать не умел. Вода в реке красная текла...

Всего через год бабушка получила похоронку и на старшего сына Павла.

Дочь Татьяна

После дежурства болела голова. Работа машиниста в аммиачном цеху Гормолзавода – суший ад, особенно ночные смены.

Татьяна выпила таблетку анальгина – не помогло. Уснуть бы, ан нет, всё мешает: птичья трескотня, брехня дворовой собачонки и этот ещё, будь не ладен, радиоприёмник из Жоркиной комнаты. Ему-то он не мешает, если заснёт – и пушкой не разбудишь. А то наслушается речей с партийного съезда и давай крыть правительство на чём свет стоит. А ведь матери такие вворачивает, жуть! Колбасы, видите ли, ливерной по 50 копеек купить не может рабочий человек. А сколько водки его ненасытная утроба выжрала – это он считает?

Молоточки где-то внутри, в левой части лба застучали сильнее. Волноваться никак нельзя. Татьяна выпила ещё одну таблетку, хотела тут же пойти выключить приёмник, резко поднялась с кровати и тут же со стоном

опустилась. От головной боли потемнело в глазах, подступила тошнота и слабость.

«Ладно, – подумала вяло она, – когда-никогда, а боль утихнет, тогда уж...» Она легла и невольно стала прислушиваться к голосу диктора, читавшего доклад Генерального секретаря Компартии СССР Л. И. Брежнева. Нескончаемо длинно перечислялись блага для народа, достижения в сельском хозяйстве и ещё, и ещё. Речь пошла о пенсионерах, о повсеместной заботе о стариках. Татьяна увидела мать, худенькую, маленькую, смотрящую на неё добрыми, с годами не утратившими синеву, глазами: «Доченька, ты мне дорогого лекарства не посылай, от головы только и от сердца. Да и пореже посылки собирай. Сами живёте трудно...»

Таня смахнула слезу: «Как же – забота о стариках! А кто о моей матери позаботился? Мужа, сына в войну потеряла, еще шестерых мал мала меньше на ноги поставила. А пенсии никакой. Если документы совхозные сгорели вместе с сельсоветом, неужто нельзя было восстановить? Люди же не сгорели, – заметив, что начинает бормотать под нос, Татьяна испуганно одёрнула себя. – Чего доброго, я скоро как Жорка диктору буду свои обиды выговаривать. Будто он виноват в чём-то. А кто виноват? Война, смерть, разруха? Так и другие не меньше нашего хлебнули. Вот возьму и напишу письмо в «Правду». Может, хоть перед смертью мама пенсию будет получать...»

Ах, если бы отец Иван Филиппович Харламов не погиб, разве младший брат Коля стал бы таким? Разве другие братья остались бы без образования? А если бы Павлушка не погиб, самый старший, самый крепкий, талантливый, любящий сын и брат, разве его мать доживала бы свой век в плохоньком, больше похожем на сарай, домишке? Да разве допустил бы он, чтобы в его родной деревне Загарино в конце шестидесятых не было света и под потолком у матери загорелась керосиновая лампа. А ведь до города Барыша, а там и до Самары, рукой подать. И уж, конечно, тогда не умер бы годовалый племянник Ванечка, которого везли в больницу на телеге аж целых четыре часа по колдобинам, по расчавканной дороге, по нищей и по сию пору матушке России.

А много ль мама увидела, приехав погостить к ней? Оставляла ведь насовсем, но она, нагладевшись на пьяницу зятя, уехала восвояси. К такому же пропойце, неженатому младшему сыну Николаю, который обижает её, пьяный выгоняет из дому и она ютится у соседней.

Любимый первенец Павлушка

Павлушка, Павлушка... Как же несправедливо смерть вырвала тебя из жизни, материнских рук, твоей единственной и неповторимой любви, у твоих будущих детей. Таня увидела улыбчивого брата:

– Ну, как вы тут без меня, сестрёнка?

Он тогда приехал из Самары, где по направлению совхоза учился на курсах бухгалтеров, проживал в общежитии, кормили бесплатно. Оделся по моде: в костюме, рубашке с запонками.

Широкоплечий, симпатичный. Настоящий городской парень. Разденется – мускулы играют. Одеколоном душился. Девки и бабы вешались на него гроздьями, проходу не давали.

Татьяна вспомнила, как случайно натолкнулась на брата, когда он целовался с красивой молодой женщиной. Тихонько прошмыгнула мимо. Влюбиться по-настоящему не успел.

Старший сын Ивана и Марии – Павел статностью пошёл в отца. А глаза – большие васильки, матушкины, и волосы светло-русые.

Очень боялся грозы, закрывался подушкой.

– Сынок, как же ты служить пойдёшь, если грозы боишься? – говорила ему мать.

А так смелым был, воспитанным, почём зря кулаками не махался. А уж если запоёт дома, так широко, раздольно: «При лужке, лужке, луне, при счастливой доле, при знакомом табуне конь гулял по воле», «... и в какой стороне я не буду, по какой не пройду я тропе, друга я никогда не забуду, если с ним повстречался в Москве». Мама слушала его и тихо счастливо улыбалась. Любила она его. Крепче всех первенца любила и гордилась им.

А уж он как матушку любил! Она рядом с ним и не старела, лицо белое, глаза нежностью светятся. Бывало идут по соседней деревне, она тоненькая, красивая, а сынок плечистый, ясноглазый. Так на них все заглядываются, думают, жених с невестушкой гуляют.

Прижмёт её к себе Павел и шепчет: «Мамочка, люблю тебя больше всего на свете, хочу всегда быть рядом с тобой, беречь тебя и лелеять...»

Сладкий праздник

Однажды Павел привёз из совхоза целый ящик списанных шоколадных конфет. Растаяли где-то на складе и превратились в большой шоколадный кирпич. Вот уж детвора полакомилась вволю! Налопались вместе с обёртками. Такого сладкого праздника более не случилось...

До 1943-го жили ещё ничего. Павели кормил, и одевал семью. Потом ещё отрезки какие-то оставались, я хорошо одевалась. А после всё это пообносилось, продалось, проелось.

Продавали вещи за спирт, он по тем временам очень дорогим был. Навырученные за него деньги картошку покупали. На хлеб уже не оставалось.

«Я вернусь...»

На фронт Павла забрали после отца, меньше чем через год. Бронь предлагали, он наотрез отказался, одно твердил: «Хочу за отца отомстить». Военный лагерь находился под городом Мелекесс (с 1972 года город Димитровград. – Прим. авт.). Павел в штабе писарем служил, письма от него часто получали. А в январе он сумел дозвониться секретарше совхоза: «Передай маме, я еду на фронт! Мы сейчас стоим на станции Инза. Той самой, откуда и отец на фронт уезжал».

Мама собралась и поехала. Кругом солдаты, эшелоны. Она бегала, спрашивала, плакала, но нигде не нашла. Вернулась разбитая горем.

Получили письмо с дороги: «Мама, едем под Сталинград. Я обязательно вернусь...»

Потом один загаринский рассказывал:

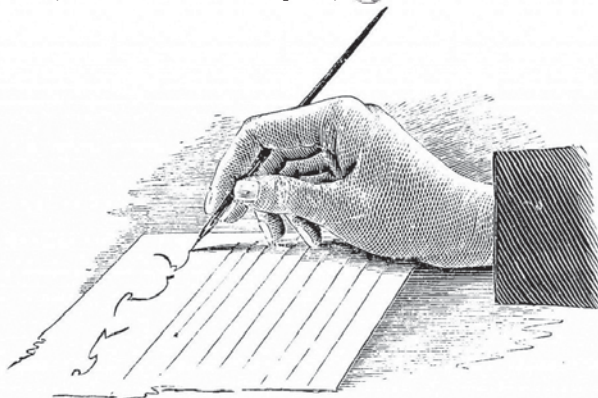
– Я тогда раненый лежал. Слышу переключку – Харламова называют. Я лично его не знал, спросил: «А кто ты будешь дедушке Филиппу?» Отвечает: «Я его внук».

Ушёл в бой, в ночь, и больше не вернулся.

Долго вестей от Павла не было. Мама и гадала, и куда только не ходила. Родственник, демобилизованный после ранения, до войны учителем работавший, помог составить письмо в Москву в военный комиссариат. Пришёл ответ: «Пропал без вести».

Наши тогда немцев из самого Сталинграда выбивали. Каша такая была! Где кого похоронили – неизвестно.

(Окончание следует.)

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ СТЕПАНЧЕНКО

КАК ВСЯ РОССИЯ ПОТЕРЯЛА СОЗНАНИЕ

Андрей БАЛАНДИН

г. Салехард

Многие жестокие душегубы первой половины XX века, участники массовых убийств и того, что по сути своей является геноцидом, закончили свои дни – нет, не в солнечной Аргентине и не под чужой личиной, они преспокойно умерли в Советском Союзе.

Осознание этого факта разрушает привычные представления о добре и зле, заставляет задуматься о причинно-следственной связи многих исторических явлений. Эти думы – скорбный труд; не все способны смириться с тем, что пытки и расстрелы миллионов русских людей так и остались не отмщены, а палачи-изуверы ушли не только от прижизненного наказания, но и от общественного порицания. Хуже того, эти убийцы были щедро вознаграждены, носили ордена, своих настоящих имён никогда не скрывали, и до конца дней гордились тем, что сотворили на покорённых территориях.

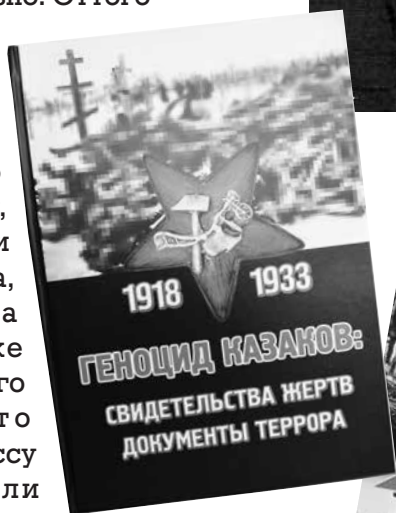
Жизненный путь этих людей в отечественной историографии освещался весьма скупо, тенденциозно. Оттого и явный крен в познаниях современных россиян; поминая недобрым словом идеологов геноцида, они, конечно же, назовут и Энвер-пашу, повинного в истреблении армян, и Анте Павелича, ответственного за геноцид сербов, и даже Клауса Барбье, убивавшего французских евреев. А вот о том, как миллионную массу русских людей мучили свои же, русские, даже и не вспомнят...

И вот вопиющая несправедливость начала исправляться. В свет вышел

ИЗ АРХИВА НИКОЛАЯ ЛЫСЕНКО

Николай Лысенко сетует: до сих пор находятся учёные, считающие убийство безоружных женщин, стариков и детей «объективным, закономерным и имманентным следствием» Гражданской войны

Страшная получилась у Николая Лысенко книга, местами спорная

«Геноцид казаков» – корпус свидетельских и документальных материалов о государственной политике геноцида казачьего народа в РСФСР – СССР.

Его автор – казачевед Николай Лысенко, доктор исторических наук, депутат Госдумы РФ первого созыва, проделал колоссальную работу по сбору и систематизации малоизвестных документов. Его исследование охватывает период с 1918 по 1933 год и это, безусловно, правильно; ограничиться автор одной лишь Гражданской войной, зверства карателей можно было бы списать на пресловутые «трудности военного времени».

Видели такое, чего нельзя забыть

Время неумолимо – уходят в лучший мир участники Великой Отечественной войны, но их свидетельства бессмертны. И это касается не только дневниковых записей, неизданных мемуаров, но и историй, рассказанных в кругу семьи. Чем дальше последний залп той войны, тем чаще потомки обращаются к памятным беседам с предками.

Нечто подобное происходит и с воспоминаниями людей, переживших рассказывание, репрессии, голод. Конечная точка этого периода российской истории – 1933 год, от июня 1941 года её отделяет всего восемь лет. Воспринимая рассказы ветеранов-фронтовиков на веру, мы не можем отмахиваться от свидетельств геноцида казаков, мол, это случилось слишком давно и быльём поросло. Показания первых и вторых – это живой голос представителей одного и того же поколения советских людей, а значит, эти показания одинаково достоверны. К тому же они практически совпадают с тем, что Михаил Шолохов писал в 1933 году Сталину:

«Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском, Лебяженского колхоза, ночью, на лютом ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали

в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками...

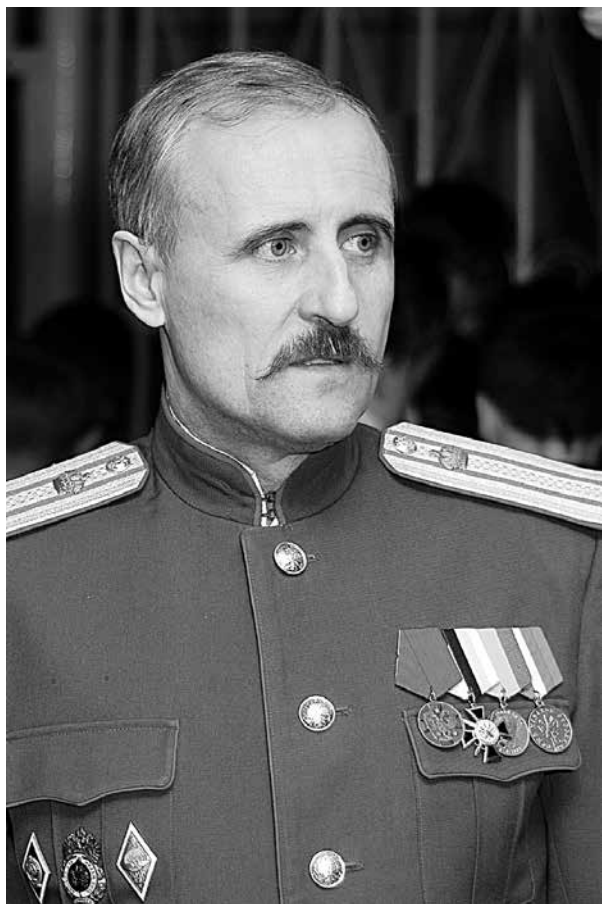
В Базковском районе выселили женщину с грудным ребёнком. Всю ночь ходила по хутору и просила, чтобы её пустили с ребёнком погреться. Не пустили, боялись, как бы самих не выселили».

Время собирать камни

Отметим, нынче многих шокирует сама мысль о том, что большевистская власть могла запятнать себя геноцидом какого-либо народа. И даже заявление президента Путина о том, что «после революции 1917 года казачество было подвергнуто жесточайшим репрессиям, по сути – геноциду», многие предпочли не заметить или забыть.

По сию пору планомерное истребление казачьего народа именуется рассказыванием (созвучно разжалованию) и не вызывает в массах должного сочувствия. Как будто людей не уничтожили, а всего лишь лишили права зваться привычным именем и только.

Прежде чем продолжить рассказ о своде документов, изобличающих геноцид казаков, сделаем важное отступление – без него никак. В последние годы сформировались особые методы отрицания злодеяний, совершённых большевиками на казачьих территориях. По сути, мир столкнулся с новой, ментальной формой рассказывания: там, где невозможно опровергнуть убийственные факты, в ход идёт демагогия, порой очень даже изящная, когда вроде бы и казачество народом признаётся, и геноцид не отрицается, но находится некий довод, вдруг ставящий всё с ног на голову. И вот уже казаки из народа становятся всего лишь сословием, а геноцид подменяется иным термином, к примеру, стратоцидом. По сути, именно эта манипуляция – подмена одного термина другим, не позволяет признать одно из тягчайших деяний большевистского режима. В итоге самые гнусные преступления вновь и вновь

ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ СТЕПАНЧЕНКО

Издания, подобные «Геноциду казаков в России», с трудом торят дорогу на книжный рынок. Большую помощь в издании двухтомника Н. Н. Лысенко оказал В. И. Степанченко, атаман Обско-Полярной казачьей линии, кандидат юридических наук, председатель научного Координационного Совета в ТюмГУ по изучению истории казачества

оправдываются «духом революционного времени», «классовой борьбой», «сложностями текущего момента» и прочей демагогической белибердой.

А бывает и так, что говорит учёный вроде правильные вещи, оперирует массой документов, но отчего-то всё время хочется спросить его: «Так вы преступления большевиков осуждаете или оправдываете?»

Комментирует Валерий Степанченко, атаман Обско-Полярной казачьей линии, активно участвовавший в подготовке двухтомника «Геноцид казаков в России» к печати:

– Взять, к примеру, доклад известного казаковеда, доктора исторических наук, профессора Андрея Венкова,

опубликованный в сети «Интернет». Он говорит буквально следующее: «Отдельные казачьи войска, действительно, стали складываться как народы, и осознали себя этими народами. Согласно академику Бромлею, важнейшая, главная отличительная черта любого народа – это осознание себя отдельным народом. И у нас, на Нижнем Дону, значительная часть Среднего Дона – осознавали себя отдельным народом».

Казалось бы, вот он, момент истины! Но нет, оказывается, есть один «нюанс», о котором как бы, между прочим, упоминает уважаемый учёный: «Геноцид, как явление, конечно, осуждён мировым сообществом... Ну, хорошо, а если те же самые большевики казаков народом не считали?»

– Задавшись этим вопросом, Андрей Венков приводит факты, которые могут толковаться именно так: большевики воспринимали казачество на свой извращённый классовый лад. Представители новой власти, в ряде случаев, действительно, не считали служивых народом. Казалось бы, ну и что? Оттого, что иные злодеи делили народы на высшие и низшие расы, на людей и недочеловеков, наше представление о мироустройстве не изменилось. И преступления, совершенные в отношении этих несчастных, классифицируются именно как геноцид, а не «борьба за расовую чистоту». Так почему же мы должны подходить с иными мерками к убийству донцов или кубанцев? – сокрушается атаман.

Из книги «Геноцид казаков»:

«До сентября 1918 года карательные органы РКП(б) уничтожили в Армавире 1342 человека... «Более 500 мирных армавирских жителей закололи штыками, изрубили шашками и расстреляли, – отмечает историк П. Н. Стрелянов-Калабухов. – Их казнили на улицах, в домах, на площадях, выводя смертников партиями. Убивали отцов на глазах матерей, мужей перед женщинами, детей перед матерями».

Расстрельное сословие

Отрицая факт геноцида целого народа, небольшевики твердят о том, что ча-

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

1921 года Января 27 дня, Особая Тройка С. О. 4 под председательством Николая Лысенко, Гусина и Вобкевича, рассмотрев анкеты нижеподписанных лиц, пришла к следующему заключению:

№ по поря.	С л у ж а щ и Фамилия, имя и отчество	В чем обвиняются	Постановил:
1.	ИВАХАНОВ Василий Васильев.	Казак	П Р Я М О П О С Л О Ж И Т Е Л Ы
2.	ИВАНОВ Александр Иванович.	"	
3.	ИВАНОВ Федор Яковлевич.	"	
4.	ИВАНОВ Петр Антонович.	"	
5.	ИВАНОВ Владимир Григорьев.	"	
6.	ИВАНОВ Павел Иванович.	"	
7.	ИВАНОВ Иван Петрович.	Титулярн. сов.	
8.	ИВАНОВ Борис Иванович.	Ежевр.	
9.	ИВАНОВ Андрей Васильев.	Казак	
10.	ИВАНОВ Иван Васильев.	"	
11.	ИВАНОВ Степан Константинов.	" воен.вр.	
12.	ИВАНОВ Андрей Дмитриев.	"	
13.	ИВАНОВ Иван Кузьмич.	Казак	
14.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
15.	ИВАНОВ Яков Якович.	"	
16.	ИВАНОВ Иван Васильев.	"	
17.	ИВАНОВ Андрей Артемьевич.	"	
18.	ИВАНОВ Александр Александрович.	Подполковн.	
19.	ИВАНОВ Дмитрий Александрович.	Кол. воевр.	
20.	ИВАНОВ Степан Козыч.	Казак	
21.	ИВАНОВ Иван Григорьевич.	Чиновн. воен. вр.	
22.	ИВАНОВ Александр Иванович.	Казак	
23.	ИВАНОВ Иван Григорьевич.	"	
24.	ИВАНОВ Яков Григорьевич.	"	
25.	ИВАНОВ Петр Яковлевич.	"	
26.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
27.	ИВАНОВ Петр Яковлевич.	"	
28.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
29.	ИВАНОВ Александр Иванович.	"	
30.	ИВАНОВ Андрей Григорьевич.	"	
31.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
32.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Наводн. советн.	
33.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Ротный инструктор.	
34.	ИВАНОВ Андрей Григорьевич.	Городовоц.	
35.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	
36.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
37.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
38.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
39.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
40.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
41.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Торжн. сторож.	
42.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Наводн. советн.	
43.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	
44.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
45.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
46.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
47.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
48.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
49.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
50.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
51.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
52.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
53.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
54.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Чин. воен. вр.	
55.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Доброволец.	
56.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Артиллер.	
57.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Штаб-капитан.	
58.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Валдстр.	
59.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	
60.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	

61.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	П Р Я М О П О С Л О Ж И Т Е Л Ы
62.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Коллежский регистр.	
63.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Сек.	
64.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Чин. воен. вр.	
65.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	
66.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
67.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
68.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
69.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
70.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
71.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Подпрапорщик	
72.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	
73.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
74.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
75.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
76.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Воен. чиновн.	
77.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	
78.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
79.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Подпрапорщик	
80.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	
81.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
82.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
83.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
84.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
85.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
86.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
87.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
88.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
89.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
90.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
91.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
92.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
93.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
94.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
95.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
96.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
97.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
98.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
99.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
100.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
101.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
102.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
103.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
104.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
105.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
106.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
107.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
108.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Чин. воен. вр.	
109.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
110.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	
111.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
112.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	"	
113.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Стражник	
114.	ИВАНОВ Николай Григорьевич.	Казак	

115. ИВАНОВ Николай Григорьевич. Мил. Мин. Мери

ВСЕГО " 115 " ЧЛЕНОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ М. И. ЛЫСЕНКО

ЧЛЕНЫ: Гусин и Вобкевич

сти ЧОН и сталинские тройки уничтожали одних лишь казаков – антисоветчиков, кулаков, бандитов. Разоблачая этот стереотип, Николай Лысенко приводит документы, ставящие этот тезис под очень большое сомнение. Чего стоит один только расстрельный список Особого отдела 4-й армии РККА от 27 января 1921 года. В нём 115 фамилий, против каждой есть графа: «В чём обвиняется». Так вот, 16 расстрелянных прямо обвинялись в том, что они... казаки! То есть людей убили не за конкретные действия, а просто за принадлежность к определённому народу или сословию! Ещё 34 человека обвинялись в том, что они служили при царе городовыми, чиновниками, учились в юнкерских училищах. Напротив остальных 75 фамилий стоят прочерки. По правилам делопроизводства это может означать, что незаполненная графа тождественна той, что заполнена перед ней выше. А там одни казаки и значатся. Выходит, большая часть людей попала в расстрельный список именно за принадлежность к казачеству? Это предположение подкрепляет резолютивная часть протокола. Там указывается, что к решению о расстреле Особая тройка пришла, рассмотрев... анкеты арестованных. Так, может быть, анкеты были какие-то особенные, со сведениями о ранее совершенных преступлениях? Нет, совершенно обычные, автор приводит для ясности одну из них – анкету хлебопашца Фёдора Бублика, успешного послужившего сначала красным, потом, когда они отступили, – белым. Бублик мобилизованным в армию Врангеля, Фёдор Яковлевич заболел, угодил в госпиталь, там и был схвачен большевиками. В общем, обычная анкета военнопленного: в жандармерии не служил, к суду не привлекался, в карательных акциях не участвовал, к советской власти относится «добросовестно». Но есть пара нюансов, отмеченных красным карандашом особиста. Во-первых, подчеркнута, что Фёдор Бублик – казак. Во-вторых, то, что он служил у белых в казачьем звании вахмистра. Как оказалось, этого вполне достаточно для расстрела.

Партия сказала: надо!

Надо понимать, что изуверская жестокость, проявленная большевиками в казачьих станицах, проистекала не из одного лишь волюнтаризма красных бойцов и командиров на местах. Она прямо предписывалась всевозможными постановлениями, распоряжениями, протоколами заседаний совпарторганов. Этим документам посвящена значительная часть книги Николая Лысенко. И в них речь идёт не о вегетарианском «расказачивании», а именно о физическом уничтожении казаков.

К примеру, вот что писал Ленину замначальника Политотдела Южного фронта Исаак Рейнгольд:

«Бесспорно, принципиальный взгляд на казаков, как на элемент чуждый коммунизму и советской идее, правильный. Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно уничтожить, просто истребить физически».

Отметим, это послание датировано июлем 1919 года, когда красные казаки Филиппа Миронова уже всюю воевали в рядах РККА за «светлое будущее».

А вот выдержка из приказа Льва Троцкого:

«Казачество – это только слепое и тёмное орудие в руках монархистов-помещиков. Это своего рода зоологическая среда, и не более того».

«Зоологическая среда»... Вероятно большевистские вожди считали казаков эдакими недочеловеками. Не удивительно, что они отказывали им в праве считаться народом. Неудивительно и то, что даже красные казаки в конечном итоге восстали против такой власти и тоже были уничтожены. Многие указывают на то, что их к этому целенаправленно вели.

Кстати, высказался о казаках и Александр Белобородов, подписавший решение о расстреле Николая II и его семьи. В период Вёшенского восстания его командировали на Дон в качестве уполномоченного Совета труда и обороны РСФСР:

«... захваченных не судят, с ними производят массовую расправу, я наста-

иваю на этом самым решительным образом».

Кстати, позже, терроризируя население Северного Кавказа, он же настаивал на оккупации казачьих земель. Симптоматичная терминология.

Приведём здесь выдержку из книги Николая Лысенко:

«К смерти приговаривали за «сословную принадлежность» к казачеству, за бытовые негативные высказывания в адрес советской власти, молодых казачек отправляли «в расход» с формулировкой, – «за сожительство с бандитом». Особую ненависть красных палачей вызывали казацкие старики, которые даже у смертного порога не гнулись и дерзко демонстрировали своё презрение к «хамам». Таких людей могли отправить на расстрел с циничной, изуверской формулировкой: «вообще элемент бандитский 68 лет».

Кстати, в книге описывается ситуация, когда одному такому старику большевики прибили гвоздём язык к подбородку и водили так по станице, пока он не умер.

Стоит ли удивляться директиве члена Реввоенсовета Южфронта РККА Сергея Сырцова от 13 марта 1919 года:

«... За каждого убитого красноармейца и члена Ревкома расстреливать сотню казаков».

А откуда взять этих казаков? Согласно документам, опубликованным Николаем Лысенко, их брали из числа заложников, зачастую женщин и стариков. Так, в одной только станице Ново-Марьевской каратели расстреляли 780 женщин – матерей, жён, дочерей восставших.

Не каждый найдёт в себе силы читать о том, как убивали мирных жителей разных станиц. А ведь это были далеко не единичные случаи. Практически во всех свидетельских показаниях, воспоминаниях, собранных Николаем Лысенко, одна и та же картина.

Перелистав несколько раз 783-страничный том, я так и не нашел ничего умеренного, подходящего, чтобы заменить эпизод с массовой казнью мирных жителей кубанской станицы Пшехская – георгиевских кавалеров, стариков, женщин. Изначально я

включил его в эту статью, но потом убрал. Настолько страшна и бессмысленна была эта расправа.

«Я прошёл всю войну, но ничего более жуткого не видел», – заявил по этому поводу невольный свидетель трагедии в Пшехской.

11 сентября 2020 года, ровно через сто лет после этих событий, на братской могиле, где покоятся 97 убиенных большевиками станичников, их потомки открыли памятный мемориал. Панихиду отслужил благочинный Белореченского района Виталий Осипов и потомок казнённых, священник Дмитрий Гнездилов.

Выступая на открытии мемориала, глава Белореченского района Александр Шаповалов сказал:

– Мы всё думаем, что же такое произошло сто лет назад, что люди, которые вместе работали, вместе воспитывали детей, вместе защищали свою Родину – вдруг начали воевать, уничтожать друг друга? Вот такие зверства были возможны в то время... Трудно это понять, объяснить это невозможно. Наша задача – делать правильные выводы и правильно воспитывать нашу молодежь. Мы не можем быть уверенными, что подобное никогда не повторится. Об этом свидетельствуют события, которые происходят недалеко от границ нашей Родины.

О русских казачках и не только

Страшная получилась у Николая Лысенко книга, местами спорная. Не всякий согласится с необходимостью так называемого Новочеркасского трибунала, на котором настаивает автор. Не всем придется по душе и его рассуждения о решающей роли русского народа в истреблении казачества. С последним можно не согласиться хотя бы потому, что иногородние малоземельные крестьяне, ставшие опорой большевиков в землях казачьего Присуда – это ещё далеко не все русские. Да и сам конфликт между ними, как видно из книги, разожжён и доведён до стадии братоубийства искусственно. Пока большевизированные «иногородние» русские бились с русскими же казаками, на других охваченных войной территориях русские крестьяне бились с лютыми врагами служивых – красными латышами и китайцами, частями ЧОН. Побывали на всех фронтах и красные казаки – эти успели порубить всех, включая своих же братьев-станичников.

И здесь хочется сделать небольшое отступление и упомянуть необычный документ «Альбом русских красавиц», изданный редакцией газеты «Русский листок» в 1904 году. Он есть в сети

Дэвушка бурятка.

Русская девушка.

„Альбомъ русскихъ красавицъ“.

Финская шведа
въ традиционной одежде.

Молодая „Русская Девка“.

Поморская девушка (Архангельской губ.).

«Веселить глаз всех любителей женской красоты», – так объяснили в редакции газеты «Русский листок» выпуск «Альбома русских красавиц». При этом к русским были причислены представительницы всех национальностей России

ИВАН БОЛДЫРЕВ

«Интернет», найдите его, полистайте и убедитесь, что русские красавицы, это не только известные артистки Миткевич, Ячменева и Хренникова. Это ещё и русская полька, русская грузинка, русская финляндка, русская еврейка, русская румынка и, да – русская донская казачка! А вместе с ними крымская татарка, белорусска, малороссиянка, немка, гречанка..

Да, при царе можно было быть русским и казаком одновременно. И если бы у казаков не стали отнимать право именоваться казаками, произошедшими от казаков, они, наверное, вполне комфортно чувствовали бы себя частью великого русского суперэтноса.

В подкрепление этого тезиса процитирую адъюнкт-профессора К. А. Арсеньева, писавшего в 1818 году о национальном составе российских славян:

« Сюда относятся русские, поляки, казаки и славянские поселенцы в южных губерниях».

Как видите, уже тогда учёные мужи видели в казаках не только сословие, но и отдельный народ. Низводить до статуса реакционного сословия его стали позже, уже при большевиках. Именно тогда стараниями агитаторов

и пролетарских «историков» казаков причислили к главным врагам трудового народа. Якобы именно казаки были самыми лютыми подавителями народных волнений, цепными псами царизма. А ведь всё было, мягко говоря, не так. Восстания Ивана Болотникова, Кондратия Булавина, Степана Разина, Емельяна Пугачёва – это казацкие восстания. Большевистские «историки» о них очень даже хорошо помнят, но как только речь заходит о событиях революции и Гражданской войны, казаки у них становятся плохими. И это при том, что, помимо казаков, полицейские функции выполняли и другие части. К примеру гвардейские полки Семёновский, Павловский, Преображенский. И они, в отличие от вооружённых нагайками казаков, били из винтовок – на поражение.

Нынче хорошо известно и о том, что казаки накануне отречения царя не желали

Казачий агитпроп стоял на позиции невмешательства в братоубийственную войну

потом реабилитировали. То есть, если это и было воздаянием, вышло оно каким-то нелепым, неубедительным. Так неужели Господь спал, когда рушили церкви, неужто оставил он без ответа замороженных младенцев, заживо сожжённых в доменных печах юнкеров, зарубленных стариков, растерзанных женщин, заморенных голодом крестьян?

Читая о дичайших случаях насилия, совершённого большевиками, невольно ловишь себя на мысли, что нечто подобное происходило с людьми и в годы Великой Отечественной войны. Только там убивали не реакционных казаков, а простых советских граждан. Они даже вели себя перед казнью схожим образом: обречённо шли на «регистрацию», безропотно раздевались перед расстрелом, покорно ждали своей участи. А все эти пересыльные пункты, обнесённые колючкой концлагеря, – коллективная ответственность сначала станций, потом деревень за одного единственного убитого партизанами карателя? Разве это не наводит на мысль, что история повторяется, и у этого должна быть какая-то причина?

В 2017 году к столетию большевистского переворота Патриарх Кирилл изложил взгляд РПЦ на те события.

– Революция была великим преступлением. И те, кто обманывал народ, кто вводил его в заблуждение, кто провоцировал его на конфликты, преследовали совсем не те цели, которые они открыто декларировали. Была совсем другая повестка дня, о которой люди совсем даже не помышляли, – подчеркнул патриарх. – Из этих грозных событий столетней давности мы должны вынести очень важное заключение: мы должны своей добродетелью искупить свои грехи и грехи наших предков... Мы должны видеть скорбь другого человека.

Ещё жёстче он выразился 9 мая 2010 года:

– Мы знаем, что происходило в народе нашем после кровавых событий начала XX века. Сколько же было неправды, зла и человеческих страданий! Но Господь смысл эту неправду и это зло кровью нашей, кровью отцов наших, как то было не

Эта фотография сделана донским казаком Иваном Болдыревым в 70-х годах 19-го века в станице Цимлянской. На ней запечатлено казачье семейство. Удалось ли потомкам этих людей пережить лихолетье Гражданской войны и коллективизацию? Отметим, снимок сделан фотокамерой, которую Иван Болдырев собрал по собственным чертежам

единожды в истории рода человеческого. И потому мы должны проникнуться особым пониманием искупительного значения Великой Отечественной войны...

Российские войска, включая казаков, должны были войти в Берлин в 1918 году. По описанным в книге причинам их потомки сделали это только в мае 1945-го. Всё возвращается на круги своя, даже если люди, наметив неверные цели, торят свои, безбожные пути. 🌐